

7285

72888 - 75

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА,
издана К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ.

7.3.14.90

Ф. РАБЛЕ и М. МОНТЭНЬ.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ И ОБУЧЕНІИ.

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА

ИЗЪ „ГАРГАНТУА“ И „ПАНТАГРЮЭЛЯ“ РАБЛЕ
И „ОПЫТОВЪ“ МОНТЭНЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. Смирнова.

Съ приложеніемъ портретовъ и очерковъ жизни Рабле и Монтэня.

49452

О. Г. П. Б.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛЪ

№ 1490

НБ КМУС

7285

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №,
Пименовская ул., соб. домъ.

1896.

МЫСЛИ

О ВОСПИТАНИИ И ОБУЧЕНИИ

Ф. РАБЛЕ и М. МОНТЕНЯ.

* — 4 НОЯ 1941

О. Г. П. Б.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛЪ

№ 1490

~~495~~

15 / 10757

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ

К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ.

ВЫПУСКЪ IX.

Ф. РАБЛЕ и М. МОНТЭНЬ.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ И ОБУЧЕНІИ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,

Пименовская улица, собствен. домъ.

1896.

МЫСЛИ
О ВОСПИТАНІИ И ОБУЧЕНІИ

Ф. РАБЛЕ и М. МОНТЭНЯ.

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА

ИЗЪ „ГАРГАНТУА“ И „ПАНТАГРЮЭЛЯ“ РАБЛЕ
И „ОПЫТОВЪ“ МОНТЭНЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. Смирнова.

Съ приложеніемъ портретовъ и очерковъ жизни Рабле и Монтэня.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Г-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

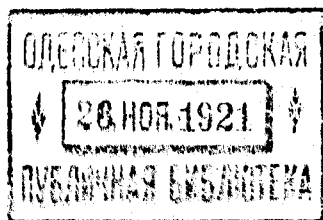
1896.

7285

+

Дозволено цензурою. Москва, 29 апрѣля 1896 г.

*Les Oeuures de M.F. Rabelais D en Medefine
ou et contenne l'histoire des fructs heroiques de
Gargantua et de son fils Pantagruel.*

ФРАНСУА РАБЛЕ.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ И ОБУЧЕНІИ
ДѢТЕЙ.

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ „ГАРГАНТУА И ПАНТАГРЮЭЛЯ“.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. СМІРНОВА.

Съ приложеніемъ портрета и очерка жизни Рабле.

Франсуа Рабле родился въ 1483 году, недалеко отъ Шинона въ Турени, на мызѣ Ла-Девиньеръ. Отецъ его, по мнѣнію однихъ, былъ аптекаремъ, а по мнѣнію другихъ — трактирщикомъ; о своей матери Рабле никогда не упоминалъ: можетъ-быть она рано умерла, а можетъ-быть просто не производила вліянія на окружающихъ и ничѣмъ не заявила о своемъ существованіи. Можетъ-быть, это было причиной, почему Рабле, набрасывая въ своемъ романѣ программу для воспитанія, не далъ въ немъ мѣста дѣятельности и вліянію матери. Напротивъ, къ отцу Рабле всегда сохранялъ любовь и уваженіе. Первоначальное образованіе Рабле получилъ въ бенедиктинскомъ аббатствѣ, бывшемъ недалеко отъ Шинона; но такъ какъ въ этомъ аббатствѣ онъ не могъ узнать особенно много, то поэтому перешелъ въ другой монастырь, во францинсканскій, расположенный недалеко отъ Анжера, и отсюда, вѣроятно, посѣщалъ Анжерскій университетъ. Въ монастырѣ онъ познакомился съ братьями Дю-Беллэ и д'Естиссакомъ. Эти лица впоследствии имѣли большое вліяніе въ жизни Рабле: занимая высокіе посты въ государствѣ, то въ качествѣ епископовъ, то въ качествѣ правителей провинцій, то въ качествѣ выдающихся генераловъ, они оказывали ему свое покровительство и помощь въ трудныя минуты его жизни. Окончивъ свои занятія въ монастырѣ Баметтъ, Рабле поступилъ въ монастырь Фонтенэ-ле-Контъ, гдѣ и былъ рукоположенъ во священники.

Примѣчаніе. Переводъ сдѣланъ по изданію P. Jannet:

Oeuvres de Rabelais, 2-me ed, P. 1873. Примѣчанія заимствованы изъ слѣдующихъ изданій: G. Regis, Meister Fr. Rabelais Gargantua und Pantagruel. Lpz. 1832.

Arnstädt, Fr. Rabelais, Gedanken über Erziehung und Unterricht. Lpz. (Pädagog. Bibliothek).

Въ этомъ монастырѣ онъ еще дѣятельнѣе сталъ изучать древніе языки, но этимъ однимъ не ограничился: онъ сталъ изучать также итальянскій, испанскій, нѣмецкій, еврейскій и арабскій языки; прекрасныя познанія во всѣхъ этихъ языкахъ доставили Рабле дружбу тогдашняго эллиниста Петра Ами и Антуана Ардильона, бывшихъ въ одномъ съ нимъ монастырѣ. Но и эти занятія, и эта дружба возбудили въ другихъ монахахъ зависть и нерасположеніе; занятія Рабле древними (особенно еврейскимъ) языками казались подозрительными. Въ его кельѣ захватили много книгъ, которыми снабжалъ Рабле его другъ, епископъ д'Естиссакъ, — предполагають, что въ числѣ книгъ находились нѣкоторыя сочиненія Еразма. Вскорѣ послѣ этого за какую-то вину Рабле былъ присужденъ монастырскими властями къ пожизненному заключенію на хлѣбѣ и на водѣ. Но у Рабле были могущественные друзья. Намѣстникъ округа, Тирако, другъ Рабле, скоро освободилъ его изъ заключенія; но оставаться въ монастырѣ, конечно, онъ не могъ; онъ бѣжалъ оттуда и нѣкоторое время скрывался, пока, наконецъ, папа Климентъ VII не далъ ему въ 1524 году позволенія покинуть монастырь и изъ францинсканскаго ордена перейти въ бенедиктинскій. Но Рабле не нравилось вообще пребываніе въ монастырѣ, почему онъ уже безъ разрѣшенія папы оставилъ монастырь и поступилъ къ епископу д'Естиссаку въ качествѣ простаго священника и частнаго секретаря. Съ этого времени и начинается скитальческая жизнь Рабле, отчасти объясняемая опасеніемъ преслѣдователей, а отчасти тѣмъ, что Рабле, вѣчно занимавшійся наукой, подражалъ въ этомъ случаѣ другимъ ученымъ тогдашняго времени: надо было ѣздить за профессорами, за книгами, на лучшіе факультеты. Пріѣзжаго въ каждомъ городѣ встрѣчали съ восторгомъ его собратія-ученые, такъ что онъ чувствовалъ себя вездѣ какъ дома. Да Рабле и по своимъ личнымъ качествамъ не могъ получить иного пріема, кромѣ радушнаго: всегда веселый, оживленный, остроумный, мастеръ говорить, все знающій и всѣмъ интересующійся, человѣкъ добрый и честный, желавшій по возможности помочь всякому, — Рабле всюду, конечно, былъ желаннымъ гостемъ. Въ замкѣ этого епископа

онъ познакомился со многими извѣстными лицами тогдашняго времени: съ Клеманомъ Моро, извѣстнымъ лирическимъ поэтомъ, Гюгомъ Салэ, Антуаномъ Геруэ, Бонавантюромъ де Перье, а чрезъ нихъ въ послѣдствіи и съ извѣстнымъ реформаторомъ Кальвиномъ. Впрочемъ послѣдняя дружба продолжалась не долго: Рабле и Кальвинъ были слишкомъ несхожи и по характеру, и по стремленіямъ. Въ послѣдствіи, боясь преслѣдованій, Рабле удалился подъ покровительство братьевъ дю-Беллэ; въ качествѣ простаго священника онъ поселился недалеко отъ ихъ замка и проводилъ время въ бесѣдахъ съ своими друзьями, въ занятіяхъ науками, а также въ лѣченіи своихъ прихожанъ (такъ какъ прибрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ медицинѣ при чтеніи книгъ). Вскорѣ онъ долженъ былъ отказаться и отъ этого мѣста: почти все его друзья были приверженцами реформы, а между тѣмъ преслѣдованія этихъ приверженцевъ все увеличивались: такъ Маро былъ заключенъ въ тюрьму, Беркэнъ сожженъ, де Перье самъ позднѣе лишилъ себя жизни. Съ другой стороны, его стремленіе изучить медицину требовало болѣе досуга. Подготовленный къ этому чтеніемъ книгъ, онъ отправился въ Монпелье, а въ 1532 году переселился въ Лионъ къ Этиенну Долэ, который былъ извѣстенъ какъ поэтъ, гуманистъ и типографщикъ. Здѣсь онъ занимался преподаваніемъ медицины (первый при своихъ лекціяхъ по анатоміи сталъ пользоваться трупами) и издавалъ медицинскія сочиненія. Но его серьезныя сочиненія, доставляя ему извѣстность, не доставляли ему средствъ для жизни; поэтому въ 1532 году появилась *Chronique Gargantaine*, которая, по свидѣтельству самого Рабле, въ 2 мѣсяца разошлась въ большемъ количествѣ экземпляровъ, чѣмъ Библия въ 9 лѣтъ. Въ 1533 году появился «Пантагрюэль» и въ теченіе одного года выдержалъ 3 изданія; въ 1535 году былъ выпущенъ «Гаргантюа», образовавшей собою первую книгу въ сочиненіи Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». При сочиненіи своего Гаргантюа Рабле несомнѣнно пользовался своей *Chronique Gargantaine*. Къ этому же времени относятся *Almanach pour l'année 1533 г.* и *Pantagrueline prognostication*. Въ 1534 году Рабле покинулъ Лионъ и вмѣстѣ съ Жаномъ дю-Беллэ отправился

въ Римъ. Римъ, впрочемъ, до извѣстной степени разочароваль его; онъ былъ не задолго до этого разорень войсками коннетабля Бурбона; а съ другой стороны на Рабле непріятно дѣйствовала распущенность тогдашняго католическаго духовенства и папскаго двора. Послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Римѣ Рабле возвратился во Францію, снова въ Ліонъ, гдѣ въ слѣдующемъ году и издалъ своего Гаргантюа. (Избранный врачомъ въ городскомъ госпиталѣ, онъ читалъ публичныя лекціи по анатоміи.) Это изданіе Гаргантюа и повлекло за собою разрывъ между Рабле и Кальвиномъ. Но, несмотря на этотъ разрывъ, Рабле все-таки представлялся слишкомъ вольномыслящимъ человѣкомъ, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ приверженности къ реформѣ. Это и заставляло Рабле часто мѣнять мѣсто своего пребыванія и болѣе прежняго держаться за епископа Жана дю-Беллэ, — такъ въ 1536—7 году онъ даже отправляется къ нему въ Римъ. Рабле воспользовался этимъ вторичнымъ пребываніемъ своимъ въ Римѣ для того, чтобы выпросить у папы разрѣшеніе отъ своихъ грѣховъ, отпущеніе церковныхъ наказаній, а также позволеніе оставить монашество и стать простымъ каноникомъ въ Сентъ-Моръ-ле-Фоссе, въ прежнемъ бенедектинскомъ аббатствѣ, секуляризованномъ, съ соизволенія папы, кардиналомъ дю-Беллэ. Но, прежде чѣмъ поселиться на новомъ мѣстѣ, онъ посѣтилъ Парижъ и Монпелье, гдѣ читалъ лекціи по медицинѣ; затѣмъ былъ въ Нарбоннѣ, Кастрѣ и Ліонѣ, и только въ 1540 году поселился въ Сентъ-Моръ. Но и отсюда путешествія его продолжались, — онъ ѣздилъ по сѣверной и западной Франціи. Въ это время онъ окончилъ третью книгу Гаргантюа и Пантагрюэля, но пускать ее въ свѣтъ опасался, — это было какъ разъ въ то время, когда Доле былъ въ тюрьмѣ, дю-Перье лишилъ себя жизни, чтобы избѣжать сожженія, а Маро преслѣдовали какъ кальвиниста; только въ 1545 году друзьямъ Рабле удалось заручиться дозволеніемъ Франциска I, и книга была напечатана. Чрезъ два года послѣ этого появилась въ свѣтъ и четвертая книга, но, по всей вѣроятности, безъ вѣдома Рабле. Опасаясь послѣдствій этого, Рабле покинулъ Францію и удалился въ Метцъ. Возвращаться во Францію было невозможно, тѣмъ болѣе, что

Францискъ I умеръ и на престолъ вступилъ Генрихъ II, котораго можно было опасаться больше, нежели перваго. При такихъ обстоятельствахъ онъ снова побѣхалъ въ Римъ къ дю-Беллэ, при его помощи примирился съ французскимъ дворомъ и получилъ позволеніе выпустить въ свѣтъ четвертую книгу. Съ января 1551 года онъ сдѣлался священникомъ въ Медонѣ. Собирая здѣсь вокругъ себя большое общество друзей, пріѣзжавшихъ къ нему изъ Парижа, онъ въ то же время ревностно исполнялъ свои обязанности: онъ лѣчилъ своихъ прихожанъ, помогаль нуждающимся, обучаль дѣтей пѣнію, дѣтей бѣдняковъ училъ читать и закону божію; къ нему приходили не одни его прихожане, чтобы прослушать обѣдню и проповѣдь медонскаго священника. Еще сто лѣтъ спустя послѣ смерти Рабле народъ тамошній въ видѣ пословицы говорилъ: ступайте въ Медонъ и спросите совѣта у господина кюрэ. Тогдашнее положеніе дѣлъ во Франціи, тревоги, испытанныя имъ при печатаніи цервыхъ книгъ своего произведенія, — все это не могло заставить Рабле особенно спѣшить изданіемъ пятой книги. Смерть застала его за ея обработкой. Онъ умеръ 9 апрѣля 1553 года.

Рабле былъ человѣкъ эпохи возрожденія наукъ и искусствъ; но если относить его къ приверженцамъ новой науки, къ гуманистамъ, то скорѣе можно отнести къ итальянскимъ гуманистамъ, чѣмъ къ нѣмецкимъ. Извѣстно, что первые почти всѣ были исключительно заняты наукой и ничѣмъ другимъ не интересовались, или интересовались очень мало; тогда какъ послѣдніе живо интересовались и тогдашнимъ состояніемъ католической церкви, и общественнымъ положеніемъ Германіи. Потому реформа католической церкви явилась не изъ Италіи, а изъ Германіи. Подобно извѣстному нѣмецкому гуманисту, Еразму Роттердамскому, Рабле во многомъ сочувствовалъ сторонникамъ реформы, къ которымъ принадлежало большинство его друзей; но и тотъ и другой не присоединились рѣшительно и открыто къ послѣдователямъ новаго исповѣданія. Если Еразмъ не сдѣлалъ этого по своему нерѣшительному характеру и по своей недюбви къ крутымъ мѣрамъ, то Рабле не сдѣлалъ этого потому, что мало интересовался дѣлами

католической церкви, а всею душой былъ преданъ наукѣ. Кромѣ того, какъ человѣкъ здраваго смысла по преимуществу, Рабле не могъ не видѣть недостатковъ и въ новомъ церковномъ движеніи и въ его приверженцахъ. Недаромъ приверженцы реформы говорили про него: онъ, повидимому, принадлежитъ къ нашей партіи, но иногда и въ нашъ огородъ бросаетъ камни.

Какъ гуманистъ, которому дороги были интересы науки и просвѣщенія, онъ не могъ не интересоваться педагогіей. Рабле стоитъ на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени. Въ это время новое боролось со старымъ, и эта борьба должна была вестись не только на почвѣ церкви и государства, но и на почвѣ педагогіи. Гуманисты, желавшіе добиться торжества своихъ идей, должны были обратить вниманіе и на воспитательное дѣло. На него обратилъ вниманіе и Рабле. Въ своей теоріи или, лучше сказать, въ практикѣ воспитанія Рабле исходитъ изъ отрицанія тѣхъ средневѣковыхъ порядковъ, которые, съ одной стороны, проявлялись въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ (напр. collegia Монтегю), а съ другой—въ приемахъ обученія и воспитанія отдѣльныхъ лицъ (наприм. Гаргантюа). Главные недостатки старой системы заключались въ дурномъ, часто даже жестокомъ отношеніи къ дѣтямъ, въ методахъ обученія, въ крайне непроизводительной тратѣ времени, въ наполненіи головъ знаніями часто ни къ чему непригодными, въ отсутствіи настоящаго умственнаго развитія. Рабле не стоитъ за особенныя облегченія и послабленія (онъ самъ заставляетъ Гаргантюа работать по 17 часовъ въ сутки), но онъ требуетъ, чтобы работа и отдыхъ были разумно распредѣлены и чтобы занимались тѣмъ, чѣмъ необходимо заниматься. Въ выборѣ предметовъ изученія онъ не походилъ на многихъ гуманистовъ, отличавшихся своею односторонностью. Рабле, получившій прекрасное литературно-филологическое образованіе, знавшій много древнихъ и новыхъ языковъ, самъ занимался естественными науками и медициной, и то же разностороннее знаніе онъ рекомендуетъ доставлять и ученику. Какъ человѣкъ, воспитавшійся на греческихъ авторахъ, какъ медикъ, онъ ратуетъ противъ одно-

сторонняго умственнаго развитія въ ущербъ физическому. Во взглядъ на умственное развитіе Рабле придерживался нѣсколько иного направленія, чѣмъ, наприм. Монтень: въ то время, какъ Монтень стоитъ не столько за обширныя знанія, сколько за развитіе ума и здраваго смысла, Рабле стоитъ и за то и за другое. Въ дѣлѣ воспитанія и обученія Рабле, какъ и Монтень, подчеркиваетъ значеніе воспитателя и не придаетъ значенія семьѣ въ этомъ отношеніи. Что касается до нравственнаго развитія, то Рабле, хотя и заставляетъ Гаргантюа давать Пантагрюэлю наставленія относительно нравственныхъ правилъ, но у него ничего не говорится о нравственномъ воспитаніи, какъ говорится о воспитаніи въ умственномъ и физическомъ отношеніи,—можетъ-быть онъ держался мнѣнія, что нравственный характеръ прирожденъ челѣвѣку, а не дается воспитаніемъ.

Для исторіи педагогіи Рабле имѣетъ несомнѣнное значеніе. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на Монтеня, а послѣдній въ свою очередь — на Локка. Нѣкоторыя мѣста въ Эмилѣ Руссо, можетъ-быть, указываютъ на заимствованы изъ Рабле; но, во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ на него вліяніе при посредствѣ Монтеня и Локка. Всѣ главнѣйшія мысли Рабле, какъ-то: 1) относительно наглядности обученія, 2) относительно привычки къ самостоятельному мышленію, 3) относительно развитія въ ученикѣ практической ловкости и относительно воспитанія дѣтей примѣнительно къ жизни, 4) относительно гармоническаго развитія тѣла и духа, и, наконецъ, 5) относительно лучшихъ методовъ и болѣе мягкаго обращенія съ дѣтьми,—всѣ эти мысли мы одинаково встрѣчаемъ и у Монтеня, Локка и Руссо.

ФРАНСУА РАБЛЕ.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ И ОБУЧЕНИИ.

Извращенное воспитаніе Гаргантюа.

Книга I, глава XI.

Съ 3-хъ и до 5-ти лѣтъ Гаргантюа получалъ, согласно волѣ его отца, надлежащее воспитаніе и проводилъ время, какъ и всѣ дѣти въ его странѣ, въ питьѣ, ѣдѣ и снѣ,—въ ѣдѣ, снѣ и питьѣ и въ снѣ, питьѣ и ѣдѣ.—Гл. XIII. Когда къ концу его пятого года отецъ его Грангузье вернулся послѣ побѣды надъ канарійцами, то посѣтилъ своего сына Гаргантюа. Онъ былъ очень обрадованъ, какъ только могъ быть обрадованъ такой отецъ, увидѣвъ такого сына. Онъ его обнималъ, цѣловалъ и предлагалъ объ многихъ вещахъ легонькіе дѣтскіе вопросы.—Гл. XIV. Когда Грангузье услышалъ его отвѣты, то пришелъ въ восторгъ, такъ какъ увидѣлъ изъ нихъ большія способности и удивительный разумъ, и сказалъ его воспитателямъ: «Филиппъ, царь Македонскій, узналъ о великомъ умѣ Александра, своего сына, по его искусному обращенію съ лошадыю. Эта лошады была такъ дика и необузданна, что никто не смѣлъ на нее садиться, потому что она сбрасывала всѣхъ сѣдоковъ; одному сокрушала шею, другому ноги, третьему черепъ, четвертому челюсть. Когда Александръ увидѣлъ все это на ипподромѣ (мѣсто, гдѣ ѣздить и объѣзжаютъ лошадей), то замѣтилъ, что все бѣснованіе лошади происходило отъ того, что она боялась своей собственной тѣни. Поэтому, сядя на нее, онъ заставлялъ ее бѣжать противъ солнца, такъ что тѣнь падала назадъ, и этимъ способомъ онъ подчинилъ лошады своей волѣ. Изъ этого отецъ его усмотрѣлъ въ немъ божественный разумъ и отдалъ его для обученія Аристотелю, который въ то время былъ въ большемъ уваженіи, нежели всѣ остальные греческіе мудрецы.

«Я вамъ говорю, что изъ одного только разговора, который я вель сейчасъ въ вашемъ присутствіи съ моимъ сыномъ, я узнаю, что въ его разумѣ есть что-то божественное, — настолько его умъ проникателенъ, тонокъ, глубокъ и свѣтель, и что онъ можетъ достигъ высочайшей мудрости, если будетъ хорошо развитъ. Поэтому я хочу передать его какому-нибудь ученому человѣку, чтобы тотъ обучилъ его сообразно съ его способностями, и не буду жалѣть на это никакихъ издержекъ».

Вскорѣ ему рекомендовали великаго доктора - софиста, по имени Тубаль Олофернъ. Этотъ выучилъ мальчика азбукъ такъ хорошо, что онъ могъ сказать наизусть всѣ буквы въ обратномъ порядкѣ; употребилъ онъ на это 5 лѣтъ и 3 мѣсяца; потомъ онъ читалъ съ нимъ Доната, а также Facetus, Theodoletus и Alanus in parabolis ¹⁾ и на это употребилъ еще 13 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и двѣ недѣли.

Но замѣтите хорошенько, что въ то же время онъ училъ его писать готическимъ шрифтомъ, такъ какъ онъ писалъ всѣ свои книги, потому что книгопечатаніе не было еще въ ходу.

Потомъ учитель изучалъ съ своимъ ученикомъ De modis significandi ²⁾ съ комментаріями Гуртебиза, Фаскина, Тради-тѣкса, Гвалехола, Жана ле Во, Билланіо, Брелинганды ³⁾ и другихъ; на это онъ употребилъ 18 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ и научилъ его этому такъ хорошо, что ученикъ при испытаніи могъ пересказать все это не только наизусть, но даже наоборотъ. И сынъ по пальцамъ доказалъ своей матери, что de modis significandi non erat scientia.

Затѣмъ онъ читалъ съ нимъ Computus Aniana ⁴⁾, на чтеніе

1) Aelins Donatus, грамматикъ IV в. по Р. X. и учитель св. Иеронима. Авторъ самой употребительной въ то время латинской грамматики. Facetus, Theodoletus и Alanus in parabolis. Эти трактаты составляютъ часть Auctores octo morales, которые писаны лат. стихами и впервые были напечатаны въ 1490 году.

2) De modis significandi составлена Іоанномъ де Гарландіа, англійскимъ ученымъ XI вѣка.

3) Выдуманная имена.

4) По мнѣнію однихъ, это Liber Aniani, quo Computus nuncupatur, астрономическое руководство для вычисленія (Computatio) теченія солнца и луны, золотого числа и пр., появившееся въ 1493 г.; по мнѣнію дру-

котораго употребилъ 16 лѣтъ и 2 мѣсяца, и въ это время учитель Тубаль Оложернъ скончался въ 1420 г.

Послѣ этого Гаргантюа перешелъ къ другому учителю, къ старому кряхтуну Жобелину Бризе, который основательно изучалъ съ нимъ *Hugutia* ¹⁾, *Hebrardi Graecismum* ²⁾, *Doctrinale* ³⁾, *Partes* и *Quid est* ⁴⁾, *Supplementum* ⁵⁾, *Marmotret* ⁶⁾, *De moribus in mensa servandis* ⁷⁾, *Seneca, De quatuor Virtutibus cardinalibus* ⁸⁾, *Passavantus cum commento* ⁹⁾ и *Dormi secure* ¹⁰⁾—и, кромѣ того, нѣкоторыя другія сочиненія въ этомъ родѣ, отъ чтенія которыхъ его мудрость возросла настолько, что болѣе никогда уже нельзя было ее увеличить.

Глав. 15. Однако отецъ его замѣтилъ, что, несмотря на то, что сынъ занимался очень прилежно и употреблялъ на это все время, онъ все-таки не дѣлалъ успѣховъ и, что еще хуже,

гихъ, это грамматика „*Composita verborum*“, приписываемая Иоанну де Гарландіа.

1) *Hugutio*, епископъ Феррарскій; здѣсь разумѣется его сочиненіе *Liber derivationum*, въ которомъ есть трактатъ о грамматикѣ и словарѣ.

2) *Hebrardi Graecismus*—объясненіе (въ стихахъ) греческихъ или заимствованныхъ съ греческаго выраженій (составлена книга въ 1212 г.).

3) *Doctrinale*, начатки лат. языка, написанные въ стихахъ; употребительнѣйшая книга во всѣхъ мѣстахъ Западной Европы въ теченіе 13—15 и начала 16-го вѣковъ.

4) *Partes (orationis)* и *Quid est*—школьныя руководства, послѣднее въ вопросахъ и отвѣтахъ.

5) *Supplementum Chronicorum*, соч. августинскаго монаха Якова Филиппа Бергамскаго.

6) *Mormotret*, въ насмѣшку исковерканное заглавіе книги *Mammetractus sive expositio in singulis libris Bibliae, authore Marchesino. 1470*—нѣчто вродѣ введенія къ чтенію Библии.

7) *Sulpitii Verulani de moribus in mensa servandis*, застольныя правила для дѣтей.

8) *Pseudo-Seneca de quatuor virtutibus cardinalibus*, трактатъ Мартина епископа Брагскаго (572 г.).

9) *Passavantus e commento*. Доминиканскій монахъ Пассавантъ († 1357) былъ осмѣиванъ за свои примѣчанія къ комментаріямъ, которыми два другихъ монаха снабдили *De civitate Dei* блаженнаго Августина.

10) *Dormi secure*—собраніе проповѣдей для духовныхъ лицъ, составленное Матеємъ Гусомъ въ 1480 г.

становился отъ ученія глупѣе, безтолковѣе, задумчивѣе и страннѣе. И когда онъ попечаловался объ этомъ Донъ-Филиппу де-Маре, вице-королю города Papefigosse ¹⁾, тотъ намекнулъ ему, что лучше бы было ничему не учиться, чѣмъ изучать такія книги и съ такими учителями, потому что ихъ знаніе—вздоръ и ихъ мудрость—макина, которые тормазятъ благородныя умы и уничтожаютъ цвѣтъ юношества. А для доказательства,—сказаль онъ,—возьмите теперешняго мальчика, учившагося всего 2 года, и если у него не будетъ лучшаго сужденія, лучшаго краснорѣчія и умѣнья вести бесѣду и лучшей манеры себя держать, то считайте меня за самага отъявленнаго пустомелю ²⁾. Это очень понравилось отцу Гаргантюа и онъ приказаль сдѣлать испытаніе.

Къ вечернему пиру де-Маре привель съ собой пажа, родомъ изъ Вилль-Гонжи, по имени Евдемонъ, который былъ такъ хорошо причесанъ, такъ мило одѣтъ, такъ тщательно вычищенъ и такъ благонаравенъ, что скорѣе походилъ на ангельчика, чѣмъ на человѣка. Потомъ де-Маре сказаль Грангузье:

«Видите ли вы это дитя, ему еще нѣтъ и 12 лѣтъ. Теперь мы посмотримъ, какая разница между мудростью вашихъ пустыхъ фантазеровъ прежнихъ временъ и молодыми людьми нашего времени». Проба понравилась Грангузье и онъ приказаль мальчику говорить. Испросивъ позволеніе у своего господина, вице-короля, Евдемонъ съ шапочкой въ рукѣ, съ открытымъ лицомъ, съ краснымъ ротикомъ, съ твердымъ взглядомъ, съ юношескою скромностью выступилъ передъ Гаргантюа и, обративъ на него свой взоръ, началъ его хвалить и прославлять: во-первыхъ, за его добродѣтель и хорошіе нравы; во-вторыхъ, за знанія; въ-третьихъ, за его благородное происхождение; въ-четвертыхъ, за физическую красоту и, въ-пятыхъ, началъ его увѣщевать въ мягкихъ выраженіяхъ оказы-

1) Papefigosse, фантастическая страна; названіе собственно означаетъ Папоиздѣвательство, т.е. какъ будто свобода въ этой странѣ настолько велика, что можно безнаказанно издѣваться надъ папой.

2) La Bresse (Бренскій свинорѣзъ). Ла-Брень небольшое мѣстечко въ Турени. Выраженіе это означаетъ „хвастливый пустомель“.

вать отцу почтеніе и всегда его слушаться, такъ какъ онъ прилагаетъ большія старанія для его образованія. Въ заключеніе онъ просилъ считать его въ числѣ самимъ покорныхъ слугъ, потому что въ данную минуту онъ не могъ бы просить у неба другой милости, какъ только счастья оказать ему какимъ-нибудь образомъ какую бы то ни было услугу. Все это было сказано съ такими изящными жестами, такимъ убѣдительнымъ тономъ, ясностью изложенія и краснорѣчіемъ, на такомъ прекрасномъ латинскомъ языкѣ, что его скорѣе можно было принять за Гракха, Цицерона или Эмилиа прежнихъ временъ, но никакъ не за мальчика нашего столѣтія. Манера же держать себя у Гаргантюа была совсѣмъ другая: онъ началъ ревѣть, какъ корова, закрылъ лицо шапкой и отъ него такъ же невозможно было добиться слова, какъ отъ мертваго осла.

Его отецъ такъ разгнѣвался, что хотѣлъ убить учителя Жобелина. Филиппъ де Маре ласково отговорилъ его отъ этого, такъ что его гнѣвъ нѣсколько утихъ. Но все-таки онъ приказалъ выдать учителю жалованье, дать ему напитокъ какъ софисту, а потомъ пусть онъ убирается ко всѣмъ чертямъ... Когда Жобелинъ удалился изъ дома, Грангузье сталъ совѣтоваться съ Филиппомъ де Маре, какого бы учителя дать сыну, и оба порѣшили предоставить эту должность Понократу, воспитателю Евдемона, и отправить ихъ въ Парижъ, чтобъ они тамъ занимались такъ, какъ это было принято въ то время во Франціи.

Глав. 21. Когда учитель и его воспитанникъ прибыли въ столицу Франціи, Гаргантюа твердо рѣшился учиться по предписанію Понократа. Но послѣдній рѣшилъ, что на первое время онъ будетъ жить такъ, какъ прежде, чтобы ему можно было уразумѣть, при помощи какихъ приемовъ прежніе учителя сдѣлали его въ такое долгое время только безалабернымъ, безтолковымъ и неучемъ.

Онъ раздѣлилъ его время такъ, что онъ просыпался обыкновенно между 8 и 9 часами, все равно, было ли свѣтло или нѣтъ. Такъ поступали его учителя—софисты и при этомъ приводили изреченіе Давида: «Vanum est vobis ante lucem surgere» 1). Потомъ онъ въ постели потягивался, валялся и ка-

1) Пустое дѣло—вставать до разсвѣта.

слаждался еще нѣкоторое время, чтобы возбудить свой духъ, а потомъ одѣвался сообразно времени года; но больше всего любилъ онъ широкое и длинное фризное платье, опушенное лисицей. Затѣмъ онъ причесывался нѣмецкою гребенкой, т.-е. пятерней. Потому что его учителя говорили, что тотъ, кто причесывается, умывается и приводитъ себя въ порядокъ, тотъ только теряетъ время на этомъ свѣтѣ... Послѣ чего онъ очень обильно завтракалъ. Понократъ старался ему внушить, что не слѣдуетъ сразу послѣ сна употреблять пищу, не продѣлавъ предварительно физическихъ упражненій. «Какъ?—говорилъ Гаргантуа,—развѣ я недостаточно упражнялся, перевернувшись до вставанія разъ 6 — 7? Развѣ этого мало? Папа Александръ, по совѣту своего врача, еврея, поступалъ такъ же и жилъ до смерти на зло своимъ завистникамъ. Мои прежніе учителя приучили меня къ этому, говоря, что завтракъ развиваетъ память; притомъ они прежде пили. Я прекрасно себя чувствую и превосходно ѣмъ за обѣдомъ. Господинъ Тубаль, который былъ первымъ въ своемъ лиценціатствѣ въ Парижѣ, часто говорилъ мнѣ, что польза не въ томъ, чтобы скоро бѣгать, а въ томъ, чтобы во время выбѣжать...»

Позавтракавши плотно, онъ шелъ въ церковь, куда за нимъ несли въ большой корзинѣ толстый, переплетенный въ толстѣйшую кожу, молитвенникъ... ¹⁾ Тамъ онъ отстаивалъ 26 или 30 мессъ. Между тѣмъ становился на свое мѣсто дьячокъ, съ которымъ онъ и произносилъ всѣ свои молитвы такъ тщательно, что ни одного зернышка не падало на землю. Потомъ онъ ходилъ по галлереймъ и садамъ монастыря, причемъ около него читали молитвы еще 16 пустынниковъ. Послѣ этого онъ занимался съ полчаса, вперивъ глаза въ книгу, тогда какъ его мозгъ, какъ говорить одинъ комикъ ²⁾, былъ на кухнѣ. Во время обѣда, слѣдовавшего вскорѣ, онъ ѣлъ то, что предлагало

¹⁾ Un gros breviaire emprantophlé. Одни предполагаютъ, что это означаетъ: переплетенный въ толстую сапожную кожу, а другіе принимаютъ это въ смыслѣ: имѣющій печать папской туфли, т.-е. одобренный папой молитвенникъ.

²⁾ Теренцій въ комедіи Eunuchus.

ему время года, и прекращалъ ѣду только тогда, когда желудокъ переставалъ принимать. Въ питьѣ онъ не зналъ мѣры.

Глав. 22. Затѣмъ онъ съ трудомъ бормоталъ сквозь зубы *Gratias*, мылъ руки свѣжимъ виномъ, ковырялъ въ зубахъ свиной ногой и весело болталъ съ прислугой. Потомъ столъ покрывали зеленымъ сукномъ, приносили груды картъ, костей и лото, и онъ игралъ. Наигравшись и убивъ время такимъ способомъ, онъ заявлялъ желаніе опять пить... Затѣмъ онъ растягивался на хорошую скамью или на мягкую постель и спалъ часа 2—3, не думая и не говоря ничего худого. Проснувшись, онъ немножко встряхивался. Между тѣмъ ему приносили свѣжаго вина и онъ начиналъ пить еще лучше прежняго. Понократъ доказывалъ ему, что это скверный обычай, когда пьютъ послѣ спанья. «Но,—говорилъ Гаргантюа,—это настоящая жизнь нашихъ предковъ...—Затѣмъ онъ немного занимался, прочитавъ предварительно нѣсколько разъ Отче нашъ... Вслѣдъ затѣмъ онъ выѣзжалъ; возвращаясь домой, заходилъ на кухню, чтобы посмотрѣть, какое жаркое было на вертелѣ. Послѣ этого онъ ужиналъ, пригласивъ нѣсколькихъ питуховъ изъ сосѣдей, чокался съ ними и болталъ о новомъ и старомъ... Послѣ игры или проводивъ гостей, а также послѣ банкета онъ засыпалъ и спалъ безъ удержу до 8 ч. слѣдующаго дня.

Планъ воспитанія и обученія Гаргантюа ¹¹⁾.

Книга I, глава 23.

Какъ Гаргантюа по системѣ Понократа жилъ, не теряя попусту ни одного часа въ сутки.

Когда Понократъ познакомился съ несообразнымъ образомъ жизни Гаргантюа, то рѣшилъ вести его занятія совершенно иначе. На первое время онъ еще терпѣлъ прежній образъ жизни въ виду того, что природа не въ состояніи перенести быстрыхъ перемѣнъ безъ сопротивленія. Для того, чтобы лучше начать свое дѣло, онъ просилъ ученѣйшаго доктора того времени, по имени Θεодора, чтобы тотъ обдумалъ, какъ бы на-

править Гаргантюа, если это возможно, на лучший путь. Докторъ, согласно предписанію медицины, очистилъ его антицирской чемерицей и при помощи этого лѣкарства освободилъ мозгъ Гаргантюа отъ разныхъ возбужденій и дурныхъ привычекъ. При помощи этого средства Понократъ добился того, что Гаргантюа забылъ все, что онъ училъ у своихъ прежнихъ учителей; такъ поступалъ Тимоѳей 1) съ своими учениками, которые учились прежде у другихъ музыкантовъ.

Для того, чтобы лучше успѣть въ этомъ дѣлѣ, онъ свелъ его въ общество ученыхъ людей, которые тамъ жили, чтобы ихъ примѣръ возбудилъ въ немъ желаніе и потребность учиться другимъ способомъ и измѣниться къ лучшему.

Затѣмъ онъ такъ направилъ ходъ его занятій, что у него не пропадало ни одного часу, и онъ проводилъ все время въ занятіяхъ благородными искусствами и науками.

Теперь Гаргантюа вставалъ около 4 ч. утра. Въ то время, какъ его вытирали, ему прочитывали громко и внятно страницу изъ священнаго Писанія съ должными объясненіями на каждую главу, что было поручено пажу, называемому Анагностъ 2), бывшему родомъ изъ Баше. Примѣнительно къ словамъ и содержанію читаемаго онъ восхвалялъ, прославлялъ Господа и благодарилъ Его за то, что Его величіе и дивныя предначертанія открыты ему чтеніемъ...

Учитель еще разъ повторялъ ему прочитанное и объяснялъ ему темныя и трудныя мѣста. Затѣмъ они наблюдали небо, находилось ли оно въ томъ же состояніи, въ какомъ они видѣли его вчера вечеромъ, и въ какой знакъ зодіака вступали сегодня солнце и луна.

По окончаніи всего этого его одѣвали, причесывали, завивали, украшали и душили; въ это время съ нимъ повторяли пройденные вчера уроки. Онъ произносилъ ихъ наизусть и въ подтвержденіе ихъ приводилъ практическіе примѣры изъ обыкновенной жизни, что продолжалось иногда часа два или

1) Тимоѳей Милетскій, флейтщикъ Александра Великаго.

2) Рабъ, исполнявшій это, у грековъ называли *Ἀναγνώστης*. — Баше мѣсто недалеко отъ родины Рабле, Шинона, на границѣ Турени и Пуату.

три; но обыкновенно они прекращали повтореніе, какъ только онъ бывалъ совсѣмъ одѣтъ. Послѣ этого онъ занимался чтеніемъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ. Покончивъ съ чтеніемъ, они выходили изъ дома, разговаривая о содержаніи прочитаннаго, и отправлялись къ Бракъ ¹⁾ или на лугъ, гдѣ играли въ мячъ, въ ручной мячъ и затѣмъ въ тотъ же мячъ, только втроемъ ²⁾, упражняя тѣло такъ же, какъ раньше упражняли умъ. Вся игра велась съ полною свободой, такъ какъ они бросали играть по желанію, но обыкновенно бросали только тогда, когда были мокры отъ пота, или когда уставали. Тогда ихъ какъ можно лучше обсушали и вытирали, они надѣвали свѣжее бѣлье и въ видѣ прогулки шли посмотрѣть, готовъ ли обѣдъ. Въ ожиданіе обѣда они ясно и отчетливо произносили нѣкоторыя мысли, почерпнутыя изъ урока. Между тѣмъ аппетитъ разыгрывался и они садились за столъ при первой возможности.

При началѣ ѣды, до питья, прочитывался обыкновенно какой-нибудь хорошенькій рассказъ о старинныхъ геройскихъ подвигахъ. Если Гаргантюа желалъ, то чтеніе продолжалось, или начинался веселый разговоръ; въ первое время говорили о достоинствахъ, свойствахъ, дѣйствіи и природѣ всего того, что подавалось на столѣ: о хлѣбѣ, винѣ, водѣ, соли, мясѣ, рыбѣ, плодахъ, овощахъ, кореньяхъ, а также и объ ихъ приготовленіи. Велѣдствіе такого образа дѣйствій онъ въ короткое время выучилъ всѣ соответствующія мѣста изъ Плинія, Атенея, Diosкорида, Юлія Поллукса, Галена, Порфирія ³⁾, Опсіана ⁴⁾, Полибія, Аристотеля, Геліодора ⁵⁾, Эліана и многихъ другихъ. Послѣ такихъ разговоровъ, чтобъ убѣдиться, правильно ли они говорятъ, они приказывали приносить себѣ

¹⁾ Предполагають, что выраженіе итти къ Бракъ означало итти къ перекрестку, именуемому Бракъ (Carrefour de Bracque).

²⁾ Jeu de balle à trois—игра въ мячъ, въ которой играющіе становились въ видѣ треугольника.

³⁾ Порфирій, платоникъ 3-го вѣка.

⁴⁾ Опсіанъ, киликійскій поэтъ 2-го вѣка.

⁵⁾ Геліодоръ, епископъ Триккскій въ Фессаліи, жилъ въ 4 вѣкѣ по Р. Х.

эти книги и отыскивали надлежащія мѣста; прочитавъ ихъ, Гаргантюа такъ хорошо удерживалъ ихъ въ памяти, что въ то время не было даже врача, который зналъ хотя бы половину того, что зналъ онъ. Потомъ они разговаривали о прочитанныхъ утромъ урокахъ и заканчивали свой обѣдъ айвовой пастилой; потомъ онъ чистилъ зубы зубочисткой изъ мастичнаго дерева, мылъ руки и глаза чистою водою и благодарилъ Бога нѣсколькими молитвами, сложенными въ хвалу, Божіихъ щедротъ и милосердія.

Потомъ приносили карты, но не для игры, а для изученія тысячи мелочей и тонкостей, построенныхъ на математикѣ, вслѣдствіе чего онъ такъ это полюбилъ, что съ удовольствіемъ занимался этимъ послѣ обѣда и ужина, какъ прежде занимался игрой въ кости и карты; этимъ онъ такъ хорошо изучилъ теорію и практику всего этого, что англичанинъ Тунсталь ¹⁾, специально писавшій о математикѣ, долженъ былъ сознаться, что въ сравненіи съ нимъ онъ самъ меньше въ ней понимаетъ, чѣмъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Онъ былъ свѣдуць не только въ этомъ, но и въ другихъ отрасляхъ математики, какъ наприм. въ геометріи, астрономіи и музыкѣ, потому въ послѣобѣденное время они дѣлали сотни маленькихъ изящныхъ геометрическихъ инструментовъ и фигуръ, примѣняли также и астрономическія формулы.

Послѣ этого они занимались музыкой, распѣвая что-нибудь въ четыре и пять голосовъ, или на такую тему, какая кому приходила въ голову. Что касается музыкальныхъ инструментовъ, то онъ учился играть на лютнѣ, шпинеттѣ, арфѣ, на нѣмецкой флейтѣ* и флейтѣ съ 9 клапанами, на скрипкѣ и на тромбонѣ. Послѣ нѣсколькихъ проведенныхъ такимъ образомъ часовъ онъ занимался три часа, специально повторяя пройденные утромъ уроки, прочитывая начатую книгу, а также учась писать, чертить и копировать древнія римскія буквы.

Покончивъ съ этимъ, они покидали квартиру вмѣстѣ съ молодымъ туренскимъ дворяниномъ по имени Гимнасть, ко-

¹⁾ Тунсталь, епископъ Дѣргемскій, секретарь Генриха VIII, математикъ и философъ.

торый былъ его оруженосцемъ и обучалъ его искусству верховой ѣзды. Онъ перемѣнялъ платье и садился на скаковую лошадь, на испанскую, арабскую, на жеребца, на легкую лошадь; тогда онъ продѣлывалъ сотни каррьеровъ, заставлялъ лошадь свободно прыгать черезъ ровъ, брать барьеръ, бѣгать кругомъ въ правую или лѣвую сторону.

Потомъ онъ не ломалъ ни одного копыя (потому что большая глупость, когда кто-нибудь говоритъ: я сломалъ на турнирѣ или въ борьбѣ 10 копій, — это сѣмъветъ сдѣлать и плотникъ, — истинная слава сломать 10 враговъ однимъ копьемъ), а однимъ крѣпкимъ стальнымъ копьемъ вышибалъ ворота, прокалывалъ панцирь, ниспровергалъ дерево, снималъ кольца, увозилъ сѣдло, нагрудникъ, перчатку, и все это продѣлывалъ, несмотря на то, что былъ вооруженъ съ головы до ногъ. Что касается до того, чтобъ играть на трубѣ, щелкать и хлопать ¹⁾, сидя на лошади, никто не умѣлъ дѣлать этого лучше его.

И въ другихъ упражненіяхъ на лошади онъ былъ такъ искусенъ, что берейторъ изъ Феррары ²⁾ былъ просто обезьяна въ сравненіи съ нимъ. Въ особенности онъ былъ мастеромъ перепрыгивать съ одной лошади на другую, не касаясь земли (такія лошади и назывались *Desultorii*), вскакивать на лошадь съ копьемъ въ рукѣ безъ помощи стремени и управлять конемъ безъ помощи узды. Такіе отчаянные прыжки служили для воинскихъ упражненій. На другой день онъ упражнялся съ сѣкирой, которою махалъ такъ ловко, такъ ловко взмахивалъ ею послѣ cadaго удара и такъ ловко вертѣлъ ею, что въ полѣ и на всѣхъ испытаніяхъ считался настоящимъ рыцаремъ.

Потомъ онъ металъ пику, наносилъ сильные удары широкимъ обоюдоострымъ мечомъ, огромнымъ мечомъ ³⁾, испан-

1) *Popismes*, греч. *ποπιζματα*, щелканье берейторовъ губами и хлопанье руками.

2) Вѣроятно, итальянскій мастеръ верховой ѣзды, бывшій при дворѣ Франциска I, или ставшій извѣстнымъ Рабле во время поѣздки послѣдняго въ Италію.

3) *L'espée bastarde*, мечъ, не похожій ни на французскій, ни на испанскій, ни на ландскнехтскій мечъ, но превосходившій ихъ величиною.

лена, Мацера ¹⁾, и приносили полны руки растеній домой, гдѣ пажъ Ризотомъ (ботаникъ) пряталъ ихъ, также какъ и кирки, мотыки, кривые заступы, бороздники, лопаточки и другія инструменты для гербаризаціи. Вернувшись домой, они повторяли кое-что изъ прочитаннаго, въ то время, какъ приготовляли ужинъ, а потомъ садились за столъ.

Здѣсь нужно замѣтить, что его обѣдъ былъ простъ и умеренъ. Гаргантюа съѣдалъ лишь столько, сколько нужно было, чтобы немного утолить голодъ, но за то ужинъ былъ обилень, и онъ ѣлъ тогда столько, сколько было необходимо для насыщенія и поддержанія организма.

Это и есть самый правильный способъ ѣды, какъ указываетъ хорошая и надежная медицина, что бы тамъ ни говорила и ни таякала противъ этого цѣлая шайка докторовъ прокисшихъ въ софистическихъ мастерскихъ ²⁾.

Во время ужина иногда продолжали (пока хотѣли) начатое за обѣдомъ чтеніе, а остальное время проводили въ хорошихъ ученыхъ и полезныхъ бесѣдахъ.

Послѣ прочтенія благодарственной молитвы, они начинали пѣть или играть на благозвучныхъ инструментахъ, а иногда позволяли себѣ маленькое развлеченіе въ видѣ игры въ карты и кости или въ видѣ кубковъ; весело сидѣли они вмѣстѣ и проводили время до отхода ко сну.

Иногда они посѣщали собранія ученыхъ людей или такихъ, которые видѣли чужія страны.

Въ полночь, передъ отходомъ ко сну, они отправлялись на самое открытое мѣсто въ домѣ, чтобы налюдовать за небомъ, обращали вниманіе на кометы, если онѣ были, на фигуры, видѣ, мѣсто, противостояніе и соединеніе звѣздъ.

Потомъ, по примѣру пифагорейцевъ, онъ кратко повторялъ съ своимъ учителемъ все то, что читалъ, видѣлъ, узналъ,

1) Мацерь, римскій поэтъ, современникъ Виргилія.

2) Здѣсь имѣется въ виду, по мнѣнію нѣкоторыхъ, арабъ Авиценна и его послѣдователи, въ противоположность Галену и его послѣдователямъ, рекомендовавшимъ ѣсть мало за обѣдомъ и больше вечеромъ. Впрочемъ обыкновенно Равле разумѣтъ подъ софистами профессоровъ Сорбонны.

сдѣлать и слышалъ въ продолженіе дня. Послѣ этого призывали въ молитвѣ имя Бога Творца, подкрѣпляли свою вѣру въ Него и славили Его безконечную благодать; вознося Ему благодарность за прошедшее, они поручали себя Его божественной милости и благодати. Исполнивъ все это, они шли спать.

Глава 24.

Какъ Гаргантюа проводилъ время въ дождливую погоду.

Если случалось, что погода была дождливая и мрачная, то до обѣда они проводили время обыкновеннымъ порядкомъ, приказавъ только развести сильный и яркій огонь, чтобъ уменьшить влажность воздуха. Послѣ же обѣда, вмѣсто обычныхъ тѣлесныхъ упражненій, они оставались дома и занимались тѣмъ, что укрѣпляло ¹⁾ тѣло, какъ-то: складывали сѣно, кололи дрова, связывали снопы въ овинѣ.

Потомъ занимались живописью и рѣзбой или возобновляли старинную игру въ «tables» (кости) ²⁾, какъ ее описалъ Леоникъ ³⁾ и какъ въ нее игралъ нашъ старый другъ Ласкарисъ ⁴⁾.

Во время игры они вспоминали мѣста изъ древнихъ авторовъ, гдѣ упоминалось объ этой игрѣ или заимствовалось отъ нея сравненіе.

Иногда они выходили и смотрѣли, какъ плавилы металлы, или выливали орудія; посѣщали также золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ, рѣшниковъ по камню, алхимиковъ, монетчиковъ; кромѣ того, посѣщали ткацкія мастерскія, мастерскія для выдѣлки бархата и ковровъ, часовщиковъ, зеркальщиковъ, ти-

1) Par manière de prothérapie, діетэтически, для укрѣпленія тѣла. Греческіе врачи разумѣли подъ апотерапіей употребленіе укрѣпляющихъ средствъ послѣ утомленія.

2) Древняя игра. Кости были шестигранныя; двѣ стороны были пустыя, четыре—съ цифрами 1, 3, 4, 6. Костей было 4; слѣдовало бросать ихъ такъ, чтобы цифры на всѣхъ 4 костяхъ были разныя.

3) Леонико, венеціанецъ, жившій въ 16 в., написалъ книгу объ этой игрѣ: De ludo talaris.

4) Ласкарисъ, бібліотекаръ Франциска I.

пографщиковъ, органныхъ мастеровъ, красильщиковъ и многихъ другихъ ремесленниковъ; всюду, куда они входили, они давали на чай, вслѣдствіе чего и могли осматривать и изучать промышленность и изобрѣтенія по ремесламъ.

Они присутствовали на публичныхъ лекціяхъ, на школьныхъ торжествахъ, при репетиціяхъ, декламаціяхъ, при произнесеніи искусными адвокатами защитительныхъ рѣчей, на проповѣдяхъ евангелическихъ проповѣдниковъ.

Онъ ходилъ также по заламъ и мѣстамъ, предназначеннымъ для фехтованія, гдѣ бился съ великими мастерами на всякаго рода оружіи и наглядно доказывалъ имъ, что онъ владѣеть оружіемъ такъ же хорошо, какъ и они, если еще не лучше. Вмѣсто ботанизованія они шли въ москательныя кладовыя, въ сѣменные лавки, въ аптеки, внимательно разсматривали тамъ корни, листья, плоды и сѣмена чужеземныхъ растеній, смолу, мази, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, какъ все это подѣлываютъ.

Онъ посѣщалъ также скомороховъ, фокусниковъ и ярмарочныхъ крикуновъ и смотрѣлъ на ихъ дурачество, продѣлки, тѣлодвиженія и ихъ умную болтовню, въ особенности тѣхъ, которые были изъ Шони въ Пикардіи, потому что они по природѣ ужасные болтунишки и фокусники во всемъ, что касается до зеленыхъ обезьянъ ¹⁾.

Когда они возвращались потомъ къ ужину, то ѣли гораздо умѣреннѣе, чѣмъ въ другіе дни, больше холодныя, не особенно питательныя блюда, чтобы парализовать дѣйствіе сырого воздуха, неизбежно воспріятого тѣломъ, и чтобъ избѣгать вредныхъ послѣдствій этого, такъ какъ передъ этимъ они не занимались по обыкновенію тѣлесными упражненіями.

Такъ воспитывался Гаргантюа. Онъ съ каждымъ днемъ дѣлалъ успѣхи и извлекалъ для себя пользу изъ этого воспитанія, потому что само собой разумѣется, что молодой человѣкъ въ его возрастѣ и съ его способностями, при непрерывныхъ занятіяхъ, долженъ дѣлать успѣхи; эти занятія, казав-

¹⁾ En matière de singes verts — искусство выдумывать баснословное, фантастическое.

шіяся трудными сначала, впоследствии стали настолько приятны, легки и привлекательны, что казались скорѣе времяпрепровожденіемъ короля, нежели воспитаніемъ ученика. Но все-таки для того, чтобы дѣлать перерывъ въ трудныхъ умственныхъ занятіяхъ, Понократъ каждый мѣсяцъ выбиралъ ясный день, — тогда они съ раннего утра выходили изъ города и шли въ Жантильи или Булонь, въ Монружь, на Шарантонскій мостъ; въ Ванвъ или въ Сень-Клу. Тамъ они цѣлый день проводили во всевозможныхъ увеселеніяхъ, въ забавахъ, ликованіи, играхъ, пѣніи, танцахъ, валялись на травѣ, вынимали пташекъ изъ гнѣздъ, ловили перепеловъ, лягушекъ и раковъ.

Несмотря на то, что въ этотъ день уроки и книги бывали оставлены, онъ все-таки не проходилъ безъ пользы. На этихъ красивыхъ лугахъ они вспоминали пріятные стихи о земледѣліи изъ Виргилія, Гезіода, изъ Rusticus Полиціана ¹⁾, сочиняли различныя эпиграммы по-латыни и переводили ихъ на французскій языкъ, въ видѣ рондо и балладъ.

Когда они потомъ пировали, то, отдѣляли при помощи кубка изъ плюща ²⁾ воду отъ смѣшаннаго съ нею вина, какъ учать это дѣлать Катонъ въ сочиненіи *De re rustica* и Плиній, погружали вино въ сосудъ, наполненный водою, снова извлекали его оттуда посредствомъ воронки, заставляли воду переливаться изъ одного сосуда въ другой; дѣлали различныя небольшія Automata или самодвижущіеся предметы.

1) Одно изъ латинскихъ стихотвореній Анджели Полиціано (жилъ въ XV в.), одинъ изъ четырехъ Silvae: Nutrica, Rusticus, Ambra, Manto.

2) Cato: si voles scire in vinum aqua addita sit, necne, vasculum facito de materia ederacea. Vinum id, quod putabis aquam habere, eodem mittito. Si habebat aquam, vinum effluet, aqua manebit. Nam non continet vinum vas ederaceum.

Письма Грангузье и Гаргантюа.

Письмо Грангузье сыну своему Пантагрюелю.

Книга I, глава 29.

Хотя усердіе, оказываемое тобой въ занятіяхъ, требуетъ, чтобъ я долго еще не отвлекалъ тебя отъ этого философскаго покоя, но увѣренность въ нашихъ старинныхъ друзьяхъ и союзникахъ въ настоящее время не обезопасиваетъ моей старости. Такъ какъ ужъ это предопредѣленіе судьбы, что меня всегда обманываютъ тѣ, на которыхъ я больше всего полагаюсь, то вслѣдствіе этого крайняя необходимость принуждаетъ меня призвать тебя для защиты земель и людей, которые по естественному праву будутъ принадлежать тебѣ. Потому что, подобно тому какъ оружіе безсильно, если въ домѣ нѣтъ хорошаго совѣта, такъ и ученіе не имѣетъ смысла и совѣтъ бесполезенъ, если не исполненъ и не приведенъ въ дѣйствіе въ надлежащее время. Мое намѣреніе—не вызовъ, а примиреніе, не нападеніе, а защита, не завоеваніе, а охраненіе моихъ вѣрныхъ подданныхъ и наслѣдственныхъ земель, въ которыя вторгнулся безъ всякой причины и повода Пикроколь и продолжаетъ свое бѣшеное дѣло, сопровождая его безчинствами, невыносимыми для свободныхъ людей.

Я считалъ своимъ долгомъ для смягченія его чрезмѣрнаго гнѣва предложить ему все то, что, по моему мнѣнію, должно его удовлетворить, и я нѣсколько разъ спрашивалъ у него самымъ дружескимъ образомъ, чѣмъ, кѣмъ и какъ онъ считаетъ себя оскорбленнымъ; въ отвѣтъ на это я получалъ отъ него только вызовъ и признаніе въ томъ, что онъ желаетъ овладѣть моею странюю, такъ какъ она ему нравится.

Изъ этого я позналъ, что предвѣчный Господь предоставилъ его собственной его волѣ и упрямству, которыя могутъ быть только злыми, когда они не направляются благостью Божіей, и что Богъ послалъ его мнѣ какъ бремя, чтобъ удержать его въ повиновеніи и привести къ сознанію.

Поэтому, мой горячо любимый сынъ, тотчасъ же по проч-

теніи письма возвращайся домой, какъ можно поспѣшнѣе, не для того, чтобы поддержать меня (что ты долженъ бы былъ сдѣлать ради сыновней любви ко мнѣ), но для того, чтобы спасти и защитить своихъ людей твоимъ благоразуміемъ. Дѣло должно быть сдѣлано съ наименьшимъ пролитіемъ крови, и даже, если только это будетъ возможно, — уловкой, предусмотрительностью и военною хитростью мы спасемъ всѣ души и вернемъ ихъ веселыми въ ихъ отечество.

Да будетъ, дорогой сынъ, съ тобою миръ Христа Освободителя нашего. Кланяйся отъ меня Понократу, Гимнасту и Эвдемону.

20 сент.

Твой отецъ Грангузе.

Письмо Гаргантюа къ сыну своему Пантагрюелю.

Книга II, глава 8.

Пантагрюель очень хорошо занимался въ Парижѣ... Однажды онъ получаетъ отъ отца письмо, въ которомъ было сказано слѣдующее:

Любезный сынъ, среди благъ, милостей и преимуществъ, которыми съ самаго начала одарилъ и украсилъ природу человѣка великій и всемогущій Богъ, самое лучшее и самое первое преимущество, по-моему, заключается въ томъ, что эта природа, будучи смертною, бываетъ въ состояніи приобрѣсти для себя родъ безсмертія и въ теченіе быстролетной жизни увѣковѣчить свое имя и свою кровь. Это можетъ быть осуществлено при помощи нашего потомства, происходящаго отъ знатнаго брака; благодаря этому намъ до извѣстной степени восполняется то, что для насъ погубило вслѣдствіе грѣха нашихъ прародителей, которымъ было сказано, что такъ какъ они не исполнили заповѣди Творца, то они должны умереть, и что то удивительное строеніе, въ которомъ былъ созданъ человѣкъ, снова должно погибнуть.

При посредствѣ же размноженія у дѣтей остается то, что погубило для родителей, и у внуковъ, что потеряно для дѣтей, и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ часъ Страш-

наго суда, когда Иисусъ Христосъ передастъ Богу Отцу свое царство міра, свободное отъ всякой опасности и не запятнанное грѣхомъ.

Тогда прекратятся рожденіе и погибель и освободятся элементы ихъ постоянной смѣны, потому что будетъ заключенъ и осуществленъ столь долго желанный миръ и все найдетъ свою цѣль и конецъ.

Поэтому не безъ правильной и настоящей причины благодарю я Бога, моего Хранителя, за то, что Онъ далъ мнѣ возможность увидѣть мою глубокую старость снова процвѣтающею въ твоей юности. Если же затѣмъ моя душа по волѣ Того, кто всѣмъ управляетъ, покинетъ это человѣческое жилище, я все-таки не стану считать себя вполне умершимъ, а буду вѣрить, что моя душа перейдетъ съ одного мѣста на другое, такъ какъ при посредствѣ тебя и въ тебѣ я буду продолжать существовать въ этомъ мірѣ, въ собственномъ образѣ буду видѣть и пребывать въ обществѣ съ хорошими людьми и со своими друзьями, какъ обыкновенно. Но это общество, я сознаю въ этомъ, если не было свободно отъ грѣха (мы всѣ грѣшимъ и постоянно взываемъ къ Богу о прощеніи нашихъ грѣховъ), не было съ Божіей помощью и по милости Бога позорно.

Но еслибъ тѣлесный мой образъ и остался въ тебѣ, а душа не проявилась, и еслибъ я не могъ предполагать, что ты станешь стражемъ и хранителемъ безсмертія моего имени, то и удовольствіе, мною ощущаемое, было бы мало, еслибъ я принужденъ былъ видѣть и думать, что самая ничтожная часть моего существа, тѣло, сохранилась, лучшая же, благодаря которой наше имя сохраняется людьми съ благословіемъ, измѣнилась и ухудшилась. Я говорю это не потому, что не имѣю довѣрія къ твоей добродѣтели, но чтобы еще болѣе поощрить тебя въ стремленіи къ добру.

И все это я пишу тебѣ не въ той мысли, что ты долженъ вести добродѣтельную жизнь, но чтобы ты радовался, сознавая, что живешь, и жилъ именно такъ, и чтобы ты старался жить такъ и въ будущемъ. Для достиженія этой цѣли, ты самъ можешь вспомнить, я не щадилъ никакихъ жертвъ, и

старался помогать тебѣ, такъ что, повидимому, у меня не было на свѣтѣ иной цѣли, какъ только видѣть тебя при своей жизни вполне изошреннымъ въ добродѣтеляхъ, скромности и мужествѣ, а также во всѣхъ свободныхъ и приличныхъ искусствахъ и наукахъ, — иной цѣли, какъ только оставить тебя послѣ своей смерти, какъ нѣкотораго рода зеркало, отражающее образъ твоего отца, хотя и не такъ хорошо, какъ бы мнѣ, по крайней мѣрѣ, хотѣлось надѣяться на это.

Но хотя мой покойный отецъ (блаженной памяти) всѣ силы прилагалъ къ тому, чтобъ я преуспѣлъ во всякомъ совершенствѣ и въ политической мудрости, да и мои усилія и старанье этому соотвѣтствовали, даже превосходили его желаніе, тѣмъ не менѣе, какъ ты самъ понимаешь, тогдашнее время было не столь благоприятно искусствамъ, какъ теперешнее. Я не могъ имѣть, подобно тебѣ, столько хорошихъ учителей; время было еще мрачно и еще носило на себѣ слѣды ударовъ и варварства Готовъ, погубившихъ всю хорошую литературу. Но съ Божіей помощью въ мое время искусствамъ былъ возвращенъ ихъ блескъ и ихъ значеніе, и теперь я вижу во всемъ этомъ такое улучшеніе, что я, который въ свое время не безъ основанія считался за ученѣйшаго человѣка своего времени, съ трудомъ былъ бы принять въ первый классъ въ среду маленькихъ школьниковъ.

Я говорю это, чтобы показать свою нѣжную привязанность къ тебѣ, а не изъ пустого самохвальства, хотя бы я могъ это сдѣлать въ письмѣ къ тебѣ, въ пользу чего говорить Маркъ Туллій въ своемъ сочиненіи О старости и изрѣченіе Плутарха въ сочиненіи: «Какъ мы могли бы хвалить самихъ себя, не боясь упрека».

Теперь всѣ науки возстановлены, изученіе языковъ возобновлено, наприм. греческаго, безъ знанія котораго было бы совѣстно называть себя ученымъ, еврейскаго, халдейскаго, латинскаго, теперь въ ходу такъ правильно и изячно напечатанныя книги, печатаніе которыхъ, съ Божіей помощію, изобрѣтено въ мое время, подобно тому какъ по дьявольскому наученію изобрѣтены пушки. Весь свѣтъ полонъ ученыхъ

мужей, образованных читателей, богатых библиотекъ, и мнѣ кажется, что такія удобства, предоставляемыя научнымъ занятіямъ, какія теперь имѣются, не существовали ни во время Платона, ни во времена Цицерона и Папиніана ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, на будущее время никто не будетъ въ состояніи показаться публично или въ обществѣ, кто не получитъ доска въ мастерской Минервы. Я вижу, что въ настоящее время уличные грабители, конюхи, искатели приключеній и палачи ученыя, чѣмъ доктора и проповѣдники въ мое время.

Да что говорить?—даже женщины и дѣвушки желаютъ этихъ похвалъ и небесной манны полезныхъ познаній, и дѣло дошло до того, что я въ глубокой старости принужденъ былъ изучать греческій языкъ, который я, правда, не презиралъ, какъ Катонъ, но не имѣлъ времени изучить. И я нахожу большое удовольствіе въ чтеніи *Moralia* Плутарха, прекрасныхъ Платоновскихъ Диалоговъ, Памятниковъ Павзанія и Древностей Атеней, ожидая того часа, въ который Богъ, мой Создатель, потребуетъ меня къ себѣ и отзоветъ меня изъ этого міра.

Поэтому, сынъ мой, убѣждаю тебя посвящать свои юные годы научнымъ занятіямъ и добродѣтели. Ты живешь въ Парижѣ, у тебя есть учитель Эпистемонъ, онъ можетъ дать тебѣ указанія и хорошимъ примѣромъ, и живымъ поученіемъ. Я настаиваю и хочу, чтобы ты основательно изучилъ языки: во-первыхъ, греческій, какъ хочетъ Квинтиліанъ, во-вторыхъ—латинскій и затѣмъ уже еврейскій ради Св. Писанія, также халдейскій и арабскій, и тоже основательно; чтобы ты, далѣе, выработалъ свой стиль въ греческомъ языкѣ по образцу Платона, въ латинскомъ—по образцу Цицерона. Не должно быть никакихъ историческихъ повѣствованій, которыя бы не были твердо укоренены у тебя въ памяти, въ чемъ тебѣ будутъ помогать космографіи тѣхъ, которые объ этомъ писали. Что касается до свободныхъ искусствъ, вродѣ музыки, ариеметики и геометріи, я уже внушилъ тебѣ къ нимъ нѣкоторый вкусъ, когда ты былъ еще малъ, по пятому или шестому году.

1) Эмилиі Папиніанъ, извѣстный римскій юристъ, жившій во 2-мъ и въ началѣ 3-го в. по Р. Х.

Преуспѣвай въ нихъ, да и въ астрономіи изучи всѣ формулы. Предсказывающей астрологіей и искусствами Луллія ¹⁾ не занимайся, потому что это простые пустяки и глупость. Относительно гражданскихъ правъ мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты зналъ наизусть лучшіе тексты и былъ въ состояніи сравнивать ихъ съ философіей.

Что касается до знакомства съ естественными науками, то я требую, чтобы ты ревностно предавался ихъ изученію, такъ чтобы не было такого моря, рѣки или источника, въ которыхъ бы ты не зналъ всѣхъ рыбъ. Всѣ птицы небесныя, всѣ деревья, кусты, заросли и лѣса, всѣ травы земныя, всѣ руды въ нѣдрахъ земли, всѣ камни востока и юга, — все это не должно оставаться для тебя неизвѣстнымъ.

Затѣмъ старательно изучай сочиненія греческихъ, арабскихъ и римскихъ врачей; не слѣдуетъ презирать также талмудистовъ и каббалистовъ; собери себѣ при помощи часто производимаго анатомированія ²⁾ полныя свѣдѣнія о другомъ мірѣ, именно о человѣкѣ. Въ нѣкоторые часы дня читай Св. Писаніе, сначала по-гречески Новый Завѣтъ и Апостольскія Посланія, а потомъ по-еврейски—Ветхій Завѣтъ. Словомъ, погрузись въ море науки.

Вѣдь когда ты подростешь и станешь мужемъ, тебѣ нельзя будетъ проводить время въ этомъ ученомъ покоѣ и довольствѣ,—ты долженъ будешь изучать военное и рыцарское дѣло, чтобы быть защитой и охраной моего дома, помощію нашимъ друзьямъ противъ нападенія злодѣевъ. Говоря короче, я хочу, чтобы ты самъ испыталъ себя, насколько ты обученъ, что лучше всего можешь сдѣлать, открыто защищая какое-либо положеніе въ любой отрасли знаній противъ всѣхъ, а также вступая въ сношенія съ учеными, находящимися въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Но такъ какъ, по справедливому изреченію Соломона, му-

1) Раймундъ Луллій, алхимикъ 13-го вѣка, искавшій камень мудрости и искусство все превращать въ золото.

2) Рабле первый рекомендовалъ анатомированіе труновъ и первый произвелъ это.

дрость не приходитъ въ души злыхъ людей, и знаніе безъ совѣсти есть душевная смерть, то поэтому ты долженъ служить Богу, любить Его, бояться Его, къ Нему обращать все свои помыслы и надежды, быть твердымъ въ вѣрѣ при помощи любви, быть съ Нимъ такъ крѣпко связаннымъ, чтобы грѣхъ никогда не могъ оторвать тебя отъ Него. Не вѣрь заблужденіямъ свѣта; пусть твое сердце не дорожить мірскою суетой, потому что эта жизнь преходяща, а слово Господне вѣчно. Съ охотой служи всемъ ближнимъ, люби ихъ, какъ самого себя. Почитай своихъ наставниковъ, избѣгай сообществъ тѣхъ, на которыхъ ты не хочешь походить, и не оставляй втунѣ даровъ, полученныхъ тобою отъ Бога. И если ты узнаешь, что ты приобрѣлъ всю премудрость, то возвращайся ко мнѣ, чтобы мнѣ взглянуть на тебя и дать тебѣ свое благословеніе, прежде чѣмъ придется разстаться съ жизнью.

Сынъ мой, миръ и благодать Господа нашего да будетъ съ тобою.

Изъ Утопіи, 17 числа, мѣсяца марта.

Твой отецъ Гаргантюа.

По полученіи и прочтеніи этого письма Пантагрюэль еще болѣе ободрился и сталъ болѣе, чѣмъ когда-либо, заниматься ученіемъ, такъ что еслибъ вы увидали его занятія и успѣхи, то должны бы были сказать, что его умъ среди книгъ походилъ на пламя въ сухомъ хворостѣ, — настолько былъ онъ неутомимъ и пылокъ.

Отдѣльныя мысли Рабле о воспитаніи.

Книга I, глава 37.

Понократъ отвѣчалъ Грангузье (последній думалъ, что его сынъ былъ въ гимназіи Монтэгу): Не думайте, что я послалъ его въ этотъ жалкій коллегіумъ, носящій имя Монтэгу, — я скорѣе отдалъ бы его въ нищіе къ св. Иннокентію вельдствіе той позорной жестокости и гнусностей, которыя я тамъ видѣлъ. Гораздо лучше содержатся плѣнные у мавровъ и татаръ, убійцы въ тюрьмахъ, даже собаки въ вашемъ домѣ. Будь я королемъ въ Парижѣ, то чортъ меня возьми, еслибъ я не поджегъ это училище и не спалилъ и ректора, и членовъ коллегіи, которые допускаютъ производить подобныя безчеловѣчныя поступки на своихъ глазахъ.

Книга IV, глава 48.

Послѣ этого пришелъ прецепторъ со всѣми своими педагогами, сбѣжались маленькіе и большіе школяры, и первые стали сѣчь этихъ, какъ обыкновенно бьютъ у насъ маленькихъ дѣтей, въ то время, когда вѣшаютъ осужденнаго, чтобъ они помнили объ этомъ. Пантагрюэлю стало страшно противно все это и онъ сказалъ имъ: «господа, перестаньте бить дѣтей!»

МИШЕЛЬ МОНТЭНЬ.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ.

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ „ОПЫТОВЪ“.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Б. Смирнова.

Съ приложеніемъ портрета и очерка жизни Монтэня.

Монтэнь родился въ 1533 году. Біографическихъ данныхъ о немъ мы имѣемъ немного, да и самая жизнь его не представляетъ особеннаго разнообразія. Хотя онъ жилъ въ бурную эпоху религіозныхъ войнъ во Франціи, хотя онъ пережилъ правленіе нѣсколькихъ королей, хотя у него было много связей съ тогдашними дѣятелями, но онъ сторонился отъ дѣлъ, не вмѣшивался въ борьбу партій, поэтому жизнь его бѣдна внѣшними фактами.

Прадѣдъ Монтэня, Рамонъ Ейкемъ, былъ торговецъ соленой рыбой въ Бордо. Лишь въ концѣ XV вѣка эта фамилія пріобрѣла земли и замокъ Монтэнь въ Перигорѣ. Отецъ Монтэня, Пьерръ, бросилъ прадѣдовское занятіе, поступилъ въ военную службу и сопровождалъ Франциска I въ его походѣ въ Италію. Впослѣдствіи Пьерръ женился на Антуанетѣ Лопезъ. Последняя, кажется, была еврейкой, и можетъ-быть этимъ объясняется слабое религіозное вліяніе, испытанное дѣтьми Пьерра Монтэня въ семьѣ; извѣстно, что одна изъ его дочерей и младшій сынъ обратились въ протестантизмъ; этимъ же, можетъ-быть, объясняется и отсутствіе фанатизма въ самомъ Мишелѣ Монтэнь, — фанатизма, часто встрѣчавшагося въ людяхъ эпохи религіозныхъ войнъ.

Увеличивъ женитьбой свое состояніе, отецъ Монтэня сталъ заниматься хозяйствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ различныя муниципальныя должности въ Бордо. По рожденіи Монтэня, Пьерръ Монтэнь старался окружать его сосѣдними крестьянами и бѣдняками, чтобы познакомить его съ народомъ и расположить его къ послѣднему; онъ даже въ крестные отцы выбралъ ему бѣдняковъ, надѣясь, что такимъ образомъ онъ научится больше обращаться къ тѣмъ, «которые простираютъ къ намъ руки, нежели къ тѣмъ, которые поворачиваются къ

намъ спиной». Отецъ Монтэня принадлежалъ къ первоначальной фазѣ Возрожденія; у него была склонность къ гуманнымъ наукамъ, но онъ не былъ настолько образованъ, чтобъ имѣть возможность заниматься этими науками такъ, какъ бы ему хотѣлось. Этотъ недостатокъ онъ хотѣлъ восполнить въ сынѣ и потому занялся его воспитаніемъ, конечно, въ духѣ Возрожденія. Такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что въ школахъ слишкомъ много времени уходитъ на изученіе древнихъ языковъ и что это была единственная причина, мѣшавшая людямъ сравниваться съ древними въ познаніяхъ и въ величій души, то онъ и постарался съ малолѣтства, практическимъ путемъ, научить сына латинскому языку. Въ своемъ домѣ онъ запретилъ говорить при ребенкѣ иначе, какъ по-латыни; даже лакеи заучили нѣсколько латинскихъ словъ для сношеній съ ребенкомъ. Латинскій языкъ, дѣйствительно, сталъ для Монтэня какъ бы роднымъ языкомъ. Заботливость отца о Монтэнѣ доходила до того, что, боясь, какъ бы внезапное пробужденіе не дѣйствовало дурно на мозгъ ребенка, онъ приказывалъ будить послѣдняго не иначе, какъ звуками музыки. Съ шести до тринадцати лѣтъ Монтэнъ посѣщалъ Гіеньскую коллегію, а затѣмъ, какъ предполагають, изучалъ право въ Тулузѣ.

Въ 1554 году Монтэнъ сдѣлался совѣтникомъ бордосскаго парламента, но дѣломъ занимался очень мало: какъ самъ сознавался, онъ не былъ рожденъ для юридической карьеры. Постоянное сомнѣніе въ виновности или невиновности подсудимыхъ и, въ силу этого, невозможность произнести рѣшительный приговоръ, враждебное настроеніе парламента къ гугенотамъ, суровость тогдашнихъ наказаній—все это заставляло его избѣгать засѣданій суда. Онъ прослужилъ въ этой должности около 15 лѣтъ. По смерти отца, по желанію котораго онъ собственно и служилъ, Монтэнъ, подъ предлогомъ необходимости лично управлять своимъ имѣніемъ, отказался отъ должности совѣтника.

Во время своего служенія онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ—въ Парижъ, Руанъ и Баръ-ле-Дюкъ. Оставивъ службу, владѣя значительнымъ состояніемъ, увеличеннымъ еще благодаря женитьбѣ, онъ могъ теперь свободно отдаться занятіямъ,

къ которымъ чувствовалъ склонность. Онъ отказывался отъ правъ и почестей, лишь бы быть свободнымъ, лишь бы принадлежать только самому себѣ. Какъ самъ выражался, онъ лучше желалъ быть вторымъ или третьимъ въ Перигѣ, чѣмъ первымъ въ Парижѣ. Около этого времени онъ издалъ свой первый трудъ: переводъ *Theologia naturalis* Раймонда Себонда. Трудъ этотъ былъ предпринятъ по желанію отца и, оконченный послѣ смерти послѣдняго, былъ посвященъ его памяти. Послѣ этого Монтэнъ занялся изданіемъ сочиненій своего друга Ла-Бюэси, съ которымъ онъ познакомился еще въ 1557 г. и былъ съ нимъ друженъ до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1563 году. Ла-Бюэси имѣлъ на Монтэня огромное вліяніе и всѣмъ складомъ своего ума, и своими нравственными качествами. Монтэнъ не только нѣжно любилъ его, но и глубоко уважалъ. Привязанности къ отцу и къ Ла-Бюэси были единственными сильными привязанностями въ жизни Монтэня, вообще не принадлежавшаго къ числу тѣхъ людей, которые открываютъ свою душу первому встрѣчному.

Издавая сочиненія своего друга, Монтэнъ не терялъ изъ виду общественную пользу: онъ не издалъ *всѣ* сочиненія Ла-Бюэси; онъ не включилъ въ свое изданіе *Discours de la Servitude volontaire*, опасаясь, что это сочиненіе будетъ содѣйствовать разгоряченію, а не успокоенію политическихъ страстей.

Удалившись отъ дѣлъ, онъ посвятилъ себя чтенію и составленію своихъ *Essais*, сборника взглядовъ относительно самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Послѣ того, какъ они были изданы въ своей первоначальной формѣ, Монтэнъ отправился путешествовать; это путешествіе было вызвано отчасти его болѣзненнымъ состояніемъ, а отчасти—просто желаніемъ познакомиться съ Швейцаріей, Германіей и Италіей. Жажда знанія, заставившая его удалиться отъ дѣлъ и посвятить себя книгамъ, не покидала его во время путешествія. Не довольствуясь тѣмъ, что видѣлъ на пути, онъ, какъ самъ говорилъ, старался пополнять свои знанія разговорами, вызывая своихъ собесѣдниковъ на разговоръ о томъ, въ чемъ они были наиболѣе свѣдуши. Онъ старался о томъ, чтобы получить какъ можно болѣе и самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній на пути. Онъ бесѣдовалъ съ нѣ-

мецкими богословами, въ Веронѣ посѣтилъ синагогу и знакомился съ еврейскимъ богослуженіемъ; въ Римѣ онъ посвящалъ утро осмотру древностей, вечеръ—посѣщенію общества; онъ старался ознакомиться съ характеромъ и нравами жителей тѣхъ мѣстъ, по которымъ проѣзжалъ; онъ старался ѣздить по менѣе ислѣдованнымъ мѣстамъ.

Во время этого путешествія, въ 1581 году, онъ получилъ извѣстіе о своемъ избраніи въ мэры города Бордо. Принимая послѣ нѣкотораго колебанія эту должность, онъ сказалъ выбравшимъ его: вы можете рассчитывать, что я не обману вашего довѣрія и какъ слѣдуетъ исполню свою обязанность; я пожертвую вамъ своимъ вниманіемъ, трудомъ и даже, если понадобится, своею жизнью, — да, даже жизнью. Но не требуйте отъ меня одного: чтобы я до такой степени вошелъ въ роль мэра, что между человѣкомъ и чиновникомъ не будетъ никакой разницы, что у перваго не будетъ иной заботы, иныхъ мыслей, иныхъ достоинствъ и качествъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ требуетъ служба.

Положеніе мэра города Бордо было очень трудное; ему постоянно приходилось лавировать между католиками и гугенотами, между католической Лигой и Генрихомъ Наваррскимъ. Монтэнь исполнилъ обѣщаніе, данное своимъ избирателямъ: онъ добросовѣстно исполнялъ свою обязанность, но никогда не увлекался общественною дѣятельностію, равно какъ и борьбою партій. Монтэнь не любилъ партій. Его въ особенности поражало то, что дѣлаютъ изъ человѣка политическія страсти. Онъ находилъ, что они дѣлаютъ человѣка несправедливымъ и даже неразумнымъ. Онъ говорилъ, что невозможно принадлежать къ какой бы то ни было партіи безъ того, чтобы не быть вынужденнымъ не признавать никакихъ хорошихъ качествъ въ людяхъ противоположной партіи; что обыкновенно считают за перебѣжчика, даже за измѣнника того человѣка, который найдетъ въ противникѣ хорошія качества. Онъ осуждалъ такой способъ умозаключеній: онъ приверженецъ Лиги, такъ какъ удивляется милости Гиза; преклоняется предъ дѣятельностію короля Наваррскаго, — стало-быть, онъ гугенотъ и т. п. Словомъ, прибавляетъ онъ, мы не смѣемъ сказать о ворѣ,

что у него красивая нога; или о кокетливой женщинѣ надо говорить, что она крива? Держаться вдали отъ политической жизни были у него и другія причины: онъ не вѣрилъ въ нее. Онъ не вѣрилъ, что идеи руководятъ міромъ, и что общественное положеніе преобразуется только потому, что его хотятъ преобразовать. По мнѣнію Монтэня, политическія теоріи совершенно пустыя вещи, такъ какъ въ основѣ всякаго проекта общаго преобразования есть существенное заблужденіе, а именно увѣренность, что міръ только-что созданъ. Всякій теоретикъ вѣритъ, что міръ его ждетъ, чтобы начать жить. Но міръ уже существуетъ; онъ давно уже живетъ; онъ устроился по своему; имъ нельзя управлять иначе, какъ сообразуясь съ его образомъ существованія, — другими словами, не мы имъ управляемъ, а онъ нами. Продолжительныя препирательства о лучшихъ общественныхъ формахъ единственно годны для изощренія нашего ума. Какъ моралистъ по преимуществу, онъ допускаетъ, что человѣкъ можетъ воздѣйствовать на самого себя и на другого, отдѣльнаго человѣка, но никакъ не на массу.

Въ 1585 году Монтэнь окончательно отказался отъ должности мэра, а 13 сентября 1592 года его не стало.

Характеръ Монтэня представлялъ изъ себя смѣсь противоположныхъ качествъ. Удалившись въ свое уединеніе, отказавшись отъ всѣхъ почестей, начертавъ на стѣнахъ своей библиотеки слова Екклезіаста *per omnia vanitas*, онъ въ то же время весь домъ украшаетъ своими дворянскими гербами. Онъ былъ и веселаго, и меланхолическаго нрава, человѣкъ общественный и мечтатель, то молчаливъ, то болтливъ; онъ любилъ уединеніе и въ то же время любилъ веселую компанію. Онъ былъ человѣкъ правдивый, не позволявшій себѣ ни малѣйшей лжи. Онъ былъ болѣе оптимистъ, чѣмъ пессимистъ, — онъ старался все истолковать въ хорошую сторону; по его словамъ, онъ не вѣрилъ въ дурныя наклонности человѣка, пока путемъ серьезныхъ доказательствъ не убѣждался въ противномъ. Онъ былъ гостепріименъ, но, предоставляя своимъ гостямъ свободу, онъ тщательно охранялъ свою собственную. Любя поговорить и поспорить, онъ сдавался на убѣжденія и не придерживался своихъ излюбленныхъ мнѣній во что бы то ни стало: по его

мнѣнію, упорство въ своихъ мнѣніяхъ есть вѣрный признакъ глупости. Къ своей семьѣ и слугамъ Монтэнъ былъ ласковъ и внимателенъ.

Начавъ писать свои опыты, Монтэнъ не задавался цѣлью принести пользу человѣчеству,—онъ просто наблюдалъ, анализировалъ и описывалъ. Жизнь въ бурную эпоху, съ событіями которой ему пришлось непосредственно сталкиваться; знакомство съ дворомъ Генриха 2, Франциска 2, Карла 9, Генриха 3; знакомство съ католиками и протестантами; служба въ судѣ и въ городскомъ управленіи; замѣчательная наблюдательность, склонность къ размышленію, развитая образованіемъ и чтеніемъ,—все это доставило Монтэню богатый матеріалъ для его «Опытовъ». Чтеніемъ онъ занимался постоянно, и на его книгахъ встрѣчаются многочисленныя замѣтки, а въ концѣ книги общее заключеніе. И эти замѣтки отчасти послужили матеріаломъ для его «Опытовъ». Впослѣдствіи къ нимъ присоединялись замѣтки по поводу какихъ-либо реальныхъ, житейскихъ случаевъ; центромъ же всего является его собственная личность. Это—самое главное. Изученіе себя есть основа всего его произведенія; изучивъ себя, онъ предлагаетъ ко всему человѣчеству результатъ своей опытности. «Я ищу,—говорилъ онъ,—лишь знанія самого себя, а также того, что можетъ научить меня хорошо умереть и хорошо жить». Въ этомъ стремленіи къ самоизученію Монтэнъ пошелъ по слѣдамъ гуманистовъ, обратившихъ вниманіе на изученіе человѣка. Анализируя свое я, онъ могъ направлять и дополнять этотъ анализъ мыслями о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, а также примѣрами, почерпнутыми изъ исторіи. Его жизнь среди тогдашнихъ бурныхъ событій и страстей, но безо всякаго со своей стороны увлеченія этими событіями, дала ему возможность лучше распознаваться во всемъ, что приходилось встрѣчать въ жизни, и все болѣе заставляла его относиться ко всему не съ ослѣпленіемъ, а скорѣе скептически. Этотъ скептицизмъ былъ въ сущности реакціей противъ той безусловной вѣры въ человѣка и въ человѣческій разумъ, которая господствовала въ первый періодъ Возрожденія. Этотъ скептицизмъ состоитъ въ желаніи провести границу между тѣмъ, что, по его мнѣнію, не дано понять нашему уму,

и тѣмъ, что онъ можетъ изучать, узнавать и опредѣлять. Противъ возвеличенія своего разума и своихъ познаній и возстаетъ Монтэнь. Разбирая самыя разнообразныя мнѣнія и системы, онъ приходитъ лишь къ одному заключенію, что человѣкъ не можетъ достигнуть познанія истины, почему онъ и не можетъ выдавать что-либо за истину, а лишь говорить, что онъ *считаетъ* что-либо истиной; но человѣкъ, не имѣя возможности узнать абсолютную истину, тѣмъ не менѣе долженъ изгнать изъ своихъ взглядовъ, чувствъ и мыслей все, что, *по его мнѣнію*, не истинно.

Въ различныхъ мѣстахъ своей книги Монтэнь касается и педагогики. Онъ возстаетъ противъ тогдашняго воспитанія и обученія, состоящаго въ изученіи чужихъ словъ и мнѣній. Онъ, наоборотъ, рекомендуетъ дать ребенку способность самостоятельнаго сужденія и практическую сноровку, необходимую въ жизни. Онъ ратуетъ также за физическое укрѣпленіе юношества; онъ возстаетъ противъ обученія дѣтей однимъ только фразамъ, противъ педантизма.

Чтобы понять значеніе Монтэня въ исторіи педагогики, слѣдуетъ вспомнить объ его вліяніи на Локка и Руссо. Сочиненіе послѣдняго Эмиль есть въ сущности лишь дальнѣйшее развитіе мыслей Монтэня о воспитаніи. Взгляды Монтэня на воспитаніе могутъ быть сведены въ пять положеній.

1. Воспитаніе въ ребенкѣ самостоятельности. Учитель не долженъ только говорить, а долженъ давать ребенку возможность въ самыхъ разнообразныхъ формахъ разбирать, повторять и примѣнять выученное. Воспитанникъ долженъ изслѣдовать всякое мнѣніе, а не полагаться на одинъ только внѣшній авторитетъ. Какъ нельзя танцевать, ѣздить верхомъ, фехтовать, не приводя тѣла въ движеніе, такъ нельзя научить ученика правильно мыслить, не развивая и не упражняя его ума.

2. Душа должна находить поддержку въ крѣпкомъ тѣлѣ. Ребенокъ долженъ привыкать къ трудностямъ тѣлесныхъ упражненій, чтобы быть закаленнымъ по отношенію къ боли. Слѣдуетъ воспитывать не одну душу или не одно тѣло, а всего человѣка.

3. Общество человѣческое и знакомство съ жизнью должны помогать воспитанію. Привыкая къ молчапію и скромности, къ признанію истины, гдѣ бы она ни встрѣчалась, ученикъ въ то же время долженъ на все обращать вниманіе: на пастуховъ, ремесленниковъ, путешественниковъ, зданія, мѣстности, замѣчательныя въ историческомъ отношеніи. Онъ долженъ знакомиться и съ лицами историческими. Исторія поможетъ ему расширить кругозоръ, исправить свои взгляды, приобрести мужество, скромность и сознаніе своей собственной ограниченности.

4. Цѣль философіи—добродѣтель, а послѣдняя заботится о человѣческой радости, дѣлая ее прочной и чистой. Большая часть наукъ, которыми мы занимаемся, въ сущности не приѣнима къ дѣлу. Аристотель не столько занималъ своего ученика силлогизмами или геометріей, сколько поучалъ его мужеству, великодушію и умѣренности. Школа поступаетъ неправильно, когда слишкомъ долго останавливается на словесномъ образованіи.

5. Учитель долженъ придерживаться строгой кротости, а не принужденія и насилія. Веселые и бодрящіе образы должны окружать школу. Главнѣйшая задача школы—возбудить любовь къ занятіямъ и стремленіе къ нимъ.

Voicy du grand Montaigne une entiere figure
Le Peintre a peinct le corps, et luy son bel esprit.
Le premier par son art égale la Nature
Mais l'autre la surpasse en tout ce qu'il escrit.
Thomas de Leu-feit.

МИШЕЛЬ МОНТЭНЬ.
О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ.

О педантизмѣ.

Глава XXIV.

Еще въ дѣтствѣ я часто досадовалъ на то, что въ итальянскихъ комедіяхъ педантъ выставляется шутникомъ, и что названіе «магистръ» и у насъ тоже не имѣетъ особенно почетнаго значенія: такъ какъ это было дано имъ воспитаніемъ, то мнѣ оставалось только защищать ихъ репутацію. Я хотѣлъ объяснить это отношеніе разницей, существующей между людьми заурядными и тѣми рѣдкими людьми, которые выдаются по своимъ сужденіямъ и познаніямъ,—тѣмъ болѣе, что они идутъ совершенно различными путями; но вотъ я совершенно терялся, когда самые порядочные люди не чувствовали къ нимъ ничего, исключая презрѣнія; примѣромъ можетъ служить нашъ добрый дю-Беллэ:

«Больше всего я презиралъ педантичное знаніе». И это было и въ древности, такъ какъ Плутархъ говорить, что «грекъ» и «ученый» у римлянъ были презрительными кличками. Впослѣдствіи съ годами я убѣдился, что на это есть безспорнѣйшее основаніе и что *magis magnos clericos non sunt magis magnos sapientes* (величайшіе ученые не есть величайшіе мудрецы).

Но до сихъ поръ я не могу понять, какъ можетъ случаться, что душа, обогащенная многочисленными познаніями, не дѣлается живѣе и возвышеннѣе; и какъ можетъ не улучшаться заурядный и грубый умъ, обогащаясь понятіями и сужденіями возвышеннѣйшихъ умовъ въ мірѣ. Тотъ, кто получаетъ много чужого мощнаго и обширнаго мозга (сказала мнѣ одна дѣвица, лучшая изъ нашихъ принцессъ, говоря о комъ-то), тотъ долженъ смять, стѣснить, уменьшить свой собственный, чтобы дать мѣсто чужому; приходится сказать, что какъ

растения погибають отъ чрезмѣрной сырости, какъ лампы тухнуть отъ переполненія масломъ, такъ и мозгъ отъ чрезмѣрныхъ занятій и знаній, отъ переполненія массой различныхъ предметовъ, теряетъ способность разсуждать, и эта тяжесть давить его и заставляетъ коснѣть. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ идетъ иначе, потому что наша душа расширяется по мѣрѣ наполненія, да и по примѣрамъ древнихъ временъ видно совсѣмъ обратное, гдѣ хорошіе политическіе дѣятели, полководцы и государственные люди были въ то же время и ученѣйшими людьми.

А что касается до философовъ, державшихся вдали отъ общественной жизни, то они бывали иногда осмѣяны въ комедіяхъ, такъ какъ ихъ мнѣнія и манеры дѣлали ихъ смѣшными. Хотите сдѣлать ихъ судьями въ какомъ-нибудь процессѣ или въ поступкѣ какого-нибудь человѣка? Они согласны на это! Въ такомъ случаѣ они прежде всего разыскиваютъ, существуетъ ли жизнь, движеніе и представляетъ ли человѣкъ изъ себя что-нибудь иное, нежели быкъ, — что такое дѣйствіе и страданіе и что такое за штука законъ и справедливость? Говорятъ ли они о магистратѣ или съ нимъ, то это съ самой непочтительной и неучтивою вольностью. Хвалятъ ли они принца или короля? — да это пастухъ для нихъ, праздный пастухъ, занятый только притѣвленіемъ и стрижкой своихъ животныхъ, только болѣе грубымъ образомъ, чѣмъ обыкновенный пастухъ. Цѣните ли вы кого-нибудь нѣсколько болѣе за то, что онъ владѣетъ двумя тысячами акровъ земли, они издѣваются надъ этимъ, привыкнувъ смотрѣть на всю вселенную какъ на свою собственность.

Тщеславитесь ли вы великимъ благородствомъ, насчитывая у себя семь знатныхъ предковъ, они васъ презираютъ, потому что вы не понимаете законовъ природы и того, что каждый изъ насъ имѣлъ много предковъ богатыхъ, бѣдныхъ, королей, слугъ, грековъ, варваровъ; и еслибы вы даже были пятидесятымъ по прямой линіи отъ Геркулеса, они найдутъ васъ пустымъ, если вы цѣните этотъ даръ судьбы. За это ихъ презирала толпа, какъ нѣ знающихъ самыхъ основныхъ и обычныхъ вещей и какъ людей высокоумныхъ и нахальныхъ.

Но картина, набросанная Платономъ, очень далека отъ того, что нужно нашему народу. Тѣмъ завидовали, какъ стоящимъ выше общественнаго уровня, какъ презирающимъ общественныя дѣйствія, создавшимъ особую жизнь, которой трудно подражать и которая основана на возвышенныхъ и не обычныхъ правилахъ; этихъ презираютъ какъ стоящихъ ниже, какъ неспособныхъ исполнять какія бы то ни было общественныя должности, какъ ведущихъ жизнь болѣе низкую и порочную, чѣмъ толпа:

Odi homines ignava opera, philosopha sententia.

(Я презираю этихъ ни на что неспособныхъ людей, вся философія которыхъ заключается въ словахъ).

Что касается до тѣхъ философовъ, то я говорю, что они, бывъ великими по своимъ познаніямъ, были еще выше по своимъ дѣйствіямъ. Про одного сиракузскаго математика говорятъ, что, бывъ отвлеченъ отъ своихъ научныхъ занятій просьбой примѣнить къ дѣлу защиты родной страны свои знанія, онъ сразу пустилъ въ дѣйствіе снаряды, превосходящія всякое вѣроятіе. Но онъ не придавалъ особенной цѣны своимъ изобрѣтеніямъ, считая ихъ первыми опытами и игрушками, думая даже, что этимъ самымъ онъ не отдасть должнаго уваженія наукѣ. Если когда-нибудь имъ приходилось дѣйствовать, то ихъ полетъ былъ такъ высокъ, что сразу было видно, насколько ихъ умъ и душа были дивно обогащены познаніями. Нѣкоторые изъ нихъ, видя, что захвачены общественныя должности людьми совершенно неспособными, удалялись отъ дѣлъ. Однажды Кратесъ на вопросъ, какъ долго нужно заниматься философіей, отвѣчалъ: «до тѣхъ поръ, пока наши арміи не будутъ управляться погонщиками ословъ». Гераклитъ уступилъ царствованіе своему брату и на упреки Эфесіянь въ томъ, что онъ проводитъ время, забавляясь передъ храмомъ съ рябятишками, отвѣчалъ: «развѣ это хуже, чѣмъ управлять дѣлами въ вашемъ сообществѣ?» Многіе, паря въ своемъ воображеніи выше мірскаго счастья, находили высокія должности и даже самый тронъ пустыми и ничтожными. Эмпедокль, на примѣръ, отказался отъ царства, которое ему предлагали агригентинцы. Фалесъ часто порицалъ излишнюю

бережливость и стремленіе къ обогащенію; его кольнули тѣмъ, что онъ похожъ на лису, находящую виноградъ слишкомъ зеленымъ; тогда ему взбрело на умъ показать, ради шутки, что и онъ кое-что сможетъ. Онъ предпринялъ какое-то купеческое дѣло и, примѣнивъ къ нему свои знанія, въ одинъ годъ нажилъ такое огромное богатство, какого не могли пріобрѣсть во всю жизнь люди самые опытные въ этихъ дѣлахъ. Аристотель говоритъ, что многіе называли Фалеса, Анаксагора и имъ подобныхъ мудрыми, но не умными за то, что они не достаточно заботились о полезномъ: мало того, что я не могу ясно уразумѣть разницу между этими названіями, я нахожу еще, что это не служитъ достаточнымъ извиненіемъ для нашихъ людей; видя какимъ низкимъ и убогимъ жребіемъ они довольствуются, мы имѣемъ полное право сказать, что они и не мудры, и не умны.

Я оставляю это первое основаніе и думаю, что это происходитъ просто отъ дурного способа заниматься науками. При томъ методѣ, по которому мы учимся, немудрено, что ни ученики, ни учителя не дѣлаются болѣе ловкими, хотя и дѣлаются болѣе учеными. На самомъ дѣлѣ, всѣ заботы и расходы на насъ у нашихъ отцовъ ограничиваются желаніемъ набить наши головы знаніями; при этомъ не требуется ни правильнаго сужденія, ни добродѣтели. Крикните нашему народу о какомъ-нибудь прохожемъ: «О, ученый человѣкъ!» и о другомъ: «О, хорошій человѣкъ!»—на послѣдняго онъ не обратитъ вниманія; вотъ гдѣ, было бы умѣстно третьему закричать: «О, глупыя головы!» Мы охотно справимся: а знаетъ ли онъ греческій и латинскій языкъ? какъ онъ пишетъ, прозой или стихами? но сдѣлался ли онъ лучше и понятливѣе, что и есть самое главное, не интересуется никого. Надо справляться о томъ, кто лучше, а не о томъ, кто ученѣе.

Мы работаемъ только для того, чтобы напичкать память, а разумъ и совѣсть не наполняемъ. Какъ иногда птицы летятъ на поиски за зернами и, найдя ихъ и не отвѣдавъ, несутъ, чтобы положить въ ротъ птенцамъ, такъ и наши педанты выберутъ мудрость изъ книгъ, помѣстятъ ее на кончикъ языка, чтобы вновь ее отдать и пустить на вѣтеръ. Удивительный

примѣръ глупости представляю я лично: развѣ это не то же самое, что я дѣлаю по большей части въ это въ сочиненіи? Я слизываю въ книгахъ—то тамъ, то здѣсь—сентенціи, которыя мнѣ нравятся, и совѣмъ не для того, чтобъ ихъ хранить (у меня совѣмъ нѣтъ хранилища), а только для того, чтобы перенести ихъ сюда; правду говоря, онѣ здѣсь точно такъ же мои, какъ и въ томъ случаѣ, когда были на своемъ первоначальномъ мѣстѣ; на мой взглядъ, мы мудры только мудростью даннаго времени, мудрость же прошлаго и будущаго совѣмъ намъ не принадлежитъ.

Но самое худшее заключается въ томъ, что ихъ ученики и штенцы не кормятся и не подкрѣпляются наукой; ее передаютъ изъ рукъ въ руки только для того, чтобы блеснуть ею, чтобы другихъ позабавить и заставить говорить о себѣ,—совѣмъ какъ размѣнная монета, которую употребляютъ только для счета. *Apud alios loqui didicerunt, non ipse secum* (они научились говорить съ другими, но не научились говорить съ собою). *Non est loquendum, sed gubernandum* (важно не говорить, а управлять). Природа, чтобы показать, что нѣтъ ничего грубаго въ ея произведеніяхъ, часто создаетъ среди націй, менѣ развитыхъ искусѣнно, творенія ума, которыя блещутъ, какъ артистическія творенія. Какъ тонка, на мой взглядъ гасконская поговорка въ одной народной пѣснѣ: *«Vous ha pour rouha, mos à remuda lous dits qu'em?»* (дуйте, дуйте, а мы будемъ шевелить пальцами). Мы умѣемъ сказать: такъ говорить Цицеронъ, такова манера Платона; это слова самаго Аристотеля. Но сами-то мы что говоримъ? Какъ разсуждаемъ? Какъ поступаемъ? Вѣдь просто сболтнуть съумѣеть и поугай.

Это напоминаетъ мнѣ богатаго римлянина, который съ громадными издержками собиралъ вокругъ себя ученыхъ людей по всеѣмъ отраслямъ науки и держалъ ихъ постоянно при себѣ для того, чтобы въ случаѣ, если ему придется говорить о чемъ-нибудь въ кругу своихъ друзей, то каждый выручалъ бы его то рѣчью, то изреченіемъ, каждый по своей спеціальности. Онъ находилъ, что это знаніе принадлежитъ ему, потому что находится въ головахъ его людей, точно такъ же, какъ бываютъ люди, у которыхъ знаніе заключается въ дорогой библіотекѣ.

Я знавалъ одного, который на мой вопросъ о томъ, что онъ знаетъ, всегда просить книгу, чтобы въ ней указать то, что ему извѣстно.

Мы собираемъ мнѣнія и знанія другихъ и этимъ и ограничиваемся, вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ своимъ достоянiемъ. Мы смахиваемъ на человѣка, который, имѣя надобность въ огонь, идетъ къ сосѣду и, найдя у него большой, яркiй огонь, садится грѣться, совсѣмъ забывъ о томъ, что ему надо захватить огня съ собой. Что за толкъ въ пиццѣ, которая не переваривается, не превращается въ пищевую кашицу и не усваивается нашимъ организмомъ? Думаемъ ли мы, что Лукулль, вслѣдствiе образованiя сдѣлавшiйся великимъ полководцемъ, хотя ему и недоставало опытности, учился по-нашему? Мы слишкомъ надѣемся на другихъ, вслѣдствiе чего наши силы ослабѣваютъ. Хочу ли я преодолѣть ужасъ смерти, я долженъ учиться этому у Сенеки. Хочу ли я найти утѣшенiе себѣ или другому, я долженъ заимствоваться имъ у Цицерона. Я бы, можетъ быть, нашелъ его и въ самомъ себѣ, еслибы меня къ этому приучили. Я не люблю это несостоятельное и вымоленное знанiе. Если мы, благодаря учености другихъ, и можемъ сдѣлаться учеными, то все-таки не сдѣлаемся мудрыми, потому что таковыми дѣлаетъ насъ только собственная мудрость.

Μισὸν σοφιστῆν ὅστις οὐχ ἀπὸ σοφῆς.

(Я ненавижу мудреца, [который] мудръ не [самъ по себѣ]).
Ex quo Ennius: Nequidquam sapere sapientem, qui ipse sibi prodesse non quiret:

(Эннiй поэтому говорить: бесплодна та мудрость, которая не приноситъ пользы самому мудрецу).

Si cupidus, si

Vanus, et Euganea quantumvis mollior agna.

(Если онъ скряга, если онъ лжець, если онъ изнѣженъ, какъ евганейская овца).

Non enim paranda nobis solum, sed fruenda sapientia est
(потому недостаточно только приобрѣсть мудрость, нужно умѣть ею пользоваться).

Дионисiй подсмѣивается надъ учителями, которые стараются выучить страданiя Одиссея и не знаютъ своихъ собственныхъ;

надъ музыкантами, которые настраиваютъ флейты и не обращаютъ вниманія на свои нравы; надъ ораторами, которые стараются произнести рѣчь хорошо, а не стараются дѣлать то, что хорошо. Если, несмотря на занятія, наша душа не направлена на лучшій путь, если наше сужденіе не стало болѣе здравымъ, то, на мой взглядъ, пусть лучше мой воспитанникъ играетъ въ мячъ, — по крайней мѣрѣ его тѣло станетъ болѣе гибкимъ. Стоитъ только посмотрѣть на юношу, вернушагося изъ школы черезъ 15—16 лѣтъ: онъ ни на что не годенъ. Рѣзче всего бросается въ глаза въ данномъ случаѣ то, что латинскій и греческій языки сдѣлали его глупѣе и надменнѣе, чѣмъ онъ былъ прежде. Онъ долженъ бы былъ принести наполненную душу, а принесъ надутую, — онъ ее раздулъ вмѣсто того, чтобъ наполнить.

Эти учителя, какъ говоритъ Платонъ о софистахъ, ихъ близкихъ родственникахъ, которые болѣе всѣхъ обѣщаютъ быть полезными для людей, суть единственные люди, которые не только не улучшаютъ довѣренное имъ, какъ дѣлаютъ плотники или каменщики, а, напротивъ, ухудшаютъ, да еще заставляютъ платить себѣ за это улучшеніе. Протагоръ предлагалъ своимъ ученикамъ на выборъ — или заплатить ему столько, сколько онъ требовалъ, или принести въ храмъ клятву, что они во столько-то цѣнятъ пользу, полученную отъ его ученія, и уплатить сообразно съ этимъ за его труды; еслибъ это правило было исполняемо до сихъ поръ, то наши педагоги разорились бы въ конецъ, еслибы положились на мою опытность. Мои неученые соотечественники называютъ въ шутку этихъ высокоученыхъ господъ «переучками» *Lettre-ferits*, какъ будто науки ударили ихъ молотомъ; да и на самомъ дѣлѣ часто кажется, что они совсѣмъ потеряли здравый смыслъ. Мужикъ и сапожникъ просто идутъ своею дорогою и ясно говорятъ о томъ, что знаютъ; эти же, желая возвыситься и побрызгать своимъ знаніемъ, которое плаваетъ у нихъ только на поверхности мозга, говорятъ темно и запутанно. У нихъ льются красивыя рѣчи, но пусть другіе ихъ понимаютъ; они прекрасно знаютъ предписанія Галена, но вовсе не знаютъ состоянія больного; они уже набиди вамъ голову законами, а сами не знаютъ сути

дѣла; они знаютъ теорію всѣхъ вещей, но надо найти кого-нибудь, кто умѣлъ бы примѣнить эту теорію на практикѣ.

Одинъ изъ моихъ друзей, для препровожденія времени, занимался съ однимъ изъ подобныхъ господъ тѣмъ, что спорилъ по цѣлымъ днямъ, придумывая самый безмысленный жаргонъ, велъ разговоръ безъ послѣдовательности, говорилъ объ избитыхъ вещахъ, стараясь только чаще вставлять слова, подходящія къ ихъ диспуту, и тотъ глупецъ, отвѣчая на эту галиматью, думалъ, что онъ отвѣчаетъ на дѣлаемые ему возраженія, — а между тѣмъ это былъ человѣкъ ученый, съ установившейся репутаціей.

Vos, o patricius sanguis, quos vivere par est
Occipiti caeco, posticae occurrere sannae.

(Благородные патриція, не обладающіе даромъ видѣть то, что дѣлается у васъ за спиной, берегитесь, чтобы тѣ, къ кому вы поворачиваетесь спиной, не насмѣхались надъ вами.)

Кто внимательнѣе всмотрится въ людей подобнаго сорта, которыхъ очень много, тотъ, подобно мнѣ, увидитъ, что они не понимаютъ ни себя, ни другихъ, что у нихъ хорошая память, но умъ совѣмъ не развитый; развѣ только природа сама создала имъ его инымъ. Я знавалъ Адриана Турнеба, который всю свою жизнь занимался науками, и на мой взглядъ былъ ученѣйшимъ человѣкомъ за эту тысячу лѣтъ, но онъ не имѣлъ въ себѣ ничего педантичнаго, исключая фасона платья, да внѣшняго вида, который не былъ утонченно изящнымъ, что въ сущности не имѣетъ никакого значенія; я ненавижу нашихъ людей, которые мирятся съ исковерканной душой легче, чѣмъ съ немоднымъ костюмомъ, и которые судятъ о человѣкѣ по его манерѣ раскланиваться, держать себя, и по его сапогамъ; онъ былъ въ душѣ деликатнѣйшимъ человѣкомъ: сколько разъ я преднамѣренно задавалъ ему вопросы, не подходящія къ его занятіямъ, онъ обнаруживалъ при этомъ такой ясный взглядъ, такое быстрое пониманіе, такое здоровое сужденіе, какъ будто всю свою жизнь онъ только и занимался войной да государственными дѣлами. Это дивныя и сильныя натуры,

Queis arte benigna

Et meliore luto finxit praecordia Titan.

(Которыхъ Прометей создалъ изъ другой матеріи и одарилъ болѣе счастливымъ гениемъ), которыя сохраняются и при плохомъ воспитаніи. Еще далеко не достаточно, чтобы воспитаііе насъ не портило,—надо, чтобы оно насъ улучшало.

Нѣкоторые изъ нашихъ парламентовъ, принимая чиновниковъ на службу, производятъ имъ испытаніе только по наукамъ, нѣкоторые же прибавляютъ къ этому еще испытаніе ума, предлагая имъ что-либо на обсужденіе. Послѣдніе, по моему, болѣе правы, такъ какъ и наука, и умъ необходимы, но одно образованіе безъ ума очень мало стѣитъ; еще умъ можетъ обойтись безъ образованія, но одного образованія слишкомъ недостаточно, потому что, какъ говоритъ греческій стихъ:

ὄς οὐδέν ἤ μάθησις ἤ μη νόος παρῆ.

(Къ чему образованіе, если при немъ нѣтъ ума.) Далъ бы Богъ для блага нашего суда, чтобы члены этихъ учрежденій такъ же хорошо были снабжены умомъ и совѣстью, какъ образованіемъ!

Non vitae, sed scholae discimus.

(Насъ воспитываютъ не для жизни, а только для школы).

Не нужно надѣвать на душу знаніе, какъ какую-нибудь одежду, надо его претворять въ плоть, не надо только грунтовать ее, надо прочно окрашивать; если наука не измѣняетъ и не улучшаетъ несовершенное состояніе души, то лучше все бросить,—это опасный мечъ, который мѣшаетъ своему хозяину и даже ранитъ его, если у него слабая рука и если онъ не знакомъ хорошо съ его употребленіемъ; *ut fuerit melius non didicisse* (такъ что лучше бы было ничего не учить).

Это можетъ-быть и есть причина, почему ни мы, ни церковь не требуемъ отъ женщины бѣльшаго образованія. Когда Франциску, герцогу Бретанскому, сыну Іоанна V, сказали, по поводу его брака съ Изабеллой Шотландской, что она воспитана очень просто и совѣмъ не образована, онъ отвѣтилъ: «мнѣ это очень пріятно; женщина достаточно умна, если умѣетъ отличить мужнину сорочку отъ куртки».

Итакъ, вовсе не удивительно, какъ объ этомъ кричатъ, что

наши предки не придавали особеннаго значенія наукамъ, и что до сихъ поръ еще не часто встрѣчаются высокообразованные люди между совѣтниками короля; и еслибы не конечная цѣль обогатиться, эта единственная цѣль нашего времени, при помощи юриспруденціи, медицины, филологіи и даже теологіи, вы видѣли бы и теперь эти науки въ томъ же жалкомъ видѣ, въ какомъ онѣ были и прежде. Какая жалость, если онѣ не научаютъ насъ ни лучше думать, ни лучше поступать. *Postquam docti prodierunt, boni desunt* (съ тѣхъ поръ какъ между нами стали появляться ученые, хорошіе люди стали исчезать). Кто не обладаетъ умѣніемъ быть добрымъ, тому вредна всякая наука.

Не въ этомъ ли именно и кроется причина, которую я отыскиваю, что такъ какъ у насъ во Франціи науки тоже имѣютъ почти единственную цѣль—прибыль, то имъ отдаются преимущественно тѣ люди, которыхъ природа предназначила не для высокихъ, а для прибыльныхъ должностей. Или потому, что это занятіе бросаютъ раньше, чѣмъ разовьютъ къ нему вкусъ, и берутся за занятія, не имѣющія ничего общаго съ наукой, а ей предаются люди бѣдные, ищущіе въ ней средствъ къ жизни. Но такъ какъ душа у этихъ людей и по природѣ, и въ слѣдствіе домашняго воспитанія и примѣра дурно направлена, то наука въ нихъ не приноситъ надлежащихъ плодовъ, потому что знаніе не можетъ дать души, какъ не можетъ слѣпому сдѣлать зрячимъ; его [обязанность не снабжать зрѣніемъ, а направлять его; оно помогаетъ ходьбѣ, но только въ томъ случаѣ, если ноги здоровы и крѣпки. Знаніе—хорошее лѣкарство, но ни одно лѣкарство не можетъ быть настолько сильно, чтобы не подвергнуться порчѣ и гніенію, если испорченъ сосудъ, въ которомъ оно содержится. Иной обладаетъ острымъ зрѣніемъ, но не можетъ правильно направлять его, поэтому онъ хотя и видитъ хорошее, не не слѣдуетъ ему,—обладаетъ познаніями и не примѣняетъ ихъ къ дѣлу. Главное предписаніе Платона въ «Республикѣ» требуетъ «распредѣлять обязанности между согражданами сообразно съ ихъ природой». Природа можетъ все и дѣлаетъ все. Хромые мало пригодны для гимнастическихъ упражненій, также какъ

для умственныхъ упражненій не пригодны умственные калѣ-ки: нравственные уроды и глупцы не пригодны для занятія философіей. Когда мы видимъ человѣка плохо обутого, мы говоримъ, это не диво, — вѣдь это сапожникъ. То же самое, кажется, выходитъ и съ науками: опытъ указываетъ намъ плохого медика, плохо обученнаго богослова и, что самое обыкновенное, мудреца — менѣе всего годнаго на что-нибудь.

Аристонъ Хиосскій въ древности имѣлъ полное основаніе говорить, что философы вредятъ слушателямъ, тѣмъ болѣе, что большинство душъ не созданы для того, чтобъ извлекать пользу изъ этой науки, а между тѣмъ она непремѣнно приноситъ вредъ, если не приноситъ пользы: *ἀσότης ex Aristippi, acerbos ex Zenonis schola exire.* (Изъ школы Аристиппа, говорилъ онъ, выходятъ развращенные, а изъ школы Зенона — дикари).

Среди прекрасныхъ педагогическихъ правилъ, которыя Ксенофонтъ приписываетъ персамъ, мы находимъ одно: что они учили своихъ дѣтей добродѣтели, какъ другіе народы наукамъ. Платонъ говоритъ, что наслѣдникъ престола бывалъ воспитанъ слѣдующимъ образомъ: тотчасъ по рожденіи его отдавали не женщинамъ, а евнухамъ, которые за свои добродѣтели пользовались большимъ авторитетомъ у царей. Первой ихъ заботой было сдѣлать тѣло ребенка хорошимъ и здоровымъ, а черезъ семь лѣтъ они приучали его къ верховой ѣздѣ и охотѣ. Когда ребенокъ достигалъ 14-лѣтняго возраста, его передавали на попеченіе четырехъ человѣкъ — мудрѣйшаго, справедливѣйшаго, воздержаннѣйшаго и храбрѣйшаго изъ всего народа; первый училъ его религіи, второй — быть всегда справедливымъ, третій — побѣждать страсти, четвертый — ничего не бояться.

Достойно удивленія, что въ превосходныхъ законахъ Ликурга, дѣйствительно чудесныхъ по своему совершенству, съ такою заботливостью относящихся, какъ къ первѣйшей обязанности, къ физическому воспитанію дѣтей (впрочемъ то же самое было и въ самомъ жилищѣ музъ *), такъ мало отведено мѣста

*) Т.-е. въ Афинахъ.

учености; какъ будто эта отважная молодежь должна была пренебрежительно относиться ко всему, исключая добродѣтели, и что ей, вмѣсто нашихъ преподавателей наукъ, нужны были преподаватели мужества, благоразумія и справедливости: примѣръ, которому слѣдуетъ Платонъ въ своихъ законахъ. Методъ преподаванія заключался въ томъ, что юношамъ предлагались на обсужденіе поступки и мнѣнія людей, и если они порицали или хвалили извѣстное лицо или поступокъ, то должны были указать основаніе для своего мнѣнія, — такимъ образомъ они изоощряли свои мыслительныя способности, а вмѣстѣ съ тѣмъ изучали законы.

Астіагъ, у Ксенофонта, спросилъ у Кира отчетъ о послѣднемъ урокѣ. У насъ въ школѣ, отвѣчалъ тотъ, одинъ ученикъ высокаго роста, имѣя очень короткую одежду, отдалъ ее другому ученику маленькаго роста и отнялъ у него его одежду, которая была тому длинна. Нашъ учитель сдѣлалъ меня судьей въ этой распрѣ, и я разсудилъ, что слѣдовало все оставить такъ, какъ случилось, такъ какъ и тому и другому стало удобнѣе; но учитель доказалъ мнѣ, что я поступилъ дурно, потому что обратилъ вниманіе на удобства, тогда какъ прежде всего надо было заботиться о справедливости, которая требуетъ, чтобы въ отношеніи собственности никогда не употреблялось насилія, — и велѣлъ меня высѣчь. Совѣмъ какъ у насъ, когда мы забудемъ первый аористъ отъ τάλω. Моему ректору пришлось бы произнести мнѣ хорошую рѣчь *in genere demonstrativo* и онъ все-таки не убѣдилъ бы меня, что его школа лучше этой. Въ древней школѣ хотѣли итти кратчайшимъ путемъ; такъ какъ науки, даже тогда, когда онѣ воспринимаются какъ слѣдуетъ, не могутъ научить насъ благоразумію, честности и рѣшительности, то они хотѣли, чтобы дѣти съ самаго начала усвоили себѣ эти качества, и думали научить ихъ не столько при помощи словъ, сколько при помощи самостоятельныхъ дѣйствій, формируя ихъ не столько посредствомъ правилъ и словъ, сколько посредствомъ примѣровъ и дѣлъ, для того, чтобъ это не было для души однимъ только знаніемъ, а составляло ея сущность и привычку, чтобъ это не было только приобрѣтеніемъ, но собственностью. По этому поводу спросили

Агезилая, какого онъ мнѣнія о томъ, что должны изучать дѣти: «то, что они должны дѣлать, когда будутъ взрослыми», отвѣчалъ онъ. Не мудрено, что такія постановленія принесли такіе удивительные результаты.

Риторы, живописцы и музыканты искали, какъ говорить, въ другихъ городахъ Греціи, а законодателей, правителей и главнокомандующихъ арміями въ Лакедемонѣ; въ Афинахъ учились хорошо говорить, а здѣсь хорошо поступать; тамъ учились противостоять софизмамъ и разбивать обманъ хитросплетенныхъ словъ, тутъ—противостоять приманкамъ распущенности и храбро смотрѣть въ глаза несчастью и смерти; тамъ придавали большое значеніе словамъ, здѣсь—дѣламъ; тамъ постоянно упражняли языкъ, здѣсь—душу. Вотъ почему нисколько не удивительно, что на предложеніе Антипатра дать ему 50 дѣтей заложниками, ему отвѣчали, что скорѣе согласны дать ему вдвое больше взрослыхъ, такъ какъ они считали большою потерей воспитывать дѣтей внѣ страны.

Когда Агезилай совѣтовалъ Ксенофону послать дѣтей для воспитанія въ Спарту, то это было не для того, чтобы научить ихъ риторикѣ и діалектикѣ, а «чтобы научить ихъ,—какъ онъ говорилъ,—самой лучшей наукѣ, которая только существуетъ, наукѣ умѣть повиноваться и повелѣвать».

Забавно видѣть, какъ Сократъ, по своей манерѣ, осмѣялъ Гиппія, когда тотъ рассказывалъ ему, что онъ заработалъ преподаваніемъ порядочную сумму денегъ, особенно въ маленькихъ городахъ Сициліи, но что въ Спартѣ онъ не заработалъ ни гроша, что спартанцы—идіоты, которые не умѣютъ не измѣрять, ни считать, не имѣютъ понятія ни о грамматикѣ, ни о ритмѣ, что они занимаются только изученіемъ послѣдовательности царей, основанія и паденія государствъ и другихъ тому подобныхъ глупостей.

Въ концѣ концовъ Сократъ, заставивъ его прійти къ убѣжденію въ превосходствѣ ихъ формы правленія, въ счастья и добродѣтели, царившихъ въ ихъ частной жизни, такимъ образомъ предоставилъ ему самому прійти къ заключенію о бесполезности его преподаванія.

Примѣры, заимствованные изъ военныхъ дѣлъ и имъ по-

добныхъ, доказываютъ намъ, что науки смягчаютъ и изнѣживаютъ мужество, а не развиваютъ и не укрѣпляютъ его. Самое могущественное государство въ данное время *) это Турція, гдѣ очень уважаютъ оружіе и пренебрегаютъ науками. Я нахожу, что Римъ былъ гораздо мужественнѣе до тѣхъ поръ пока не сдѣлался ученѣе. Самые воинственныя націи въ наше время въ то же время и самыя грубыя и невѣжественныя: скифы, паряне, Тамерланъ служатъ намъ доказательствомъ этого. Когда готы побѣдили Грецію, то единственно, что спасло всѣ библиотеки отъ сожженія, было предложеніе одного изъ нихъ оставить всѣ книги врагамъ, чтобъ отвлечь ихъ отъ военныхъ дѣйствій и занять ихъ пустыми дѣлами, требующими сидячей жизни. Когда нашъ король, Карль VIII, покорилъ Неаполь и добрую часть Тосканы, почти не вынимая оружія изъ ноженъ, то его свита приписывала эту неожиданно-легкую побѣду тому, что итальянскіе принцы и дворянство болѣе стараются сдѣлаться остроумными и учеными, чѣмъ сильными и воинственными.

О воспитаніи дѣтей.

Глава XXV.

Госпожѣ Діанѣ де-Фуа, графинѣ де-Гюрсонъ.

Я никогда не видалъ такого отца, который бы не призналъ покрытаго струпами или горбатаго сына за своего ребенка, — и это не потому, чтобъ онъ былъ такъ ослѣпленъ любовью, что не замѣчалъ его недостатковъ, а просто потому, что это его сынъ. То же самое происходитъ и со мною. Никто не можетъ лучше меня видѣть, что все, мною здѣсь высказываемое, есть взглядъ человѣка, получившаго въ юности очень поверхностныя научныя свѣдѣнія и сохранившаго о наукѣ одно только общее и неопредѣленное понятіе, человѣка, который, по

*) Т.-е. въ 1580 году.

обычаю французовъ, знаетъ всего понемножку, а въ общемъ ничего. Словомъ, я знаю, что существуетъ медицина, юридическія науки, четыре отдѣла математики; въ общемъ мнѣ извѣстно, какія цѣли преслѣдуютъ они; кромѣ того, я имѣю общее ятіе о томъ, какое вліяніе имѣютъ науки на нашу жизнь.

О далѣе этого я никогда не углублялся въ науку; я никогда не грызъ ногтей надъ изученіемъ Аристотеля, царя современныхъ доктринъ, я никогда не занимался упорно какою-нибудь одной отраслью знаній. Нѣтъ такого искусства, въ которомъ были бы мнѣ извѣстны хоть самыя первоначальныя основы. Нѣтъ такого ребенка среднихъ классовъ, который не зналъ бы болѣе меня, котораго бы я могъ спросить хоть насчетъ перваго его урока; и еслибы меня принудили это сдѣлать, я долженъ былъ бы по-дурацки извлечь изъ урока нѣкоторый матеріалъ общаго характера, чтобы на немъ испытать его здравый смыслъ: урокъ настолько же незнакомый ему, насколько его урокъ незнакомъ мнѣ.

Я не зналъ никакихъ серьезныхъ книгъ, кромѣ Плутарха и Сенеки, откуда я черпалъ, подобно Данаидамъ, непрерывно наполняя и проливая. Кое-что оттуда я перенесъ на эту бумагу, въ себя—почти что ничего. Исторія, это моя слабая струна по отношенію къ книгамъ, или поэзія, которую я особенно люблю, потому что, какъ говорилъ Клеантъ, какъ звукъ стѣсненный въ узкомъ каналѣ трубы вылетаетъ оттуда болѣе рѣзкимъ и сильнымъ, такъ, по моему мнѣнію, и мысль болѣе порывисто устремляется и производитъ во мнѣ большее потрясеніе, если ею овладѣла поэзія. Что касается до моихъ природныхъ способностей, доказательство которыхъ я здѣсь представляю, я чувствую, что онѣ не вынесутъ этого бремени; мои мысли и сужденія бродятъ только ощупью, колеблясь, спотыкаясь и ошибаясь; и если даже я уйду впередъ насколько могу, я и то не почувствую себя удовлетвореннымъ; я вижу въ отдаленіи страну, но смутно и въ туманѣ, который я не въ состояніи разогнать. И когда я вознамѣрюсь говорить безразлично обо всемъ, что взбредетъ мнѣ на умъ, не прибѣгая къ помощи другихъ средствъ, кромѣ собственныхъ природныхъ, и вдругъ мнѣ случится, какъ часто бываетъ, встрѣтить

по счастью у хорошихъ авторовъ тѣ же самые предметы, о которыхъ и я хочу разсуждать (какъ только-что произошло это съ разсужденіемъ Плутарха о силѣ воображенія), тогда я признаю себя, въ сравненіи съ этими авторами, слабымъ, жалкимъ, тяжелымъ и соннымъ, тогда я чувствую къ себѣ одну лишь жалость или презрѣніе. Но, съ другой стороны, я чувствую себя вознагражденнымъ, такъ какъ мои мысли имѣютъ честь часто сходиться съ ихъ мыслями, такъ какъ я хоть издали да приближаюсь къ нимъ и подтверждаю ихъ взгляды; такъ какъ сверхъ того я признаю (что не всякій дѣлаетъ). громадную разницу между мною и ими и, несмотря на это, я выпускаю въ свѣтъ то, что я нашелъ, такимъ же слабымъ и низменнымъ, какимъ я это создалъ, не скрывая и не затушевывая тѣхъ недостатковъ, которые обнаружались при этомъ сравненіи.

Надо быть очень сильнымъ для того, чтобы рѣшиться идти бокъ о бокъ съ этими людьми. Нескромные писатели нашего времени, усѣивающіе свои ничтожныя произведенія мѣстами, цѣликомъ взятыми изъ древнихъ авторовъ, чтобы приписать себѣ эту честь, поступаютъ какъ разъ напротивъ; потому что этотъ блескъ своей громадною разницей даетъ ихъ собственному произведенію такой безцвѣтный, тусклый и некрасивый видъ, что они больше теряютъ, чѣмъ выигрываютъ.

Вотъ двѣ противоположныя фантазіи: философъ Хризиппъ примѣшивалъ въ свои сочиненія не только отдѣльныя мѣста, но даже цѣлыя произведенія другихъ авторовъ, наприм. Медею Еврипида; и Аполлодоръ говорилъ, что еслибъ уничтожить все чужое въ его произведеніяхъ, то осталось бы одна чистая бумага. Напротивъ, Епикуръ въ оставленныхъ имъ 300 томахъ не сдѣлалъ ни одной ссылки. Въ другой разъ мнѣ случилось натолкнуться на такое мѣсто: я медленно тащился за французскими словами, настолько безкровными, иссохшими, лишенными содержанія и смысла, какъ будто это были только французскія слова; въ концѣ длиннаго и утомительнаго пути я встрѣтилъ мѣсто возвышенное, богатое и стремящееся къ облакамъ. Еслибъ я нашелъ скать отлогимъ

и подъемъ постепенно возвышающимся, это было бы извинительно. Но тутъ пропасть была настолько пряма и обрывиста, что съ шести же первыхъ словъ я понялъ, что влетѣлъ въ иной совершенно мѣръ; съ этого мѣста я увидѣлъ, что рытвина, откуда я пришелъ, настолько низка и глубока, что у меня не хватило духа опять спуститься туда. Еслибъ я украсилъ одно изъ моихъ разсужденій этой богатой добычей, глупость другихъ разсужденій стала бы слишкомъ очевидна. Порицать въ другомъ свои собственные ошибки мнѣ представляется настолько же неумѣстнымъ, какъ и порицать (что часто я дѣлаю) ошибки другихъ въ себѣ самомъ: ихъ слѣдуетъ уличать всюду и лишать ихъ всякаго убѣжища.

Извѣстно ли, насколько смѣло я самъ стараюсь при всякомъ случаѣ сравняться съ своими грабителями, итти съ ними нога въ ногу, не безъ безумной надежды на то, что я могу обмануть глазъ судей такъ, что они не замѣтятъ между нами разницы; но это происходитъ столько же благодаря моему старанью, сколько благодаря моей изобрѣтательности и силѣ. Кромѣ того, я не веду съ этими старыми вояками борьбу въ большихъ размѣрахъ и грудь съ грудью; борьба возобновляется по нѣсколько разъ, путемъ небольшихъ и легкихъ стычекъ: я не упорствую, я только иду по ихъ слѣдамъ; я собственно не иду, а только представляю себѣ, что иду. Еслибъ я могъ итти съ ними наравнѣ, я былъ бы честнымъ человѣкомъ, потому что я взбираюсь къ нимъ съ той стороны, гдѣ они болѣе неприступны. Дѣлать то, что я замѣчаю въ другихъ, т.-е. вооружаться съ ногъ до головы чужимъ оружіемъ, проводить свой планъ, какъ это легко дѣлать ученымъ въ обыкновенныхъ дѣлахъ, при помощи мыслей, заимствованныхъ у древнихъ, — мыслей, разсѣянныхъ то тутъ, то тамъ, — скрывать это и присвоивать себѣ—это несправедливо и подло. Потому что, не имѣя ничего особеннаго, чѣмъ бы можно было выдаться, они стараются выдаться при помощи достоинствъ, вовсе имъ не принадлежащихъ; и кромѣ того, великая глупость довольствоваться одобреніемъ невѣжественной толпы, преобрѣтеннымъ при помощи обмана, и въ то же время быть обезславленнымъ среди людей понимающихъ, которые пожимаютъ плечами при

видѣ этой заимствованной инкрустациі; между тѣмъ похвала этихъ людей только и имѣетъ значеніе.

Съ своей стороны я вовсе не желаю этого дѣлать: я цитирую другихъ единственно съ тою цѣлью, чтобы лучше выразить свою мысль. Это не касается, конечно, компиляцій, которыя и издаются въ качествѣ таковыхъ; и въ настоящее время, говоря уже о древнихъ, я знаю нѣкоторыя изъ нихъ—очень умныя, между прочимъ одну, принадлежащую итальянцу Капильони: въ нихъ проглядываетъ умъ кое-гдѣ, какъ у Липсіа въ его «Политикѣ», этой ученой и старательной компиляціи.

Я не думаю скрывать какія бы ни было свои глупости, все равно какъ не думаю скрывать свой портретъ съ лысой и сѣдою головой, на которомъ живописецъ изобразилъ лицехоть и не красивое, но все-таки мое. И въ данномъ случаѣ это черты моего характера и мои мысли; я ихъ выдаю за то за что я ихъ принимаю, а не за то, за что ихъ должны принимать другіе: я намѣренъ въ этомъ случаѣ лишь показать самого себя, который завтра, можетъ-быть, будетъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, если новое обученіе произведетъ во мнѣ перемѣну. Я вовсе не обладаю такимъ авторитетомъ, чтобы внушать довѣріе, да я этого и не желаю, такъ какъ чувствую себя слишкомъ мало ученымъ для того, чтобы учить другихъ.

Въ другой разъ нѣкто, увидавъ мою статью о педантизмѣ сказалъ мнѣ, что мнѣ бы слѣдовало нѣсколько подробнѣе осудить вопросъ о воспитаніи дѣтей. Но, мадамъ, еслибъ меня было сколько-нибудь способности въ этомъ отношеніи, бы не могъ употребить ее лучшимъ способомъ, какъ подаривъ эту работу тому человѣку, который угрожаетъ вамъ своимъ появленіемъ на свѣтъ (вы слишкомъ благородны, чтобы не начать съ сына),—потому что, принявъ такое участіе въ осуществленіи вашего брака, я имѣю нѣкоторое право и интерес по отношенію къ величію и счастью того, что отъ него произойдетъ; не говоря уже о томъ, что старинное право, которое вы имѣете на мою службу, въ достаточной мѣрѣ обязываетъ меня желать чести, блага и счастья всему тому, что до васъ касается: по правдѣ сказать, въ этомъ отношеніи я понимаю

лишь одно, что наиболѣе трудной и важной изъ человѣческихъ наукъ представляется та, гдѣ трактуется о питаніи и воспитаніи дѣтей. Какъ въ земледѣліи, работы, предшествующія посѣву и самый посѣвъ—извѣстны и легки; но когда посѣянное начинаетъ жить, то выхаживаніе его совершается весьма различными способами и трудно; то же самое и относительно людей: нетрудно дать имъ жизнь, но разъ человѣкъ родился, то для того, чтобы воспитать и вскормить его, надо обременить себя различными заботами, обязанностями и страхомъ. Наклонности же въ этомъ возрастѣ обнаруживаются такъ неясно, надежда на него такъ невѣрна и обманчива, что очень трудно высказаться на этотъ счетъ основательно. Посмотрите на Кимона, Фемистокла и тысячи другихъ, насколько мало похожими оказались они на самихъ себя. Медвѣжата и щенята обнаруживаютъ свои природныя наклонности; но люди, немедленно подчиняясь обычаямъ, взглядамъ, законамъ, легко измѣняются и являются въ иномъ видѣ, чѣмъ прежде,—такъ трудно властвовать надъ природными склонностями. Отсюда слѣдуетъ, что благодаря ошибкѣ въ выборѣ пути, часто стараются попустому и тратятъ много времени на приученіе дѣтей къ тому, къ чему у нихъ вовсе нѣтъ способностей. Все-таки, что касается этихъ затрудненій, мое мнѣніе таково: всегда слѣдуетъ направлять дѣтей на предметы наилучшіе и наиболѣе полезныя и поменьше опираться на тѣ неосновательныя догадки и расчеты, которые мы основываемъ на данныхъ, обнаруживаемыхъ въ дѣтствѣ: мнѣ кажется, что Платонъ, въ своей «Республикѣ», слишкомъ много придаетъ имъ значенія.

Мадамъ, наука есть великое украшеніе и оказываетъ удивительныя услуги, въ особенности лицамъ, которыя, какъ наприм. вы, вознесены судьбою на такую высокую ступень. По правдѣ сказать, въ дурныхъ и низкихъ рукахъ она не обнаруживаетъ своего настоящаго значенія. Она болѣе могущественна въ томъ случаѣ, когда предлагаетъ свои средства для веденія войны, для управленія народомъ, или для того, чтобы содѣйствовать дружбѣ между государями и чуждыми народами, чѣмъ для того, чтобы привести діалектическій аргументъ, вести апелляціонное дѣло или прописать извѣстное количество

пилюль. Итакъ, мадамъ, такъ какъ я увѣренъ, что вы не забудете этой стороны при воспитаніи вашихъ дѣтей, — вы, которая вкусили ея сладости и которая принадлежите къ образованному роду (потому что мы имѣемъ еще сочиненія древнихъ графовъ де-Фуа, отъ которыхъ ведете происхожденіе вы и графъ, вашъ супругъ, а Франсуа де-Кандалъ, вашъ дядя, ежедневно пишетъ новыя сочиненія, благодаря которымъ цѣлыя столѣтія будутъ знать объ этомъ качествѣ вашей семьи), — то я хочу сообщить вамъ одну свою фантазію, несогласную съ обычными приѣмами. Вотъ все, чѣмъ я могу служить вамъ въ этомъ отношеніи.

Обязанность гувернера, котораго вы дадите своему сыну и отъ выбора котораго зависитъ весь результатъ воспитанія, имѣетъ много другихъ важныхъ сторонъ, но я не коснусь ихъ, такъ какъ не могу сказать объ этомъ ничего особенно важнаго. Что же касается до этого пункта, относительно котораго я рѣшаюсь дать ему свой совѣтъ, то и въ этомъ отношеніи онъ до тѣхъ поръ будетъ съ довѣріемъ слѣдовать ему, пока это покажется ему приличнымъ. Ребенку изъ такой семьи, которая старается приобрѣсти знаніе не изъ-за выгоды (потому что такая низкая цѣль недостойна милости и благосклонности музъ и, кромѣ того, она имѣетъ въ виду другихъ людей), не столько изъ-за внѣшнихъ удобствъ, сколько ради самого знанія, изъ-за того, чтобы при помощи его обогатить и украсить свою душу, чтобы при помощи его стать не столько ученымъ, сколько способнымъ человѣкомъ, — я пожелалъ бы такому ребенку, чтобы постарались дать ему руководителя не столько ученаго, сколько разумнаго; пусть ищутъ и того и другого, но пусть больше разыскиваютъ нравственные качества и разумъ, нежели знанія; а также пусть позаботятся о томъ, чтобы онъ исполнялъ свою обязанность не по-рутинному.

Постоянно кричатъ ученику въ уши, какъ будто льютъ въ воронку; а обязанность ученика состоитъ только въ повтореніи сказаннаго. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы учитель исправилъ эту сторону дѣла, чтобы онъ съ самаго начала, сообразно съ способностями воспитанника, давалъ ему возможность высказаться, развивая въ немъ вкусъ къ вещамъ, заставляя его про-

изводить между ними выборъ и различать ихъ, чтобъ иногда онъ указывалъ ученику путь, а иногда предоставлялъ ему и самому находить его. Я не хочу, чтобъ учитель находилъ и говорилъ всегда одинъ; я хочу, чтобъ онъ въ свою очередь выслушивалъ слова ученика. Сократъ и потомъ Архезилай сначала заставляли говорить своихъ учениковъ, а потомъ уже сами говорили имъ. *Obest plerumque iis, qui discere volunt, auctoritas eorum, qui docent* (Авторитетъ учащихъ часто вредитъ желающимъ учиться).

Хорошо, если учитель заставитъ ученика идти передъ собою, чтобъ имѣть возможность судить объ его манерахъ ходьбы, а также и о томъ, насколько онъ долженъ снизойти до него, чтобы сообразоваться съ силами ученика. Не будетъ этого соотношенія, мы все испортимъ. Умѣть выбрать это соотношеніе и на основаніи послѣдняго дѣйствовать—это обязанность самая трудная изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ; а умѣть снизойти до его дѣтскихъ поступковъ и руководить ими—это можетъ сдѣлать только возвышенная и сильная душа. Я смѣлѣе и тверже иду на гору, чѣмъ подъ гору.

Ничего нѣтъ удивительнаго, если тѣ, которые, какъ это теперь въ обычаѣ, принимаются учить и воспитывать въ одно и то же время людей различныхъ по величинѣ и складу ума, среди множества дѣтей едва ли находятъ двухъ-трехъ, въ которыхъ обнаруживаются хорошіе плоды ихъ воспитательныхъ мѣръ. Пусть учитель требуетъ отъ дѣтей отчета не въ однихъ только словахъ, а также въ смыслѣ и въ сущности урока; пусть онъ судитъ о пользѣ, имъ приносимой, не по свидѣтельству ихъ памяти, но по доказательствамъ, представляемымъ ихъ жизнью. Пусть учитель заставитъ учениковъ изложить выученное во ста различныхъ видахъ и примѣнить это къ столькимъ же различнымъ случаямъ, для того, чтобы видѣть, хорошо ли они все это поняли и усвоили: пусть онъ возьметъ педагогическія правила Платона за руководство въ томъ, что ему надо дѣлать. Это вѣдь доказательство несваренія и слабости желудка, когда возвращаютъ обратно пищу въ томъ же видѣ, въ какомъ ее проглотили: желудокъ не сдѣлалъ своего дѣла, если онъ не измѣнилъ ни качества, ни формы

того, что ему было дано для переварки. Наша душа волнуется лишь попустому, если она связана и предана на волю чужимъ фантазіямъ, если она раба и плѣнница ихъ уроковъ: насъ настолько приучили къ помочамъ, что мы не можемъ ходить свободно; наша бодрость и свобода угасли; *quoniam tutelae suae fiunt* (никогда они не бываютъ собственными господами).

Въ Пизѣ я познакомился съ однимъ безупречнымъ человекомъ, но до такой степени поклонникомъ Аристотеля, что главнымъ правиломъ его было: «согласіе съ ученіемъ Аристотеля есть пробный камень и необходимость для всякихъ серьезныхъ мыслей и для всякой истины; все другое — простыя химеры и суета; онъ все позналъ и все сказалъ».

Эта мысль, вслѣдствіе того, что ей придали нѣсколько болѣе широкое и неудобное толкованіе, долго подвергала его опасности быть выданнымъ римской инквизиціи.

Такъ пусть наставникъ заставитъ ученика все изслѣдовать и пусть ничего не вбиваетъ ему въ голову при помощи простаго авторитета и безъ всякаго основанія. Пусть принципы Аристотеля будутъ для ученика тѣмъ же, чѣмъ принципы стоиковъ и эпикурейцевъ; пусть ему укажутъ различныя сужденія, а ученикъ самъ выберетъ, если сможетъ; если же не сможетъ, то останется въ сомнѣніи:

Che non men che saver, dubbiar m'aggrada:

(По моему и сомнѣніе имѣетъ не меньше значенія, нежели знаніе),

потому что, если ученикъ принимаетъ мнѣнія Ксенофонта и Платона при помощи собственнаго размышленія, то это будутъ уже не ихъ мнѣнія, а его собственные. Кто слѣдуетъ за другимъ, не слѣдуетъ ни за чѣмъ, онъ ничего не находитъ, такъ какъ ничего не ищетъ. *Non sumus sub rege; sibi quisque se vindicet* (у насъ нѣтъ царей; пусть каждый свободно располагаетъ собою). Пусть онъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, что знаетъ. Пусть онъ проникнется духомъ тѣхъ людей, а не заучиваетъ ихъ правила; пусть смѣло забываетъ, если хочетъ, откуда онъ ихъ взялъ, лишь бы только умѣлъ ихъ усвоить. Истина и разумъ общи для всѣхъ, и никакъ не принадлежать

болѣе тому, кто ихъ высказалъ раньше, нежели тому, кто ихъ высказалъ послѣ: извѣстная мысль одинаково принадлежитъ Платону и мнѣ, такъ какъ мы съ нимъ одинаково понимаемъ и видимъ. Пчелы и тутъ и тамъ собираютъ съ цвѣтовъ; но изъ собраннаго они вполнѣдствіи дѣлаютъ медь, который имъ принадлежитъ; это уже болѣе не тимьянъ, не майоранъ. Та-кимъ уже образомъ ученикъ примѣнить заимствованное у другихъ и смѣшаетъ все, чтобы сдѣлать изъ всего этого свое собственное произведеніе, наприм. свое мнѣніе. Его воспита-ніе, работа и занятіе не имѣютъ иной цѣли, кромѣ развитія разума. Пусть онъ умалчиваетъ о томъ, что ему при этомъ помогало, и пусть онъ покажетъ мнѣ то, что онъ сдѣлалъ изъ всего заимствованнаго. Грабители и занимающіе деньги выставляютъ на показъ свои дома и покупки; а вовсе не то, какъ они приобрѣли все это отъ другихъ. Вы не видите тѣхъ подарковъ, которые дѣлаются членамъ суда, но вы видите тѣ связи и почести, которыя они приобрѣли для своихъ дѣтей. Никто не даетъ публичнаго отчета о способахъ приобретенія, но каждый показываетъ, что онъ приобрѣлъ.

Выгода, приносимая намъ нашими занятіями, заключается въ томъ, что мы становимся отъ этого лучше и умнѣе. «Разумъ,—говорилъ Епихармъ,—видитъ и слышитъ; разумъ ото-всюду извлекаетъ выгоду, все упорядочиваетъ, всюду дѣйствуетъ, всюду господствуетъ и управляетъ; все остальное слѣпо, глухо и не имѣетъ души». Конечно, мы дѣлаемъ ученика раболѣпнымъ и трусливымъ, не давая ему свободы дѣйствовать самостоятельно.

Кто когда-либо спрашивалъ ученика о томъ, что онъ думаетъ о реторикѣ и грамматикѣ, о той или другой мысли Цицерона? Намъ вклеиваютъ ихъ въ память, какъ изреченія оракула, гдѣ буквы и слоги составляютъ всю суть. Знать наизусть еще не значить знать; это просто значить сохранять то, что дано памяти на сохраненіе. Тѣмъ, что знаютъ, какъ слѣдуетъ, тѣмъ распоряжаются, не взирая на учителя, не обращая своихъ взоровъ къ книгѣ. Какое жалкое знаніе—знаніе чисто книжное! Я думаю, что это послѣднее служитъ украшеніемъ, а не фундаментомъ; я слѣдую въ этомъ слушаѣ

мнѣнію Платона, который говоритъ: «твердость, честность, искренность—вотъ истинная философія; другія знанія и вообще все, имѣющее иную цѣль, есть простыя прикрасы». Я желалъ бы, чтобы Палюэль или Помпей, искуснѣйшіе танцоры моего времени, учили насъ капріолямъ, заставляя насъ только смотреть, но не трогаться съ мѣста; все равно, какъ тѣ, которые хотятъ развить нашъ умъ, не заставляя его дѣйствовать; или тѣ, которые безъ всякихъ упражненій хотятъ научить насъ управлять лошадыю, владѣть кошемъ, играть на лютнѣ или пѣть; какъ тѣ, которые хотятъ научить насъ правильно думать и хорошо говорить, не упражняя насъ ни въ разговорѣ, ни въ мышленіи. Между тѣмъ, при хорошемъ обученіи, все, что представляется нашимъ глазамъ, замѣняетъ для насъ книгу: шалость пажа, глупость слуги, разговоръ за столомъ—все это новый матеріалъ для размышленія.

Прекрасно способствуютъ этому сношенія съ людьми и посѣщеніе заграничныхъ странъ,—конечно, не для того только, чтобъ узнать (какъ дѣлаетъ наша французская знать), сколько шаговъ въ Santa Rotonda, или какія роскошныя кальсоны у снѣеры Ливіи, или, какъ другіе, насколько лицо Нерона на той или другой развалинѣ длиннѣе или шире, нежели на какой-нибудь медали; но для того, чтобы главнымъ образомъ узнать характеръ и обычаи этихъ народовъ, и для того, чтобы полировать и разглаживать наши мозги о мозги другихъ. Я бы хотѣлъ, чтобы путешествія предпринимались съ ранняго дѣтства; но прежде всего (чтобы однимъ ударомъ двухъ зайцевъ убить)—къ сосѣднимъ народамъ, языкъ которыхъ представляетъ меньше сходства съ нашимъ, такъ что языкъ не могъ бы приспособиться къ его звукамъ, если вы заранѣе не станете пріучать его къ этому.

И это общее мнѣніе, что не разумно воспитывать дѣтей за пазухой у родителей: ихъ естественная любовь слишкомъ изнѣживааетъ и расслабляетъ ихъ, даже самыхъ умнѣйшихъ; они становятся неспособными наказывать дѣтей за недостатки, какъ слѣдуетъ закалять ихъ и дѣлать ихъ смѣлыми. Подобные родители не потерпятъ, чтобы дѣти возвращались съ своихъ упражненій въ поту и пыли, чтобы они пили то холод-

ное, то теплое, чтобъ они ѣздили на упрямой лошади, чтобъ они фехтовали съ болѣе сильнымъ противникомъ или въ первый разъ стрѣляли изъ аркебуза. Ибо другого средства нѣтъ: кто хочетъ сдѣлать изъ ребенка ловкаго человѣка, безъ сомнѣнія, не долженъ щадить его съ дѣтства, хотя бы при этомъ часто пришлось пренебрегать медицинскими предписаніями:

Vitamque sub dio, et trepidis agat in rebus.

(Пусть онъ живетъ подъ открытымъ небомъ и среди опасностей.)

Не достаточно закалить душу у ребенка, — надо укрѣпить сму и мускулы: душѣ слишкомъ трудно безъ посторонней помощи исполнять сразу двѣ обязанности. Я знаю, какъ трудно моей душѣ въ сообществѣ съ столь нѣжнымъ и чувствительнымъ тѣломъ, которое такъ сильно нуждается въ ея поддержкѣ; при чтеніи я часто замѣчаю, что мои учителя въ своихъ сочиненіяхъ выдаютъ за душевное величіе и крѣпость духа то, что скорѣе зависитъ отъ толщины кожи и крѣпости костей.

Я зналъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей такъ воспитанныхъ, что палочные удары для нихъ меньше значили, чѣмъ для меня щелчокъ по носу, которые ни языкомъ не повернуть, ни бровью не поведутъ, получая удары. Когда атлетовъ противопоставляютъ философамъ по отношенію къ терпѣнію, то тутъ скорѣе проявляется крѣпость нервовъ, чѣмъ сила души. Но привычка къ перенесенію трудовъ есть привычка къ перенесенію скорби: *labor callum obducit dolori* (трудъ закаляетъ къ перенесенію скорби). Слѣдуетъ приучать ребенка къ усталости и трудности тѣлесныхъ упражненій, чтобы приучить его къ перенесенію вывиховъ, коликъ, прижиганій, а также тюремъ и пытки, потому что эти послѣднія, которыя, смотря по времени, выпадаютъ и хорошимъ людямъ наравнѣ съ дурными, могутъ быть и его удѣломъ.

У насъ есть этому доказательство. Кто борется съ законами, тотъ угрожаетъ лучшимъ людямъ плетью и веревкой. И, кромѣ того, авторитетъ воспитателя, который долженъ быть неограниченнымъ въ отношеніи ребенка, прекращается или приостанавливается благодаря присутствію родителей; къ тому же уваженіе, которое оказываютъ ребенку слуги, знакомство со

средствами и значеніемъ своего дома—все это, по моему мнѣнію, составляетъ немаловажное неудобство въ этомъ возрастѣ.

Я часто замѣчалъ въ этой школѣ сношеній съ людьми тотъ недостатокъ, что вмѣсто того, чтобы знакомиться съ другими, мы стараемся лишь о томъ, чтобы другихъ познакомить съ нами, и болѣе стараемся о томъ, чтобы отдать свой товаръ, нежели о приобрѣтеніи новаго. Молчаливость и скромность—качества очень пригодныя для разговора. Пусть приучать ребенка быть расчетливымъ и бережливымъ по отношенію къ своему достатку, если онъ его приобрѣлъ; не сердиться на глупости и басни, которыя говорятся въ его присутствіи, потому что это грубая нескромность обижаться всѣмъ тѣмъ, что намъ не по вкусу. Пусть онъ довольствуется только самоисправленіемъ, и пусть не показываетъ вида, будто упрекаетъ другого за то, чего самъ не позволить себѣ сдѣлать, и пусть не противорѣчитъ общественнымъ нравамъ: *licet sapere sine pompa, sine invidia* (можно быть мудрымъ безъ блеска, безъ раздраженія). Пусть онъ избѣгаетъ этого притязательнаго и надменнаго вида и этой дѣтской претензіи казаться болѣе умнымъ, чтобы быть принятымъ за нѣчто другое, и желать приобрѣсти себѣ порицаніями и нововведеніями извѣстное имя. Какъ однимъ лишь великимъ поэтамъ позволительно прибѣгать къ поэтическимъ вольностямъ, такъ только отъ великихъ и славныхъ умовъ сносятъ отступленія отъ обычаевъ. *Si quid Socrates aut Aristippus contra morem et consuetudinem fecerunt, idem sibi ne arbitretur licere: magnis enim illi et divinis bonis hanc licentiam assequabantur* (Если Сократъ или Аристиппъ сдѣлали что-нибудь вопреки нравамъ и обычаямъ, не думай себѣ позволить то же самое, ибо они приобрѣли себѣ право на эту вольность благодаря своимъ великимъ и божественнымъ дѣламъ). Пусть научать воспитанника вступать въ разговоръ или споръ только въ томъ случаѣ, когда онъ увидитъ противника достойнаго борьбы; а въ этомъ случаѣ не употреблять всѣхъ приемовъ, которые могутъ быть для него полезны, а только тѣ, которые наиболѣе полезны. Пусть приучать его тщательно выбирать и сортировать свои доводы и любить точность, слѣдовательно—и краткость. Пусть научать его, кромѣ того,

тотчасъ же сдаваться и слагать оружіе, лишь только онъ уразумѣетъ истину, все равно, явится ли она въ рукахъ его противника, или въ его собственныхъ послѣ нѣкотораго раздумья, потому что онъ никогда не долженъ всходить на кафедру съ цѣлью прочесть заранѣе предписанную роль. Пусть онъ принимается за какое-либо дѣло только тогда, когда онъ его одобряетъ; пусть онъ не будетъ изъ числа тѣхъ, которые за чистыя деньги продаютъ свободу раскаиваться и сознаваться: *neque, ut omnia, quae praescripta et imperata sint, defendet, necessitate ulla cogitur* (никакая нужда да не заставляетъ его защищать все то, что ему предписано и приказано). Если его воспитатель согласенъ со мною, то онъ внушитъ ему желаніе быть вполне вѣрнымъ, преданнымъ и храбрымъ слугою своего князя; но въ то же время онъ охладитъ его желаніе брать у него какое-либо другое мѣсто, кромѣ того, какое указываетъ ему гражданскій долгъ.

Помимо разныхъ другихъ неудобствъ, которыя въ этихъ частныхъ обязательствахъ оскорбляютъ нашу свободу, сужденіе человѣка нанятаго и подкупленнаго или менѣе самостоятельно и менѣе свободно, или носить слѣды неблагоуразумія и неблагодарности. Настоящій придворный не можетъ имѣть ни права, ни желанья говорить и думать иначе, какъ благопріятно, о господинѣ, который избралъ его среди столькихъ тысячъ другихъ подданныхъ, чтобы вскормить его и возвысить: эта милость и выгоды не безъ основанія оказываютъ вредное вліяніе на его прямодушіе и ослѣпляютъ его. Обыкновенно оказывается, что рѣчи подобныхъ людей о государственныхъ дѣлахъ совсѣмъ непохожи на рѣчи другихъ людей и внушаютъ мало довѣрія въ подобнаго рода вещахъ.

Пусть совѣсть и добродѣтель проглядываютъ въ его словахъ и имѣютъ своимъ руководителемъ одинъ лишь разумъ. Пусть внушатъ ему, что сознаться въ ошибкѣ, которую онъ откроетъ въ своемъ сужденіи, хотя бы ее еще никто, кромѣ него, не замѣтилъ, есть доказательство правдивости и честности, главнаго, чего онъ долженъ добиваться; что упорствовать и спорить есть обычныя качества, встрѣчающіяся въ низкихъ душахъ; что, напротивъ, измѣнять свое мнѣніе при

самомъ жаркомъ спорѣ, исправлять себя, отрекаться отъ дурного дѣла—это качество рѣдкое, благородное и достойное философа.

Пусть ему посовѣтуютъ, будучи въ обществѣ, обращать на все вниманіе, потому что я замѣчалъ, что самыя первыя мѣста обыкновенно занимаютъ людьми менѣе способными, и что величина счастья никогда не бываетъ соразмѣрна со способностями: я замѣчалъ, что въ то время, какъ на верхнемъ концѣ стола говорили о красотѣ ковровъ и о вкусѣ мальвазіи, на нижнемъ концѣ оставалось незамѣтнымъ много остроумныхъ мыслей. Пусть онъ узнаетъ значеніе всякаго человѣка: пастуха быковъ, каменщика, прохожаго; всемъ надо пользоваться, и у каждаго надо заимствовать кое-что, смотря по его занятіямъ, потому что въ хозяйствѣ все пригодится; даже глухость и слабость другихъ будетъ для него наукой; наблюдая за поведеніемъ и манерами каждаго, онъ разовѣетъ въ себѣ желаніе имѣть хорошія и презрѣніе къ дурнымъ...

Пусть внушатъ ему благородное стремленіе хорошенько узнать обо всемъ. Такимъ образомъ онъ будетъ обращать вниманіе на все, что только есть особеннаго вокругъ него: на зданіе, фонтанъ, человѣка, поле бывшей когда-то битвы, на мѣсто, по которому, проходилъ Цезарь или Карлъ Великій.

*Quae tellus sit lenta gelu, quae putris ab aestu;
Ventus in Italiam quis bene vela ferat*

(Какая страна объята холодомъ, какая въ прахъ сожжена солнцемъ; какой вѣтеръ лучше всего несетъ караванъ въ Италію).

Онъ познакомится съ правами, могуществомъ и союзами того или другого государя: изучать это очень пріятно, и знать—полезно.

Подъ людьми, общества которыхъ онъ будетъ искать, я, конечно, прежде всего разумѣю тѣхъ, память о которыхъ живетъ лишь въ книгахъ: при помощи исторіи онъ доставитъ себѣ общеніе съ великими умами лучшихъ вѣковъ. Для одного это занятіе бесполезно, для другого приноситъ громадную пользу: это единственное занятіе, какъ говоритъ Платонъ, которое сохранили для себя Лакедемоняне. Какую пользу въ

этомъ отношеніи извлечетъ онъ изъ чтенія Жизнеописаній Плутарха? Но пусть мой наставникъ вспомнить, въ чемъ заключается его задача: пусть онъ заботится не столько о томъ, чтобъ ученикъ запомнилъ годъ разрушенія Кареагена, сколько о томъ, чтобъ узналъ нравы Сципіона и Ганнибала; не о томъ, чтобы онъ зналъ, гдѣ умеръ Марцеллъ, сколько о томъ, чтобъ онъ зналъ, что не согласно съ его долгомъ, что онъ тамъ умеръ. Пусть онъ не столько научаетъ его разнымъ историческимъ событіямъ, сколько пріучаетъ судить о нихъ. По моему мнѣнію, историческій матеріаль болѣе всякаго другого различными способами усваивается нашимъ умомъ: я читалъ у Тита Ливія о сотнѣ событій, о которыхъ другой не читалъ; Плутархъ читалъ у него во сто разъ больше, нежели я въ состояннн былъ читать, и даже, можетъ-быть, больше того, что авторъ вложилъ туда. Для нѣкоторыхъ это просто занятіе грамматикой, для другихъ — это философская анатомія, при помощи которой можно проникать въ самыя сокровенныя части нашей природы. У Плутарха есть много обширныхъ разсужденій, достойныхъ изученія; потому что, по моему мнѣнію, онъ былъ мастеръ на такого рода произведенія. Но въ немъ есть тысячи вещей, которыя едва затронуты имъ: онъ только указываетъ пальцемъ путь, куда намъ итти, и довольствуется иногда простымъ намекомъ среди самаго живого повѣствованія. Надо извлечь его отсюда и извлечь изъ него пользу. Наприм., его слова: обитатели Азіи въ рабствѣ у одного человѣка, потому что не умѣютъ произносить одного слога «нѣтъ», дали, можетъ-быть, матеріаль и поводъ Ла-Бозси для его сочиненія «Добровольное рабство».

Ужь одно его умѣнье выбрать, въ какомъ-нибудь жизнеописаніи, самое ничтожное дѣйствіе или слово, которое повидимому не имѣетъ значенія, равносильно разсужденію. Очень жаль, что умные люди такъ любятъ сжатость: безъ сомнѣнія, ихъ репутація отъ этого лучше, но мы-то хуже. Плутарху больше нравится, чтобъ его восхваляли за его сужденія, чѣмъ знаніе; онъ лучше любитъ не удовлетворять, чѣмъ пресыщать собой: онъ зналъ, что даже объ очень хорошихъ вещахъ можно сказать слишкомъ много и что Александридъ справедливо

упрекаль тѣхъ, кто произноситъ предъ эфорами хотя и хорошія, но слишкомъ длинныя рѣчи: «о чужеземець, ты говоришь то, что слѣдуетъ, но не такъ, какъ слѣдуетъ». Слишкомъ худые подвачиваютъ себя, а тѣ, у которыхъ мысль не глубока, начинаютъ ее словами. Отъ общенія съ людьми человѣческой умъ получаетъ необыкновенную ясность: всѣ мы сбиты и скучены вмѣстѣ и видимъ не дальше кончика носа. Когда Сократа спрашивали, откуда онъ, онъ не отвѣчалъ: изъ Аѳинъ, но—изъ міра; онъ, имѣя воображеніе болѣе полное и широкое, любилъ вселенную, какъ свой городъ, отдавалъ свои знанія, свою бесѣду и расположеніе всему міру,—не такъ, какъ мы, которые смотримъ только себѣ подъ ноги. Когда въ моей деревнѣ вымерзаютъ виноградники, то священникъ видитъ въ этомъ доказательство гнѣва Божія на весь родъ людской и убѣжденъ, что всѣмъ каннибаламъ пришелъ карачунъ. Кто не кричитъ, при взглядѣ на междуусобныя войны, что міръ рушится и что скоро настанетъ день страшнаго суда, не догадываясь, что были уже тысячи вещей болѣе худшихъ и что десять тысячъ частей свѣта не перестаютъ веселиться. А я, съ своей стороны, удивляюсь, что эти войны, при всей необузданности и безнаказанности, протекаютъ такъ спокойно и тихо. Кому градъ упалъ на голову, тому кажется, что на всей вселенной буря и гроза. Одинъ савояръ сказалъ: «еслибъ этотъ глупый король французскій умѣлъ пользоваться своимъ счастьемъ, онъ бы могъ добиться чести быть метръ д'отелемъ моего герцога», потому что его воображеніе не могло ему представить ничего выше величія его господина. Всѣ мы бессознательно находимся въ томъ же заблужденіи,—заблужденіи съ большими послѣдствіями и вредомъ. Только тотъ, кто можетъ представить себѣ какъ бы на картинѣ великій образъ матери-природы во всемъ ея величіи, кто замѣчаетъ въ ней большое и постоянное разнообразіе, кто видитъ самъ себя,—и не только себя, но цѣлое государство,—какъ тончайшую черту, тотъ только оцѣниваетъ вещи по ихъ достоинству.

Этотъ великій міръ, который нѣкоторые умножаютъ, какъ виды одного рода, есть зеркало, въ которое мы должны смот

рѣться, чтобы хорошо узнать себя. Словомъ, я хочу, чтобы онъ былъ книгой для моего ученика. Множество настроеній, сектъ, сужденій, мнѣній, законовъ и привычекъ учать насъ здраво судить о своихъ собственныхъ и научаютъ насъ познавать свое несовершенство и свои естественныя слабости, что вовсе не легкая наука: множество государственныхъ перемѣнъ и перемѣнъ въ общественномъ благосостояніи научаютъ насъ не смотрѣть на перемѣны, происходящія среди насъ, какъ на нѣчто чудесное; множество именъ, побѣдъ и завоеваній, преданныхъ забвенію, дѣлаютъ смѣшной нашу надежду увѣковѣчить свое имя взятіемъ десяти карабинеровъ и курятника, который сдѣлался извѣстенъ только тѣмъ, что его взяли; чужая пышность, со всею надменностью и гордостью, раздутое величіе множества дворовъ и вельможъ укрѣпляетъ наше зрѣніе, чтобы мы могли видѣть, не моргая, блескъ, который мы встрѣчаемъ у себя; масса похороненныхъ до насъ придаетъ намъ бодрости не бояться идти на тотъ свѣтъ для встрѣчи съ ними, и такъ во всемъ. Наша жизнь,—говоритъ Пивагоръ,—смахиваетъ на многочисленное сборище, бывающее на олимпійскихъ играхъ: одни упражняютъ тѣло, чтобы получить славу на играхъ, другіе приносятъ товаръ, чтобы продать его съ барышомъ; есть и такіе (и эти не изъ худшихъ), которые хотятъ только наблюдать, какъ и почему происходитъ каждая вещь,—наблюдать, какъ идетъ жизнь другихъ людей, для того, чтобы судить о своей собственной жизни и направлять ее на основаніи этого сужденія.

Въ примѣрахъ можно подобрать самыя лучшія ученія философіи, которая должна руководить человѣческими дѣйствіями. Пусть скажутъ воспитаннику:

Quid fas optare, quid asper

Utile nummus habet; patriae carisque propinquis

Quantum elargiri deceat: quem te Deus esse

Jussit, et humana qua parte locatus es in re;

Quid sumus, aut quidnam victuri gignimur...

(Чего можно желать; на что служить деньги; что должно дѣлать для родины и для семьи; чѣмъ долженъ быть по волѣ

Божіей человѣкъ на землѣ и какое мѣсто Онъ отвелъ ему въ мірѣ; что такое мы и для чего Онъ далъ намъ жизнь...) что такое знаніе и что такое незнаніе; что должно быть цѣлью его занятій; что такое мужество, воздержаніе и справедливость; въ чемъ заключается разница между честолюбіемъ и скупостью, рабствомъ и подданствомъ, распущенностью и свободой; по какимъ признакамъ узнаютъ справедливое и настоящее довольство; насколько можно бояться смерти, страданія и стыда;

Et quo quemque modo fugiatque feratque laborem

(И какъ мы должны избѣгать или переносить страданія); какія побужденія управляютъ нами и въ чемъ заключается основаніе нашихъ столь разнообразныхъ побужденій, потому что, по-моему, первыми разсужденіями, которыми слѣдуетъ напоить его умъ, должны быть тѣ, которыя направляютъ его нравственность и мыслительную способность, которыя научаютъ его самопознанію и умѣнью хорошо умереть и хорошо жить. Изъ свободныхъ искусствъ начнемъ съ того, которое дѣлаетъ насъ свободными: повидимому, всѣ они способствуютъ нѣкоторымъ образомъ упорядоченію нашей жизни и умѣнью ею пользоваться, какъ и многія другія вещи, полезныя въ этомъ отношеніи; но мы выберемъ то искусство, которое дѣйствуетъ на это непосредственно и вѣрно. Еслибъ мы умѣли поставить въ должныя и правильныя границы наши житейскія потребности, то нашли бы, что большая часть употребительнѣйшихъ наукъ не находятъ себѣ приложенія и даже въ тѣхъ, которыя приложимы, есть столько излишняго и столько тонкостей, что лучше ихъ оставить въ сторонѣ и, слѣдуя наставленію Сократа, ограничить курсъ нашихъ наукъ самыми полезными:

Sapere aude,

Incipe: Vivendi recte qui prorogat horam,

Rusticus expectat dum defluat amnis; at ille

Labitur, et labetur in omne volubilis aevum

(Дерзай быть мудрымъ; начни: откладывать исправленіе своего поведенія — это подражать простофильству пу-

тешественника, который, встрѣтивъ рѣку на своемъ пути, ждетъ, пока она вся сойдетъ; но рѣка течетъ и будетъ течь вѣчно.)

Большое простодушіе преподавать нашимъ дѣтямъ,

Quid moveant Pisces, animosaque signa Leonis,
Lotus et Hesperia quid Capricornus aqua

(Каково вліяніе Рыбъ, воспламененнаго Льва и Козерога, заходящаго въ западное море); астрономію и движеніе осьмой сферы ранѣе, чѣмъ они узнаютъ, что ихъ окружаетъ:

Τὶ Πλειάδες καὶ μοί;
Τὶ δ'ἀστέρων Βοώτεω;

(Что мнѣ за дѣло до Плеядъ и до звѣздъ Бюота?).

Анаксименъ писалъ Пиеагору: «Какъ могу я развлекаться изученіемъ тайнъ звѣзднаго міра, когда передъ моими глазами я вижу постоянно рабство и смерть?»—потому что въ то время персидскіе цари приготавливались къ войнѣ противъ его отчизны. Каждый долженъ разсуждать такъ: «зараженный честолюбіемъ, жадностью, безразсудствомъ, суевѣріемъ и многими другими врагами жизни, могу ли я думать о движеніи земли?»

Послѣ того, какъ его научать тому, что его дѣлаетъ умнѣе и лучше, его знакомятъ съ логикой, физикой, геометрией, риторикой; имѣя подготовленный умъ, онъ скоро осилить ту науку, которую изберетъ. Его уроки должны производиться или въ дружеской бесѣдѣ, или по книгѣ: его преподаватель долженъ предлагать ему то автора подходящаго для его обученія, то обработанную и уясненную суть его; если ученикъ еще не настолько освоился съ книгами, чтобы самому найти лучшія мѣста для своего развитія, то надо приставить къ нему образованнаго человѣка, который могъ бы указывать ихъ ему по мѣрѣ надобности. И кто же будетъ сомнѣваться въ томъ, что такой урокъ будетъ легче и естественнѣе, чѣмъ урокъ Газы? *) Тамъ—правила затруднитель-

*) Газа—ученый XV в., родомъ изъ Салоникъ, жившій въ Италіи вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими учеными греками. Онъ написалъ греческую грамматику, немного туманную для начинающихъ.

ныя и малопонятныя, сухой слогъ и ничего возвышающаго умъ; у насъ душаполучаетъ то, что можетъ познать, и насыщается. Этотъ плодъ, безъ сомнѣнiя, больше и скорѣе созрѣваетъ.

Замѣчательно, что въ наше время философія сдѣлалась даже для людей разсудительныхъ пустымъ и призрачнымъ словомъ, не имѣющимъ цѣны и значенiя какъ въ жизни, такъ и въ воззрѣнiяхъ. Я думаю, что причина тому—вздорныя разсужденiя, которыя заграждаютъ къ ней путь. Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что она недоступна для дѣтей, и напрасно рисуютъ ее съ хмурой, насупленной и ужасной физиономiей. Зачѣмъ надѣваютъ ей страшную, блѣдную маску? Нѣтъ ничего болѣе веселаго, болѣе игриваго, болѣе бодрящаго,—чуть было не сказалъ: болѣе шутливаго,—нежели она; она проповѣдуетъ только праздникъ и доброе время: мрачная, убитая физиономiя доказываетъ, что здѣсь нѣтъ философіи. Деметрiй грамматикъ, встрѣтивъ въ Дельфiйскомъ храмѣ группу философовъ, сказалъ: «или я сильно ошибаюсь, или, судя по вашему спокойному и веселому виду, вы ведете разговоръ не о важныхъ предметахъ». На это одинъ изъ нихъ, Мегарiецъ Гераклеонъ, отвѣтилъ: «пусть хмурятся тѣ, которые доискиваются, съ двумя λ или съ одной будущее время отъ глагола βάλλω, или доискиваются, какъ происходитъ сравнительная степень χεῖρον и βέλτιον и превосходная степень χεῖριστον и βέλτιστον; что же касается до разговоровъ о философіи, то они веселятъ и услаждаютъ разговаривающихъ, а не печаливаютъ.

Deprendas animi tormenta latentis in aegro
Corpore; deprendas et gaudia: sumit utrumque
Jnde habitum facies.

(Муки неспокойнаго ума также прорываются наружу, какъ и радость, лицо отражаетъ въ себѣ эти различныя состоянiя души).

Душа, въ которой живетъ философія, здорова и оздоравливаетъ тѣло; ея покой и счастье должны просвѣчивать наружу, она должна по своему образцу сформировать внѣшнюю оболочку и соотвѣтственно одарить ее прiятною гордостью, бодрымъ,

дѣятельнымъ видомъ, довольной и добродушною внѣшностью. Самая яркая черта мудрости — постоянная веселость: ея состояніе постоянно свѣтлое, какъ все въ природѣ при свѣтѣ луны. Бароко и Баралиптонъ дѣлають своихъ сообщниковъ грязными и закопченными, а не философія, — они о ней знаютъ только по слухамъ. Какъ? Она успокоиваетъ душевныя бури, она научаетъ шутя переносить голодь и болѣзни и не при посредствѣ какихъ-нибудь выдумокъ, а при помощи разумныхъ и очевидныхъ основаній; цѣль ея — добродѣтель, которая вовсе не находится на вершинѣ крутой и зыбкой, недосягаемой горы, какъ говоритъ школа; тѣ, которые къ ней приближались, говорятъ, наоборотъ, что она находится въ плодосной и цвѣтущей равнинѣ, откуда она все предметы видитъ внизу, подъ собой, а кто знаетъ, гдѣ она находится, можетъ дойти до нея по тѣнистымъ, зеленымъ и цвѣтущимъ тропинкамъ, по дорогѣ легкой и гладкой, какъ небесный сводъ. Потому только, что не знаютъ эту высокую добродѣтель, добродѣтель прекрасную, торжествующую, любезную, восхитительную безъ сравненія и мужественную, непримиримаго врага горечи, недовольства, страха и принужденія, имѣющую путеводемъ природу и подругами счастье и радость, только потому и по своей слабости дали ей видъ глупости, скуки, придиричвости, угнетенія, угрозы, чахлости и помѣстили ее на отдаленную скалу, окруженную терновникомъ, сдѣлавъ ее привидѣніемъ для устрашенія людей.

Мой воспитатель, зная, что онъ долженъ развить въ ученикѣ столько же, если не больше, любви къ добродѣтели, а не преклоненія предъ нею, скажетъ ему, что поэты слѣдуютъ общественнымъ нравамъ и укажетъ, что боги больше поставили затрудненій при входѣ въ комнаты Венеры, чѣмъ къ Палладѣ. И когда у него разовьется чувство самосознанія, предложить ему на выборъ или Брадаманту, или Анжелику: одну, какъ красоту естественную, добрую, благородную, не подражающую мужской красотѣ, но мужественную; другую, — какъ красоту изнѣженную, жеманную, слабую, искусственную, — одну одѣтую по-мужски, съ блестящимъ шлемомъ, а другую, — какъ куртизанку, съ жемчужнымъ уборомъ на головѣ: въ такомъ случаѣ,

если онъ не станетъ дѣлать выборъ, какъ избѣженный фригійскій пастухъ, то выскажетея въ пользу первой.

Онъ скажетъ ему еще, что цѣна и величїе истинной добродѣтели заключаются въ томъ, что примѣненїе ея легко, полезно и прїятно, настолько мало затруднительно, что примѣнять ее къ дѣлу одинаково могутъ и дѣти и взрослые, простые и тонко развитые. Побужденїемъ къ ней служить польза, а не сила. Сократъ, ея первый любимецъ, завѣдомо оставляетъ ея силу, чтобы развиваться въ простотѣ и непринужденности. Это—кормилица человѣческихъ удовольствїй: дѣлая ихъ справедливыми, она тѣмъ самымъ дѣлаетъ ихъ надежными и чистыми; умѣряя ихъ, она тѣмъ самымъ сдерживаетъ ихъ и дѣлаетъ ихъ желанными для насъ; отстраняя отъ насъ тѣ, которыя ею запрещаются, она дѣлаетъ насъ болѣе воспрїимчивыми къ тѣмъ, которыя намъ оставляетъ, а тѣ, которыя желательны природѣ, она, какъ мать, оставляетъ намъ въ изобилїи, если не до пресыщенїя,—если только мы не станемъ говорить, что режимъ, удерживающїй пьющаго отъ опьяненїя, лакомку отъ обжорства, развратника отъ выпаденїя волосъ, есть врагъ нашимъ удовольствїямъ. Если ей недостаетъ того, что считаютъ счастьемъ, она сама избѣгаетъ его, или обходится безъ него, или, наконецъ, создаетъ себѣ собственное счастье, прочное и неизмѣняющееся. Она умѣетъ быть богатой, могущественной, мудрой и спать на раздушенныхъ матрасахъ; она любитъ жизнь, любитъ красоту, славу и здоровье, но ея главное и особенное стремленїе состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть правильно пользоваться этими благами и съ твердостью переносить ихъ потерю; стремленїе болѣе благородное, чѣмъ тяжелое, безъ котораго вся жизнь ненормальна, бурна, изуродована и, повидимому, окружена подводными камнями, тернїями и чудовищами.

Еслибы встрѣтился ученикъ, одаренный такимъ страннымъ свойствомъ, что ему лучше нравилась бы сказка, чѣмъ рассказъ о хорошемъ путешествїи или умный разговоръ, доступный его пониманїю,—ученикъ, который отворачивался бы при звукѣ трубы, возбуждающей воинственность въ его товарищахъ, и шель бы на звукъ трубы, призывающей смотрѣть на фокусниковъ, который сознательно не находилъ бы болѣе

пріятнымъ вернуться запыленнымъ, но побѣдоноснымъ съ поля битвы, чѣмъ съ праздника или бала съ наградой за свое искусство, для такого я не нахожу лучшаго лѣкарства, какъ только помѣстить его пирожникомъ въ какомъ-нибудь городѣ, будь онъ хоть сыномъ герцога, слѣдуя въ этомъ случаѣ предписанію Платона: «Слѣдуетъ размѣщать дѣтей не по способностямъ отца, а по склонностямъ ихъ собственной души».

Если философія поучаетъ насъ, какъ надо жить, и если дѣтство также находитъ въ ней урокъ для себя, какъ и всякій другой возрастъ, то почему же ее не преподають ему?

*Udum et molle lutum est; nunc, nunc properandus et acri
Fingendus sine fine rota.*

(Глина еще мягка и сыра, — живо, не теряя минуты, станемъ ее обрабатывать.)

Насъ учать жить тогда, когда жизнь уже прошла. Сто учениковъ получили ужасную болѣзнь, прежде чѣмъ дошли до урока Аристотеля «о воздержаніи». Цицеронъ говорилъ, что еслибы онъ прожилъ двѣ жизни, то и тогда не сталъ бы изучать лирическихъ поэтовъ; а я нахожу этихъ болтуновъ еще болѣе бесполезными. Нашъ ребенокъ имѣетъ еще болѣе ограниченное количество времени, онъ принадлежитъ педагогу лишь первые 15—16 лѣтъ своей жизни, остальное время онъ долженъ жить. Употребимъ же это время на полезныя познанія. Удалимъ всѣ діалектическія тонкости, которыя не могутъ улучшить нашу жизнь, выберемъ простыя философскія правила и изложимъ ихъ, когда надо, — ихъ легче понять, нежели какой-нибудь рассказъ Боккаччіо; ребенокъ, только-что отнятый отъ груди способенъ легче изучать философію, чѣмъ научаться читать и писать. Философія имѣетъ истины, пригодныя для младенца и для старца. Я вполне согласенъ съ Плутархомъ, что Аристотель не столько упражнялъ своего великаго ученика въ искусствѣ составлять силлогизмы и рѣшать геометрическія теоремы, сколько въ изученіи правилъ мужества, храбрости, великодушія, воздержанія и безстрашія, и съ этимъ запасомъ знаній послалъ его еще ребенкомъ съ 30.000 пѣхоты, 4.000 конницы и 42.000 эки завоевать міръ. Александръ очень

уважалъ другія науки и искусства, очень хвалилъ ихъ величіе и изящество, но, несмотря на все влеченіе къ нимъ, не поддавался желанію ихъ изучать.

Petite hinc, juvenesque senesque,
Finem animo certum, miserisque viatica canis.

(Молодые люди и старцы, почерпайте правила для направленія вашей жизни, дѣлайте запасъ для печальной зимы вашей жизни.)

Эпикуръ говоритъ въ началѣ своего письма къ Меникею: «Молодой да не избѣгаетъ изученія философіи, старый да не устаетъ изучать ее». Кто поступаетъ иначе, тотъ какъ бы говоритъ, что жить счастливо не настало еще время или уже прошло. Поэтому я не хочу, чтобы заключили въ тюрьму этого мальчика, я не хочу, чтобы онъ терпѣлъ отъ гнѣва или меланхолическаго настроенія свирѣпаго учителя, я не хочу возвращать его умъ, засаживая его, какъ носильщика за 14—15 часовую работу, какъ это принято дѣлать; не нахожу также хорошимъ, если онъ, по склонности къ уединенію и меланхоліи, слишкомъ углубится въ изученіе книгъ: это дѣлаетъ юношу неспособнымъ къ свѣтскому разговору и отвлекаетъ его отъ лучшихъ занятій. А сколько въ моей жизни я видѣлъ людей, отупѣвшихъ отъ чрезмѣрной преданности наукъ. Карнеадъ дошелъ до такого состоянія, что не находилъ времени причесаться и обстричь ногти. Не хочу также поразить благородныя наклонности юноши невѣжествомъ, грубостью другихъ людей. Французская мудрость давно вошла въ поговорку, какъ мудрость рано проявляющаяся, но не долго существующая.

По правдѣ сказать, нѣтъ ничего милѣе французскаго ребенка, но обыкновенно они обманываютъ возлагаемыя на нихъ надежды и, ставши взрослыми, ничѣмъ не выдаются. Я слыхалъ отъ разумныхъ людей, что дѣти тупѣютъ въ школахъ, въ которыя ихъ посылаютъ и въ которыхъ дается имъ образованіе.

Для нашего же ученика кабинетъ и садъ, столъ и постель, уединеніе и общество, утро и вечеръ, всякій часъ, всякое мѣ-

сто будетъ поучительно, потому что философія, эта образовательница понятій и нравовъ, сдѣлавшись его главнымъ урокомъ, имѣеть преимущество вмѣшиваться повсюду. Всѣ нашли разумнымъ отвѣтъ Исократу оратора, котораго приглашали на пиру говорить объ его искусствѣ: «что я знаю, то теперь не у мѣста, а то, что теперь было бы у мѣста, того я не разумѣю», потому что бесѣдовать въ веселой компаніи о риторикѣ совсѣмъ было бы неумѣстно; то же самое можно бы было сказать и о другихъ наукахъ. Что же касается философіи, въ особенности той ея части, гдѣ она говоритъ о человѣкѣ, о его обязанностяхъ и долгѣ, то, по мнѣнію всѣхъ мудрецовъ, вслѣдствіе своей пріятности она умѣстна на всѣхъ празднествахъ и играхъ, и мы видимъ, какъ у Платона на пиру она дала присутствующимъ подходящую по времени и мѣсту пріятную тему для возвышенной и полезной бесѣды.

*Aeque pauperibus prodest, completibus aequae;
Et, neglecta, aequae pueris senibusque posebit.*

(Она полезна богатымъ такъ же, какъ и бѣднымъ; ни молодые люди, ни старцы не могутъ пренебрегать ею, не раскаявшись впоследствии).

И между тѣмъ онъ менѣе другихъ будетъ празднымъ. Но какъ иногда прогулка по галлерей, хотя бы мы прошли при этомъ въ три раза больше того, сколько намъ нужно пройти до какой-нибудь цѣли, насъ утомляетъ меньше, точно также и нашъ урокъ, производясь какъ бы случайно, безъ принужденія во времени и мѣстѣ, и становясь въ связь со всѣми нашими дѣйствіями, пройдетъ незамѣтно; предметомъ нашихъ занятій могутъ быть даже игры и упражненія, каковы: бѣгъ, борьба, музыка, танцы, охота, искусство владѣть лошадьми и оружіемъ.

Я хочу, чтобы пріятная внѣшность и изящныя манеры развивались вмѣстѣ съ душой.

Образовываютъ не одну только душу, или не одно тѣло, а всего человѣка; не нужно дѣлать этого порознь и, какъ говоритъ Платонъ, не надо развивать одно безъ другого, но руководить и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, какъ парю лошадей,

запряженныхъ въ одну повозку. Не надо внушать ученику, чтобъ онъ употреблялъ болѣе времени и прилагалъ больше стараній для тѣлесныхъ упражненій, а развитіемъ ума занимался кое-когда, но не надо дѣлать и наоборотъ.

Преподаваніе должно вестись съ серьезною кротостью, а не такъ, какъ это принято: вмѣсто того, чтобы развить любовь къ наукѣ, въ дѣтяхъ возбуждаютъ только ужасъ и отвращеніе. Прочь принужденіе и насиліе: по-моему, ничто такъ не приглушаетъ и не унижаетъ хорошо одаренную натуру. Если вы хотите, чтобъ ученикъ боялся стыда и наказанія, не ожесточайте его; закалите его въ трудѣ, въ перенесеніи холода и вѣтра, солнца, научите его съ презрѣньемъ относиться къ несчастіямъ; отучите его отъ изнѣженности въ одеждѣ и снѣ, ѣды и питьѣ, приучите его ко всему, пусть онъ не будетъ красавчикомъ и щеголемъ, но здоровымъ и крѣпкимъ мальчикомъ. Въ юности и старости я всегда думалъ такъ. Между прочимъ мнѣ всегда не нравилась дисциплина во многихъ изъ нашихъ школъ, — было бы менѣе вредно, еслибы въ нихъ болѣе склонялись къ снисхожденію. Это — настоящая тюрьма для заключеннаго юношества, — его развращаютъ, наказывая его раньше, чѣмъ оно развратится. Войдите туда во время занятій, вы услышите толь кокрики наказываемыхъ дѣтей и гнѣвающихся учителей. Что за манера возбуждать охоту къ занятіямъ въ нѣжныхъ и робкихъ душахъ строгой фізіономіей, съ плетью въ рукахъ. Неразумная и опасная манера! Квинтелианъ очень разумно замѣтилъ, что эта крайняя мѣра влечетъ за собой опасныя послѣдствія, въ особенности при нашемъ способѣ наказаній. Было бы болѣе умѣстно украшать классы цвѣтами и листьями, нежели окровавленными розгами. Я бы велѣлъ нарисовать на стѣнахъ Радость, Веселость, Флору и Граціи, какъ это сдѣлалъ въ своей школѣ философъ Спевзингъ. Гдѣ польза, пусть тамъ же будетъ для дѣтей и веселіе: нужно подслащать блюда, полезныя для дѣтей, и наполнять желчью лишь вредныя для нихъ.

Достойна удивленія разборчивость, которую Платонъ высказалъ въ своихъ «Законахъ» относительно веселья и времяпрепровожденія дѣтей своего города; съ какимъ вниманіемъ онъ оста-

навливается на ихъ состязаніяхъ, играхъ, пѣняхъ, прыжкахъ и танцахъ, говоря, что въ древности они были подъ покровительствомъ боговъ Аполлона, Музъ и Минервы; онъ даетъ тысячу предписаній насчетъ гимнастическихъ упражненій, не особенно много обращаетъ вниманія на науки, а что касается до поэзій, то рекомендуетъ ее лишь для музыки.

Надо избѣгать всѣхъ странностей и особенностей въ нашихъ нравахъ и манерахъ, какъ непріятныхъ въ обществѣ. Кто не удивлялся комплекціи Демофона, дворецкаго Александра, который сильно потѣлъ въ прохладѣ и трясся какъ въ лихорадкѣ на солнцѣ? Я зналъ многихъ, которые бѣжали отъ яблочнаго запаха хуже, чѣмъ отъ перестрѣлки; многіе боятся мышей; нѣкоторые не въ состояніи видѣть сливки, не почувствовавъ при этомъ тошноты; нѣкоторые не могутъ смотрѣть, какъ перебиваются перину; Германикъ не выносилъ ни вида, ни пѣнія пѣтуха.

Можетъ - быть во всемъ этомъ заключается какая - нибудь скрытая природная особенность, но, по-моему, можно это уничтожить, если только взяться за это во время. Воспитаніе сдѣлало со мной (правда, не безъ труда) то, что, исключая пива, я безъ разбора съ ашегитомъ могу ѣсть все съѣдобное.

Пока тѣло еще гибко, его и слѣдуетъ приучать ко всѣмъ условіямъ и обыкновеніямъ; и разъ есть возможность обуздать и желанія, и волю, то смѣло слѣдуетъ воспитывать молодого человѣка такъ, чтобы онъ могъ примѣниться ко всѣмъ націямъ и всякому обществу, а въ случаѣ необходимости даже къ безпорядку и излишеству. Пусть онъ живетъ такъ, какъ принято, пусть умѣетъ дѣлать все, но любить одно хорошее. Даже философы не хвалили Каллисоена за то, что тотъ потерялъ расположеніе Александра, не желая пить столько, сколько пилъ тотъ. Онъ долженъ быть веселъ, долженъ шутить и даже иногда кутить съ своимъ повелителемъ. Я хочу, чтобы даже въ кутежѣ онъ оказался сильнѣе и крѣпче своихъ товарищей, и чтобы онъ не дѣлалъ дурного не потому, чтобы не зналъ, что такое зло, или не имѣлъ новода его дѣлать, а потому, что не хотѣлъ его дѣлать: *Multum interest, utrum pessare aliquis nolit, an nesciat.*

(Есть громадная разница между нежеланіемъ и неумѣньемъ дѣлать дурное.)

Однажды, желая оказать честь одному господину, который былъ очень далекъ отъ всякой распущенности, я спросилъ его въ хорошемъ обществѣ, сколько разъ въ его жизни ему пришлось, ради интересовъ короля, напиться въ Германіи. Онъ меня вполне понялъ и сказалъ, что случилось это три раза, притомъ разсказалъ, при какихъ обстоятельствахъ. Я знаю людей, которымъ бываетъ очень тяжело, не обладая этой способностью, имѣть дѣло съ нѣмецкою націей. Сколько разъ я восхищался чудной натурой Алкивіада, который безъ особаго труда и безъ вреда своему здоровью могъ вести самый разнообразный образъ жизни: то превосходилъ пересовъ въ роскоши и расточительности, то лакедемонянь въ строгости и простотѣ, и жилъ настолько же скромно въ Спартѣ, насколько роскошно въ Іоніи.

Omnis Aristippum decuit color, et status, et res.

(Аристиппъ умѣлъ примѣниться ко всякому положенію и состоянію.)

Такимъ бы я хотѣлъ воспитать своего ученика.

Quem duplici panno patientia velat,
Mirabor, vitae via si conversa decebit,
Personamque ferat non inconcinnus utremque.

(Я восхищаюсь тѣмъ, кто не стыдится своихъ лохмотьевъ, который мѣняетъ состояніе не удивляясь, и который обѣ роли играетъ съ граціей.)

Вотъ мои наставленія: кто ихъ исполняетъ, тотъ больше выгадываетъ, нежели тотъ, кто ихъ только знаетъ. Разъ его видятъ, его слышатъ, и разъ слышатъ, то и видятъ. Боже избави, говорить кто-то у Платона, чтобы философствовать значило только знать многое и умѣть заниматься искусствами: *Hanc amplissimam omnium artium bene vivendi disciplinam, vita magis, quam litteris, persecuti sunt.*

(Своими нравами скорѣе, чѣмъ познаніями, они предались самому величайшему искусству—умѣнью хорошо жить.)

Когда Левъ, принцъ фліазійскій, спросилъ Гераклида Понтійскаго, какою наукой и какимъ искусствомъ онъ занимается, тотъ отвѣчалъ: «я не знаю ни науки, ни искусства, я просто философъ». Диогена упрекали, зачѣмъ онъ, не бывъ свѣдущимъ, вмѣшивался въ философію: «тѣмъ приличнѣе мнѣ вмѣшиваться», отвѣчалъ онъ. Гегезій просилъ его прочесть ему что-нибудь: «да ты забавникъ,—отвѣчалъ тотъ,—вѣдь ты, небось, выбираешь настоящія фиги, а не рисованныя, такъ зачѣмъ же не выберешь для себя настоящаго занятія вмѣсто книгъ».

Ученикъ не будетъ только пересказывать урокъ, онъ будетъ примѣнять его къ дѣлу, онъ будетъ его повторять въ своихъ поступкахъ: тогда будетъ видно, есть ли благоразуміе въ его предпріятіяхъ, есть ли доброта и правда въ его поведеніи, есть ли у него здравый смыслъ и пріятность въ разговорѣ, выносливость въ болѣзни, сдержанность въ игрѣ, воздержаніе въ желаніяхъ, порядокъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ, безразличное отношеніе къ мясу, рыбѣ, вину, водѣ:

Qui disciplinam suam non ostentationem scientiae, sed ligem vitae putet, quique obtemperet ipse sibi, et decretis pareat.

(Служить ли то, что онъ знаетъ, не на показъ, а для того, чтобъ управлять собою; повинуется ли онъ самому себѣ и дѣйствуетъ ли сообразно съ своими убѣжденіями.)

Вѣрное отраженіе нашихъ рѣчей есть нашъ образъ жизни. На вопросъ: почему бы лакедемонянамъ не написать правилъ о мужествѣ и не дать ихъ читать своимъ юношамъ, Зевксидамъ отвѣчалъ: «потому, что они хотятъ пріучить ихъ къ дѣйствіямъ, а не къ словамъ». Пусть черезъ 15—16 лѣтъ сравнятъ моего воспитанника съ ученикомъ латинской школы, который употребилъ такъ много времени, чтобъ только научиться говорить. На свѣтѣ страшно развилась болтливость, и я почти не встрѣчалъ такого человѣка, который бы не говорилъ скорѣе больше, чѣмъ меньше того, сколько слѣдуетъ. Половину жизни уходитъ на это: четыре или пять лѣтъ отнимаютъ у насъ на то, чтобы запомнить слова и умѣть связать ихъ въ предложенія; почти столько же времени уходитъ на то, чтобы выучиться дѣлать цѣлое на пять равныхъ частей, и еще по

крайней мѣрѣ пять лѣтъ уходитъ на то, чтобы выучить, какъ согласуются слова между собой и какъ они хитро переплетаются: но это предоставимъ лучше тѣмъ, кто занимается этимъ специально.

Однажды по дорогѣ въ Орлеанъ я встрѣтилъ, пройдя Клерри, двухъ учителей, идущихъ въ Бордо шагахъ въ пятидесяти одинъ отъ другого; дальше за ними я видѣлъ войско и во главѣ его покойнаго теперь графа де-ла-Рошфуко. Одинъ изъ моихъ людей спросилъ перваго изъ учителей, кто этотъ дворянинъ, который идетъ сзади него; тотъ, не видя, кто за нимъ слѣдовалъ, и думая, что его спрашиваютъ о товарищѣ, шуточно отвѣтилъ: «это не дворянинъ, это просто грамматикъ, а я логикъ». Мы же, которые, наоборотъ, хотимъ выработать не грамматика и не логика, а дворянина, предоставимъ имъ злоупотреблять своимъ временемъ,—у насъ есть другое дѣло. Разъ нашъ воспитанникъ будетъ имѣть твердое понятіе о вещахъ, слова придутъ сами собою; онъ заставитъ ихъ вылетать, еслибъ они этого не захотѣли.

Я знаю людей, которые извиняются тѣмъ, что не обладаютъ краснорѣчіемъ, показывая видъ, что голова ихъ полна прекрасныхъ мыслей, и что только недостатокъ краснорѣчія мѣшаетъ имъ высказаться. Это вздоръ. Знаете ли, что это такое по-моему?—это просто фантазіи, происходящія отъ смутныхъ понятій, которыя они не могутъ выяснить и оформить у себя въ головѣ, а слѣдовательно, не могутъ ихъ выразить словами: они еще самихъ себя не понимаютъ, стѣбать только послушать, какъ они заикаются, лепечутъ, произнося эти мысли, чтобы убѣдиться, что эти мысли еще не родились, а находятся въ зачаточномъ состояніи, и что они имѣютъ о предметѣ самое поверхностное понятіе. На мой взглядъ и Сократъ тоже подтверждаетъ, что тотъ, кто имѣетъ о чемъ-нибудь ясное и живое понятіе, сдумаетъ и выразитъ это, хотя бы на жаргонѣ, а если онъ нѣмъ, такъ мимикой.

Verbaque praevisam rem non invita sequentur.

(Кто отчетливо узналъ предметъ, у того выраженія являются сами собою.)

То же самое, хотя и прозою, но очень поэтично говорить другой: *quum res animum occupaverit, verba ambiunt* (Когда умъ имѣетъ о чемъ-нибудь ясное понятіе, то слова потекутъ рѣкой), а также и третій: *ipsae res verba rapiunt* (Предметъ самъ влечетъ за собою слова).

Ученикъ не знаетъ ни творительнаго падежа, ни сослагательнаго склоненія, ни существительнаго, ни грамматики, его лакей и торговка селедками съ Маленькаго моста тоже этого не знаютъ, но, между тѣмъ, если вамъ вздумается поговорить съ ними, они сколько угодно будутъ разговаривать съ вами и такъ же мало погрѣшать противъ правилъ языка, какъ и лучший французскій преподаватель свободныхъ искусствъ. Онъ не знаетъ риторики, онъ не сумѣетъ красивымъ введеніемъ снискать расположеніе читателя, да ему и не надо этого знать. Да и въ самомъ дѣлѣ, весь этотъ миръ пропадаетъ передъ блескомъ простой и естественной истины; всѣ эти острые словца служатъ для забавы толпы, неспособной усвоить болѣе твердой и тяжелой пищи, какъ Афръ очень ясно доказываетъ это у Тацита. Послы острова Самоса явились къ спартанскому царю Клеомену съ прекрасной и длинной рѣчью, чтобы побудить его къ войнѣ съ тиранномъ Поликратомъ; выслушавъ ихъ, онъ отвѣчалъ: «что касается введенія и начала вашей рѣчи, то я ихъ забылъ, равно какъ и середину; что же касается заключенія, то съ нимъ я не могу согласиться». Вотъ это былъ, по моему мнѣнію, хорошій отвѣтъ, отъ котораго ораторы остались съ носомъ. А вотъ и другой случай. Аеніяне хотѣли выбрать, кому изъ двухъ архитекторовъ поручить большую постройку; одинъ изъ нихъ, болѣе жеманный, выступилъ передъ народомъ съ рѣчью по поводу постройки и склонилъ народъ на свою сторону; другой произнесъ лишь слѣдующія слова: «граждане, все, что сказалъ тотъ, я сдѣлаю». Многіе восторгались краснорѣчіемъ Цицерона; но Катонъ надъ нимъ только подсмѣивался: «у насъ консулъ шутникъ». Умная мысль и острое слово всегда у мѣста, стоятъ ли они въ началѣ или въ концѣ; если они не подходятъ ни къ предыдущему, ни къ послѣдующему, они все-таки хороши сами по себѣ. Я не изъ тѣхъ,

которые изъ-за складныхъ риѣмъ считаютъ поэму хорошей: пусть ученикъ, если хочеть, удлиннить краткій слогъ, — я его не остановлю; если будетъ хорошо содержаніе, если не будетъ недостатка въ остроуміи, я скажу: это — хорошій поэтъ, но плохой стихотворецъ,

Emunctae naris, durus componere versus

(Стихъ его тяжелъ, но у него есть вдохновеніе.)

Пусть, говоритъ Гораций, измѣнять совѣмъ размѣръ моихъ стиховъ:

*Tempora certa modosque, et, quod prius ordine verbum est,
Posterius facias, praeponeus ultima primis
Invenias etiam disjecti membra poëtae*

(Измѣните ритмъ и размѣръ, перемѣните порядокъ словъ, вы найдете поэта и въ разрозненныхъ членахъ), — они отъ этого не теряютъ своей цѣны, даже ихъ отрывки будутъ хороши. Менандръ, на упрекъ въ томъ, что онъ еще не принимался за обѣщанную имъ комедію, хотя срокъ уже приближался, отвѣчалъ: «да она уже готова, надо только прибавить стихи»; и сюжетъ и ходъ пьесы онъ уже обдумалъ, а на остальное не обращалъ особеннаго вниманія. Съ тѣхъ поръ какъ Ронсаръ и дю-Беллэ прославили французскую поэзію, нѣтъ почти ни одного школьника, который бы не подражалъ имъ въ риѣмоплетствѣ: *Plus sonat, quam volet* (во всемъ этомъ больше звука, чѣмъ смысла). Что касается до толпы, то она никогда не выставяла многихъ поэтовъ; хотя они и умѣютъ слагать риѣмы, но не умѣютъ подражать роскошнымъ описаніямъ одного и изящнымъ выдумкамъ другого.

Но что будетъ дѣлать нашъ ученикъ, если его напичкать софистическими тонкостями и силлогизмами? «Ветчина возбуждаетъ жажду, питье утоляетъ жажду, — слѣдовательно, ветчина утоляетъ жажду». Пусть онъ посмѣется, — остроумнѣе смѣяться, чѣмъ отвѣчать на это. Пусть онъ заимствуетъ у Аристиппа его забавный отвѣтъ: «зачѣмъ же мнѣ его развязывать, когда и связанный онъ мнѣ мѣшаетъ». Когда кто-то выставилъ противъ Клеанта діалектическія тонкости,

то Хризиппъ сказалъ: «этими игрушками забавляй ребятъ, а не развлекай ими серьезныхъ мыслей взрослога человѣка». Если эти хитрыя доказательства, *contorta et aculeata sophismata* (эти запутанные и затруднительные софизмы) должны убѣдить его въ справедливости лжи, то это опасно, но если они не производятъ дѣйствія и возбуждаютъ въ немъ одинъ только смѣхъ, то я не знаю, зачѣмъ остерегать его отъ нихъ. Есть глупцы, которые изъ-за остраго слова готовы сдѣлать большой крюкъ: *aut qui non verba rebus aptant, sed res extrinsecus arcessunt, quibus non verba convenient* (которые не слова подыскиваютъ подходящія къ дѣлу, а, не обращая вниманія на содержаніе, подбираютъ предметы, къ которымъ бы подходили слова), и другіе, *qui, alicujus verbi 'decere placetis, vocentur ad id, quod non proposuerant scribere* (которые, чтобъ не потерять слово, которое имъ нравится, начинаютъ трактовать на тему, о которой вовсе и не намѣревались писать). Я лучше измѣню красивое выраженіе ради своей мысли, чѣмъ мысль ради красиваго выраженія. Нужно слова подбирать для мысли, и если французское слово не выражаетъ ясно мысли, то лучше употребить гасконское.

Я хочу, чтобы сама мысль такъ овладѣвала слушателемъ, чтобъ онъ забывалъ о словахъ. Я люблю рѣчь простую и естественную, все равно, слушаю ли я ее, или читаю,—рѣчь энергичную и сильную, короткую и сжатую, не жеманную и подчищенную, а пылкую и жесткую:

Naec demum sapiet dictio, quae feriet

(Пусть выраженіе произведетъ впечатлѣніе, тогда оно понравится).

Лучше рѣчь тяжеловатая, чѣмъ скучная; безъ афектацій, не педантично правильная, отрывистая и смѣлая, каждая часть которой могла бы составить цѣлое; она не должна быть педантичной, монашеской, адвокатской, а скорѣе солдатской, какъ Светоній называетъ рѣчь Юлія Цезаря, хотя я и не знаю, почему онъ ее такъ называетъ.

Я бы съ удовольствіемъ перенялъ тотъ маленькій безпорядокъ, который замѣтенъ въ одеждѣ нашей молодежи: плащъ

немного вкось, платье на одно плечо, плохо натянутый чулок—все это показывает гордость, которая относится съ легкимъ пренебреженіемъ къ иностранному наряду и съ небрежностью къ искусству; я нахожу такую манеру еще болѣе подходящей для разговора.

При французской веселости и живости всякая натянутость не подходяща для придворнаго, а въ монархіи каждый дворянинъ долженъ держать себя какъ придворный,—вотъ почему и хорошо стремиться держать себя непринужденно и свободно. Мнѣ не нравится ткань, гдѣ просвѣчиваютъ соединенія и швы; точно также въ красивомъ тѣлѣ не должны быть видны жилы и кости.

Quae veritati operam dat oratio incomposita sit et simplex. (Рѣчь, имѣющая въ виду истину, должна быть проста и безыскусственна.) Quis accurate loquitur, nisi qui vult putide loqui? (Только тотъ долженъ говорить вычурно, кто хочетъ навести на слушателей скуку.) Краснорѣчіе отвлекаетъ насъ отъ дѣла. Какъ мелочно обращать на себя вниманіе какимъ-нибудь особеннымъ и неупотребительнымъ нарядомъ, такъ и въ разговорѣ подыскиваніе новыхъ фразъ и неизвѣстныхъ словъ показываетъ педантическую и дѣтскую претензію. Я готовъ пользоваться даже жаргоновъ парижскихъ рынковъ!

Аристофанъ грамматикъ ничего не смыслилъ, когда упрекалъ Епикура за простоту въ словахъ и порицалъ его краснорѣчіе, которое только и имѣло въ виду ясность выражений. Подражаніе рѣчи, по своей легкости, доступно всему народу, а подражаніе сужденію и находчивости не дается такъ легко. Большинство читателей по платью ложно судятъ о тѣлѣ; сила и нервы не заимствуются, заимствуются только нарядъ и плащъ. Большинство изъ тѣхъ, кто часто меня посѣщаетъ, говоритъ языкомъ моихъ «Оцытовъ», но я не знаю, такъ же ли они думаютъ. Аѣиняне, говоритъ Платонъ, обращаютъ самое большое вниманіе на красоту и элегантность рѣчи, Лакедемоняне—на сжатость, а Критяне—скорѣе на богатство мыслей, чѣмъ языка: послѣдніе самые лучшіе. Зенонъ говорилъ, что у него было два сорта учениковъ: одни, которыхъ онъ называлъ *φιλόλογος* и которые были его любимцы, старались изучить

суть дѣла, другіе *λογοφιλοῦς*, которые изучали красоту рѣчи. Я не хочу сказать, что краснорѣчіе нехорошо, но оно не такъ хорошо, какъ говорятъ, и не зачѣмъ употреблять на него цѣдную жизнь. Прежде всего я хотѣлъ бы знать хорошо свой родной языкъ, а потомъ языкъ моихъ ближайшихъ сосѣдей, съ которыми я обыкновенно имѣю дѣла.

Знаніе греческаго и латинскаго языка вещь безспорно хорошая, но оно покупается слишкомъ дорогою цѣной. Я хочу указать, какъ можно пріобрѣсти его дешевле, чѣмъ обыкновенно, что было испытано на мнѣ самомъ; кто хочетъ, пусть пользуется этимъ способомъ. Мой покойный отецъ, наведя всѣ справки, которые только можетъ сдѣлать человѣкъ, у людей свѣдущихъ и умныхъ о самой лучшей формѣ воспитанія, убѣдился въ непригодности той, которая была общепринятою; ему говорили, что мы не можемъ сравняться въ величіи души и въ познаніяхъ съ древними Греками и Римлянами единственно потому, что слишкомъ долго изучаемъ ихъ языкъ, изученіе котораго имѣ, конечно, ничего не стоило. Я лично не думаю, чтобъ это была единственная причина. Но, какъ бы то ни было, мой отецъ нашелъ слѣдующій исходъ: прямо отъ кормилицы, раньше, нежели я выучился говорить, онъ отдалъ меня на попеченіе одного (теперь уже умершаго) нѣмца, впослѣдствіи знаменитаго врача Франціи, который совѣмъ не зналъ французскаго языка, но за то очень хорошо зналъ латинскій.

Онъ былъ постоянно при мнѣ, такъ какъ мой отецъ пригласилъ его спеціально для меня и давалъ ему хорошее вознагражденіе. Ему въ подмогу были взяты еще двое, менѣе ученые, чѣмъ онъ; и они должны были непременно говорить со мной по-латыни. Что же касается до остальныхъ лицъ, жившихъ въ домѣ, то было неизмѣннымъ правиломъ, чтобы ни самъ отецъ, ни мать, ни лакей, ни служанка не разговаривали со мной иначе, какъ по-латыни, для чего они и выучили по нѣсколько словъ. Все это дало хорошій результатъ; мои родители настолько изучили латынь, что прекрасно все понимали и при нуждѣ могли порядочно изъясняться, равно какъ и прислуга, которая чаще мнѣ служила. Словомъ, у насъ такъ при-

вышли къ латинскому языку, что онъ даже проникъ въ окружныя деревни, гдѣ и теперь еще нѣкоторые ремесленники и инструменты называются по-латыни, и эти названія утвердились чисто-практическимъ путемъ. Что касается до меня, то, будучи шести лѣтъ съ небольшимъ, я зналъ французскій и перигорскій языкъ столько же, сколько и арабскій: безъ всякаго искусства, безъ книгъ, безъ грамматики или правилъ, безъ хлыста и слезъ я выучилъ латынь такъ же хорошо, какъ мой учитель, потому что я не могъ ни смѣшивать ее, ни портить. Если на пробу мнѣ хотѣли дать тему, какъ это принято въ коллегіяхъ, то мнѣ давали ее не какъ другимъ, не на французскомъ языкѣ, а на плохомъ латинскомъ, чтобы я передѣлалъ его на хорошій. Мой учитель Николай Груши, который писалъ *de comitiis Romanorum*, Вильгельмъ Guerente, комментировавшій Аристотеля, Георгъ Бухананъ, великій шотландскій поэтъ, и Маркъ Антоній Муретъ, котораго Франція и Италія признаютъ величайшимъ ораторомъ нашего времени, часто говорили мнѣ, что въ дѣтствѣ я такъ хорошо зналъ латинскій языкъ, что они побаивались вступать со мной въ разговоръ. Бухананъ, котораго я впоследствии встрѣчалъ въ свитѣ покойнаго маршала де-Бриссака, говорилъ мнѣ, что онъ думаетъ писать о воспитаніи дѣтей и возьметъ мое воспитаніе какъ образецъ, потому что въ то время онъ былъ наставникомъ того графа де-Бриссака, который впоследствии былъ такимъ доблестнымъ и храбрымъ.

Что касается до греческаго языка, котораго я теперь почти не помню, то отецъ мой рѣшилъ научить меня этому языку новымъ способомъ, въ видѣ соединенія забавы и упражненія: мы учили склоненія во время игры въ мячъ, вродѣ того, какъ нѣкоторые изучаютъ ариѣметику и геометрію по игральнымъ табличкамъ. Между прочимъ отцу посоветовали приучать меня къ наукѣ и исполненію долга безъ принужденія и развивать мою душу со всею мягкостью и свободой, безъ какой бы то ни было жесткости и принужденія.

Въ дѣлѣ воспитанія мой отецъ доходилъ до такого предразсудка, что будилъ меня звуками какого-нибудь инструмента, такъ какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, манера внезапно будить

ребенка и сразу, грубо прерывать его сонъ по утрамъ, — а дѣти спать гораздо крѣиче насъ, — очень дурно дѣйствуетъ на нѣжные мозги ребенка, и я никогда не оставался безъ человѣка, который бы будить меня такимъ способомъ.

Этого примѣра достаточно для того, чтобы судить объ остальномъ и чтобы рекомендовать благоразуміе и любовь такого добраго отца. Онъ совѣтъ не виноватъ, если, можетъ-быть, не собралъ плодовъ, которые бы соотвѣтствовали такому тщательному уходу. Двѣ вещи могли быть этому причиной: первая — это не плодородная и не поддающаяся обработкѣ почва; хотя я обладалъ крѣпкимъ, хорошимъ здоровьемъ и мягкимъ, податливымъ характеромъ, но былъ такой вялый и сонный и настолько тяжель на подъемъ, что меня трудно было вырвать изъ бездѣйствія, хотя бы даже для игръ. Что я наблюдалъ то наблюдалъ основательно, и, несмотря на мой вялый темпераментъ, я предавался смѣлымъ фантазіямъ и имѣлъ мнѣнія, не соотвѣтствующія моему возрасту. Умъ у меня былъ крайне неподвиженъ и шелъ впередъ только до тѣхъ поръ, пока его веди; я не обладалъ способностью быстро схватывать, не имѣлъ изобрѣтательности, и ко всему этому обладалъ страшно слабою памятью. Не удивительно, что отецъ, несмотря на все, не могъ сдѣлать изъ меня ничего особеннаго. Во вторыхъ, съ нимъ случилось то же, что бываетъ со всѣми въ его положеніи: когда хотятъ что-нибудь излѣчить, то слушаются всякаго совѣта. Честный человѣкъ, боясь, что дѣло для него столь близкое, можетъ не удасться, увлекся, наконецъ, общимъ мнѣніемъ, которое, подобно журавлямъ, слѣдуетъ за идущими впереди, и подчинился господствующему обычаю, такъ какъ болѣе не имѣлъ около себя тѣхъ людей, которые давали ему первоначальные совѣты и которыхъ онъ вывезъ съ собою изъ Италіи; онъ отдалъ меня шести лѣтъ въ Гіенскую коллегію, процвѣтавшую въ то время и бывшую самою лучшей во Франціи: тамъ нельзя было больше ничего прибавить къ тѣмъ заботамъ, которыя онъ выказывалъ по отношенію ко мнѣ, то выбирая для меня приватнаго учителя, то дѣлая кое-какія измѣненія въ условіяхъ моего воспитанія, въ которомъ онъ допустилъ нѣсколько особенностей, даже вопреки школьнымъ правиламъ;

но все-таки это была школа. Моя латынь, которой, вельдетвіе недостатка практики, я совсѣмъ разучился, постепенно портилась и мое необычное образованіе единственно помогло мнѣ сразу поступить въ высшій классъ; когда я 13 лѣтъ оставлялъ школу, я уже прошелъ весь курсъ (какъ говорили) и въ сущности безъ малѣйшей пользы для себя.

Первую любовь къ книгамъ я получилъ, прочтя мнѣи изъ Метаморфозъ Овидія; будучи шести-семи лѣтъ, я отказывался отъ всякаго удовольствія, только чтобы имѣть возможность ихъ читать. Отчасти это объяснялось тѣмъ, что латинскій языкъ былъ для меня какъ бы роднымъ языкомъ, а отчасти тѣмъ, что эта книга была самой легкой изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ книгъ и по своему содержанію вполнѣ соотвѣтствовала моему слабому уму: Ланцелотовъ, Амадисовъ, Гюоновъ Бордосскихъ и цѣлый ворохъ подобныхъ книгъ, которыми увлекаются дѣти, я не зналъ даже по названію, какъ и теперь не знаю ихъ содержанія,—такъ тщательно было мое воспитаніе!

Я былъ очень небреженъ въ приготовленіи другихъ заданныхъ мнѣ уроковъ. Къ счастью, у меня былъ очень умный учитель, который смотрѣлъ сквозь пальцы на эти безпорядки, умѣлъ сдѣлать поблажку такимъ моимъ наклонностямъ, потому что вельдъ за Овидіемъ я поглощалъ Энеиду Виргилія, Теренція, Плавта, итальянскія комедіи, которыя манили меня прелестью содержанія. Если бы онъ былъ такъ безразсуденъ, что запретилъ бы мнѣ читать, то я навѣрно бы вынесъ изъ коллегіи только ненависть, отвращеніе къ книгамъ, какъ случается съ большинствомъ нашей дворянской молодежи. Онъ дѣйствовалъ при этомъ очень умно, дѣлая видъ, что ничего не видитъ: онъ разжигалъ мою страсть къ чтенію тѣмъ, что позволялъ какъ бы украдкой лакомиться этими книгами и мягко заставлялъ меня исполнять предписанныя работы,—первое, чего искалъ отецъ въ моемъ руководителѣ, были добродушіе и снисходительность.

Я не имѣлъ другихъ пороковъ, исключая вялости и лѣности. Опасность была не въ томъ, что я буду дѣлать дурное, а въ томъ, что я ничего не буду дѣлать; ничто не предвѣщало, что я стану дурнымъ человѣкъ, но предвѣщало человѣка без-

полезнаго: во мнѣ видѣли лѣнь, а не злобу. На самомъ дѣлѣ такъ и вышло: жалобы, которыя достигаютъ до моихъ ушей, таковы: онъ лѣнтяй, онъ холоденъ къ друзьямъ и родственникамъ, и слишкомъ пренебрегаетъ общественной службой. Самые несправедливые, даже и тѣ не говорятъ: «зачѣмъ онъ присвоиль?» или: «зачѣмъ не расплатился?» а говорятъ: «почему онъ не отступается отъ своихъ правъ? почему онъ ничего не даетъ?»

Я былъ бы очень счастливъ, еслибъ отъ меня не требовали ничего чрезмѣрнаго, кромѣ этого; но они не справедливы, требуя отъ меня того, чего я не долженъ, и требуя притомъ гораздо настоятельнѣе, чѣмъ требуютъ должнаго отъ самихъ себя. Осуждая меня, они уничтожаютъ хорошее слѣдствіе поступка и должную мнѣ благодарность, между тѣмъ какъ надо было обратить вниманіе на то, что на хорошій поступокъ съ моей стороны мнѣ никто не отвѣчаетъ таковымъ же. Я могу свободно располагать своимъ состояніемъ, такъ какъ оно мое, и собою, такъ какъ я принадлежу себѣ. Еслибъ я былъ хвастунъ, я бы опровергнулъ эти упреки; но я открою нѣкоторымъ, что они сердятся на меня не за то, что я мало дѣлаю, а за то, что я могъ бы дѣлать больше.

Въ то же время моя душа не перестала волноваться и дѣлать опредѣленные и откровенныя сужденія о предметахъ, ей извѣстныхъ; и все это я продумывалъ, не дѣлясь ни съ кѣмъ, и, по правдѣ сказать, я вѣрю въ то, что она вовсе не была способна уступить насилію или принужденію. Говорить ли о моей способности въ дѣтствѣ? Я обладалъ тогда способностью приспособлять свою фізіономію, голосъ и жесты къ тѣмъ ролямъ, за которыя я брался,—потому что довольно рано

Alter ab undecimo tum me vix sererat annus (едва мнѣ было одиннадцать лѣтъ) какъ я уже началъ исполнять первыя роли въ латинскихъ трагедіяхъ Буханана, *Guerente* и *Мюре*, которыя очень хорошо шли въ нашей Гіеннѣской коллегіи; въ этомъ отношеніи такъ же, какъ въ другомъ, Андрей Гувенскій, нашъ директоръ, былъ безъ всякаго сравненія лучшимъ директоромъ во всей Франціи; въ игрѣ онъ находилъ меня мастеромъ. Эти упражненія я нахожу полезными для юношей

съ хорошимъ положеніемъ; я видѣлъ принцевъ, которые, по примѣру древнихъ, лично этимъ занимались. Въ Греціи даже было принято между высокопоставленными лицами специально заниматься этимъ: *Aristoni tragico actori rem aperit: huic et genus et fortuna honesta erant; nec ars, quia nihil tale apud Graecos pudori est, ea deformabat* (Онъ открываетъ свой проектъ трагику Аристону. Это былъ человекъ знатный по происхожденію, имѣлъ хорошее состояніе, и его искусство несколько не уменьшало его достоинствъ въ глазахъ согражданъ, потому что Греки не находили въ этомъ ничего предосудительнаго.) Я всегда обвинялъ въ невѣжественности тѣхъ, кто порицалъ эти забавы, и въ несправедливости тѣхъ, кто запрещалъ въѣздъ хорошихъ актеровъ въ наши города и тѣмъ самымъ лишалъ народъ этого удовольствія.

Хорошая власть должна заботиться о томъ, чтобы собирать гражданъ какъ къ богослуженію, такъ и къ упражненіямъ и играмъ; чрезъ это общественность и дружелюбіе увеличиваются, да притомъ и нельзя предложить развлеченія болѣе приличнаго, чѣмъ то, которое происходитъ на глазахъ у всѣхъ и даже въ присутствіи городского магистрата; я бы нашелъ вполне разумнымъ, еслибы какой-нибудь принцъ съ истинно-отеческимъ расположеніемъ и добротой устроилъ обществу такое удовольствіе на свой собственный счетъ, и чтобы въ населенныхъ городахъ были устроены особыя мѣста для спектаклей; такія увеселенія препятствовали бы кое-какимъ худшимъ, тайнымъ поступкамъ.

Возвращаясь къ вышесказанному, слѣдуетъ прибавить, что на мой взглядъ нѣтъ ничего необходимѣе, какъ возбуждать желаніе заниматься, иначе будутъ вырабатываться только ученые ослы; при помощи хлыста ихъ нагружаютъ ученостью, но для того, чтобы изъ этой учености вышелъ прокъ, мало ею нагрузиться, — нужно претворить ее въ плоть и кровь.

Самые храбрые народы въ наше время это болѣе грубые и нескѣдующіе: Скиѣны, Паряяне и Тамерланъ могутъ служить намъ доказательствомъ.

Часть II, гл. 31.

О ГНѢВѢ.

Плутархъ вездѣ достоинъ удивленія, въ особенности же тамъ, гдѣ онъ разсуждаетъ о дѣйствіяхъ человѣческихъ. Въ сравнительномъ жизнеописаніи Ликурга и Нумы можно прочесть много хорошаго по поводу великой глупости, которую мы совершаемъ, предоставляя дѣтей руководству и надзору ихъ отцовъ.

Большинство нашихъ властей, говоритъ Аристотель, представляетъ всякому, по примѣру циклоповъ, руководить женщинами и дѣтьми сообразно съ своей глупой и необдуманной фантазіей. Единственно Лакедемоняне и Критяне опредѣляли закономъ воспитаніе дѣтей. Кто не знаетъ, что въ государствѣ все зависитъ отъ духовнаго и физическаго воспитанія дѣтей, а между тѣмъ необдуманно предоставляютъ все на волю родителей, какъ бы ни были они сумасбродны и злы. Между прочимъ, сколько разъ мнѣ хотѣлось, проходя по нашимъ улицамъ, выкинуть штуку въ отместку за дѣтишекъ, которыхъ драли, мучили, били до полусмерти отецъ или мать, разъяренные гнѣвомъ! У такихъ людей гнѣвъ и неистовство блестятъ въ глазахъ.

Rabie jecur incendente, feruntur
Praecipites; et saxa jugis obrupta, quibus mons
Subtrahitur, clivoque latus pendente recedit,

(Когда ярость воспаляетъ имъ печень, они стремятся, какъ скала, которая, потерявъ точку опоры, низвергается внизъ.)

(Гиппократъ говоритъ, что самыя опасныя болѣзни тѣ, которыя обезображиваютъ лицо.); къ этому еще рѣзкій пронзительный голосъ, и все это иногда противъ малютки, только что отнятаго отъ груди. И вотъ они, калѣки, поглупѣвшіе отъ побоевъ, а нашему правосудію нѣтъ до этого никакого дѣла, какъ будто эти искалѣченные и идиоты не члены общества.

Gratum est, quod patriae civem populoque dedisti
Si facis, ut patriae sit idoneus, utilis agris,
Utilis et bellorum et pacis rebus agendis.

(Отечество очень благодарно тебѣ за новаго члена, если благодаря тебѣ онъ станетъ пригоднымъ для служенья ему, или обрабатывая землю, или воюя, или занимаясь мирнымъ дѣломъ).

Нѣтъ ни одной страсти, которая бы такъ извращала здравый смыслъ, какъ гнѣвъ. Никто бы не задумался приговорить къ смертной казни судью, который осудилъ бы обвиняемаго подъ вліяніемъ гнѣва, — почему же родителямъ и учителямъ дозволяется бить и наказывать дѣтей подъ вліяніемъ гнѣва? Наказаніе должно быть лѣкарствомъ для дѣтей, а кто же бы сталъ выносить врача, объятаго гнѣвомъ и ненавистью къ своему паціенту?

Мы не должны поднимать руку на слугъ, разъ мы находимся въ гнѣвѣ. Если пульсъ бьется усиленно и мы чувствуемъ возбужденіе, то надо отложить наказаніе, — вещи покажутся намъ въ иномъ свѣтѣ, когда мы успокоимся и остынемъ. Страсть нами повелѣваетъ, страсть говоритъ въ насъ, а не мы, — въ гнѣвѣ ошибки кажутся намъ въ большемъ размѣрѣ, все равно, какъ предметы въ туманѣ. Тотъ, кто хочетъ ѣсть, пусть насытится мясомъ; но кто хочетъ наказывать, тотъ не долженъ съ алчностью къ этому стремиться. Да и наказаніе, сдѣланное внушительно и благоразумно, воспринимается гораздо лучше и приноситъ больше пользы наказываемому; иначе онъ признаетъ, что несправедливо наказанъ человекомъ, возбужденнымъ гнѣвомъ и яростью; и представить въ свое оправданіе неестественныя движенія своего учителя, воспламененное гнѣвомъ лицо, необычныя клятвы, безпокойство и поспѣшность наказанія:

*Ora tument ira, nigrescunt sanguine venae,
Lumina Gorgoneo saevius igne micant.*

(Его лицо готово лопнуть отъ гнѣва, его жилы напрягаются и чернѣютъ, его глаза мечутъ огонь болѣе яркій, чѣмъ огонь Горгоны.)

Светоній говоритъ, что Кай Рабирій, осужденный Цезаремъ, обратился съ жалобой къ народу, пользуясь для своего оправданія гнѣвомъ и суровостью Цезаря, которыя онъ выказалъ при осужденіи его.

Часть I, глав. 22.

О привычкѣ.

Однажды Платонъ журилъ ребенка, игравшаго въ орѣхи. «Ты меня бранишь за такіе пустяки», отвѣчалъ тотъ.—«Привычка,—возразилъ Платонъ,—не пустяки». Я нахожу, что наши самые серьезные пороки вкореняются въ насъ съ самаго нѣжнаго возраста и что наше первоначальное воспитаніе зависитъ отъ нашихъ кормилицъ. Нѣкоторымъ матерямъ доставляетъ удовольствіе, когда ея ребенокъ свернетъ шею пѣтуху, или мучаетъ собаку и кошку; есть такіе дураки отцы, которые видятъ признакъ воинственнаго духа въ томъ, что ихъ сынъ бьетъ мужика или лакея, которые не защищаются; или считаютъ ловкостью, если ихъ сынъ самымъ вѣроломнымъ образомъ проведетъ или обманетъ товарища. А между тѣмъ это зародыши и корни жестокости, тиранства, предательства; они пускаютъ ростки и роскошно разрастаются и укрѣпляются влѣдствіе привычки. Очень опасно извинять эти дурныя наклонности нѣжнымъ возрастомъ и легкомысліемъ субъекта; прежде всего тутъ высказывается природа, а ея голосъ въ то время тѣмъ чаще и правдивѣе, чѣмъ нѣжнѣе и новѣе; во-вторыхъ, гадость обмана не зависитъ отъ того, что дѣло идетъ о булавахъ, а не о деньгахъ,—обманъ гадокъ самъ по себѣ. Я нахожу, что такое заключеніе было бы болѣе вѣрно: «почему бы ему не обмануть и въ деньгахъ, разъ онъ обманываетъ въ булавахъ», чѣмъ такое: «онъ обманываетъ въ булавахъ и, конечно, не станетъ обманывать въ деньгахъ». Надо тщательнымъ образомъ научить дѣтей ненавидѣть порокъ самъ по себѣ, надо имъ показать его въ его природномъ безобразіи, чтобы дѣти не только избѣгали обнаруживать его въ своихъ поступкахъ, но и въ душѣ ненавидѣли его, чтобы имъ была ненавистна даже самая мысль о порокахъ, подъ какой бы маской порокъ имъ ни представлялся.

Часть II, глав. 18.

О лжи.

Первый признак испорченности нравовъ—изгнаніе истины, потому что, говоритъ Пиндаръ, правдивость есть начало величайшей добродѣтели, и это первое, чего требовалъ Платонъ отъ правителя своей «Республики». Въ наше время правдой зовутъ не настоящую правду, а то, въ чемъ можно убѣдить кого-нибудь,—все равно, какъ мы называемъ монетой не только настоящую, но и фальшивую. Нашу націю съ давнихъ поръ упрекаютъ въ этомъ пороѣ; еще Сальвианъ Массильскій, жившій во времена императора Валентиніана, говорилъ, что «лгать и клятвопреступничать у французовъ не считается порокомъ, это просто ихъ манера разговаривать». Ложь—это скверный пороѣ, и одинъ древній писатель выставляетъ его во всемъ его позорѣ, говоря, «что люди этимъ доказываютъ только свое пренебреженіе къ Богу и боязнь людей». Лучше выставить весь ужасъ, низость и безнравственность лжи—нельзя, потому что что же можетъ быть хуже трусливости передъ людьми и наглости передъ Богомъ? Наши взаимныя отношенія держатся только на вѣрѣ въ слова,—тотъ, кто вретъ, тотъ предаетъ общество; рѣчь — это единственное средство для выраженія нашихъ желаній и мыслей, это—толмачъ нашей души. Если ея нѣтъ,—нѣтъ и связи между людьми, нѣтъ средства къ знакомству другъ съ другомъ; если она обманываетъ, она прерываетъ всякія сношенія и разрушаетъ всякія общественныя связи.

Часть I, глава 9.

О лжецахъ.

По-истинѣ, ложь есть самый ужасный пороѣ, потому что только рѣчь дѣлаетъ насъ людьми и поддерживаетъ сношенія между нами. Еслибъ мы знали весь ужасъ и всю тяжесть лжи, то, навѣрное, всеми средствами искореняли бы ее, сильнѣе, не-

жели всё другіе недостатки. Я нахожу, что обыкновенно несправедливо наказываютъ дѣтей за невинныя заблужденія и мучаютъ ихъ за безразсудныя поступки, которые не имѣютъ ни значенія, ни послѣдствій. Только зарожденіе и развитіе склонности ко лжи и почти въ такой же степени упрямство слѣдуетъ, по моему мнѣнію, искоренять всеми силами. Эти пороки растутъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Разъ дѣти вступили на этотъ ложный путь, становится почти невозможно направить ихъ на истинный; вотъ почему случается встрѣчать порядочныхъ людей, подверженныхъ этому пороку. Если бы ложь, подобно истинѣ, имѣла только одно лицо, мы не были бы въ затрудненіи, потому что мы считали бы истиной какъ разъ противоположное тому, что говорить лжець; но ложь имѣетъ сто тысячъ формъ и безконечное поле для дѣйствій. Пифагорейцы называли извѣстное и законченное добромъ, а неизвѣстное и незаконченное—зломъ. Тысячи путей отвлекаютъ отъ цѣли и лишь единственный путь направляетъ къ ней.

Часть I, глава 8.

О праздности.

Жирныя плодоносныя, но не обработанныя поля производятъ тысячи сорныхъ и бесполезныхъ травъ. Для того, чтобы пользоваться этими полями, надо засѣвать ихъ нужными и полезными для насъ сѣменами. То же самое происходитъ и съ умомъ: если его не занимаютъ предметами, которые его обуздываютъ, то онъ безъ толку начинаетъ бросаться туда и сюда по обширному полю воображенія

*Sicut aequae tremulum labris ubi lumen ahenis,
Sole reперсусsum, aut radiantis imagine lunae,
Omnia pervolitat late loca; jamque sub auras
Erigitur, summique ferit laquearia tecti.*

(Такъ, когда колеблющаяся влага въ мѣдномъ сосудѣ отражаетъ блескъ солнца или луны, то отраженный свѣтъ появляется всюду, поднимается на воздухъ и касается верха кры-

ши), и нѣтъ безумства, нѣтъ неосторожности, которыхъ бы онъ не сдѣлалъ въ этомъ тревоженіи

Velut aegri somnia, vanae
Finguntur species.

(воображая химеры, похожія на бредъ больного).

Душа, не имѣющая опредѣленной цѣли, заблуждается, потому что, какъ говорятъ, быть всюду, значить не быть нигдѣ. Quisquis ubique habitat, Maxime, nusquam habitat.

Часть II, глава 17.

О высокомѣріи.

Я охотно возвращаюсь къ вопросу о недостаткахъ нашего воспитанія. Оно поставило себѣ цѣлью сдѣлать насъ не добрыми и умными, а учеными; оно достигло своего, оно не научило насъ слѣдовать добродѣтели и любить ее, а научило насъ происхожденію и этимологіи этого слова; мы не умѣемъ любить добродѣтель, но умѣемъ склонять слово «добродѣтель»; мы не знаемъ по опыту и по его послѣдствіямъ, что такое благоразуміе, но за то умѣемъ о немъ болтать. Мы не довольствуемся тѣмъ, что узнали, кто такіе наши сосѣди, какое у нихъ родство и связи, а хотимъ быть съ ними въ дружбѣ и завязать съ ними сношенія; а наше воспитаніе сдѣлало какъ разъ противоположное: оно научило насъ опредѣлять, разбирать и разлагать понятіе о добродѣтели, какъ прозвища и вѣтви какого-нибудь родословнаго дерева, но не установило между нами и добродѣтелью ни связи, ни знакомства. Оно выбрало для нашего первоначальнаго обученія не тѣ книги, которыя изобилуютъ здоровыми и истинными мыслями, а тѣ, которыя написаны хорошимъ греческимъ или латинскимъ языкомъ, и вмѣстѣ съ ихъ красивыми фразами оно привило къ нашей фантазіи самыя пустыя прихоти древности.

Хорошее воспитаніе мѣняетъ понятія и нравы, какъ случилось съ Полемономъ, молодымъ, распущеннымъ Грекомъ, который, случайно понавъ на урокъ Ксенократа, не замѣтилъ ни

краснорѣчія, ни учености, не обогатился какимъ-либо знаніемъ, но пріобрѣлъ болѣе очевидную и солидную пользу, измѣнивъ сразу свой прежній образъ жизни. Кто получилъ такой результатъ отъ нашего воспитанія?

Faciasne, quod olim
Mutatus Polemon? ponas insignia morbi,
Fasciolas, cubital, focalia; potus ut ille
Dicitur ex collo furtim carpsisse coronas,
Postquam est impransi correptus voce magistri?

(Сдѣлаешь ли ты то, что нѣкогда сдѣлалъ измѣнившійся Полемонъ? Откажешься ли ты отъ всѣхъ признаковъ своего безумія, отъ одеждъ, похожихъ на женскія, отъ смѣшныхъ украшеній, какъ сдѣлалъ тотъ юный кутила, который, будучи увлеченъ словомъ суроваго учителя, сбросилъ съ себя вѣнки и цвѣты.)

Наименѣе достойное презрѣнія состояніе человѣка, по моему мнѣнію, то, которое занимаетъ послѣднее мѣсто вельдетвіе простоты, и въ то же время представляетъ намъ примѣръ наиболѣе правильныхъ отношеній.

Я нахожу нравы и разговоры нашихъ крестьянъ ближе къ предписаніямъ истинной философіи, чѣмъ разговоры и нравы нашихъ философовъ: plus sapit vulgus, quia tantum, quantum opus est sapit (простой человѣкъ болѣе мудръ, потому что онъ мудръ настолько, насколько это для него нужно).

Часть III, глава 2.

О раскаяніи.

Нѣтъ ни одного порока, который бы не оскорблялъ и который бы не былъ осуждаемъ всѣми, потому что гадкія и отвратительныя стороны порока такъ явственны, что тѣ, которые приписываютъ его происхожденіе глупости и невѣжественности, совершенно правы,—настолько трудно представить себѣ, чтобы кто-нибудь зналъ его не ненавидя. Злоба питается собственнымъ ядомъ и сама себя отравляетъ. Какъ язва оставляетъ

слѣдъ въ тѣлѣ, такъ и порокъ оставляетъ раскаяніе въ душѣ которое всегда царапаетъ душу и заставляетъ ее кровоточить. Разумъ сглаживаетъ другого рода горечи и скорби, но поражаетъ раскаяніе, которое тѣмъ болѣе жгуче, что появляется внутри насъ, какъ лихорадочный жаръ и знобъ гораздо мучительнѣе внѣшняго холода и жара.

Я считаю порокомъ (но пусть каждый думаетъ по-своему) не только то, что осуждается и разумомъ, и природою, но также то, что заклеимиль этимъ названіемъ голосъ человѣческой, съ которымъ согласны и законъ, и нравы,—т.-е. все ложное и неправильное.

Нѣтъ также доброты, которая бы не радовала хорошую натуру; есть какое-то стремленіе къ добру, которое насъ восхищаетъ, и благородная гордость, сопровождающая спокойную совѣсть: душа дерзко порочная можетъ быть внѣшнимъ образомъ беззаботна, но никогда не будетъ ощущать внутренняго самодовольства и удовлетворенности. Не малое удовольствіе составляетъ чувствовать себя огражденнымъ отъ заразы столь испорченнаго вѣка и имѣть возможность сказать себѣ: еслибы кто-нибудь заглянулъ въ самую глубину моей души, то и тогда не обвинилъ бы меня ни въ огорченіи или гибели моего ближняго, ни въ мести или зависти, ни въ оскорбленіи законовъ, ни въ посягательствѣ на чужую собственность, ни въ смутѣ, ни въ неисполненіи даннаго слова; и несмотря на то, что распущенность вѣка дозволяетъ это каждому и даже научаетъ его, я все-таки никогда не посягнулъ на чужое добро или кошелекъ; жилъ всегда на свое собственное, какъ во время войны, такъ и во время мира, и никогда не пользовался даромъ чужимъ трудомъ. Такія доказательства чистой совѣсти очень пріятны, и эта вполнѣ естественная настоящая радость есть чистое благодѣяніе, она есть награда, которой насъ никто не лишитъ.

Природныя наклонности получаютъ помощь и поддержку отъ воспитанія; но они нисколько не измѣняются и постоянно проглядываютъ наружу: тысячи моихъ современниковъ, несмотря на совершенно противоположное воспитанье, или остались вѣрны добродѣтели, или склонились на сторону порока...

Подобныя природныя свойства нельзя искоренить,—ихъ можно только прикрыть или скрыть... Посмотрите, какъ относится къ этому нашъ опытъ: нѣтъ такого человѣка (если, конечно, онъ обращаетъ на себя вниманіе), который бы не открылъ въ себѣ свою собственную сущность, господствующую, которая борется противъ воспитанья и противъ бури страстей, ей чуждыхъ.

Часть III, гл. 8.

О разговорѣ.

Самое плодотворное и самое естественное упражненіе для нашего ума есть, по моему мнѣнію, разговоръ. Его примѣненіе я нахожу болѣе приятнымъ, чѣмъ какое-либо другое дѣйствіе въ нашей жизни. Поэтому, еслибъ мнѣ пришлось выбирать, я бы скорѣе согласился (я убѣжденъ въ этомъ) потерять зрѣніе, чѣмъ слухъ или способность рѣчи. Аѳиняне и римляне отводили почетное мѣсто этому искусству въ своихъ школахъ; въ настоящее время слѣды краснорѣчія встрѣчаются еще у итальянцевъ, къ большой для нихъ выгодѣ, какъ это видно изъ сравненія ихъ образованія съ нашимъ. Изученіе книгъ есть дѣйствіе такое вялое и слабое, что вовсе не согрѣваетъ, тогда какъ разговоръ сразу поучаетъ и развиваетъ. Если я вступаю въ споръ съ умнымъ человѣкомъ и опытнымъ діалектикомъ, то въ такомъ случаѣ онъ тѣснитъ меня съ фланговъ, колетъ меня справа и слѣва; его воображеніе возбуждаетъ мое. Ревность, славолубіе, состязаніе подстрекають меня, такъ что я превосхожу самого себя. Согласіе же во всемъ есть качество для разговора самое скучное. Но если, съ одной стороны, нашъ умъ крѣпнетъ вслѣдствіе соприкосновенія съ умами обширными и развитыми, то, съ другой стороны, нельзя себѣ представить, насколько онъ теряетъ и вырождается вслѣдствіе постоянного знакомства и сношенія съ умами низменными и болѣзненными. Нѣтъ заразы, которая бы распространялась сильнѣе этой. Я прекрасно знаю по опыту, какое это имѣетъ значеніе. Я люблю спорить и разсуждать, но только съ не-

многими и для самого себя. Но служить зрѣлицемъ для многихъ и изъ-за состязанія выставлѣть на видъ свой умъ и свою болтовню, по моему мнѣнiю, дурно для человѣка, дорожащаго своею честью...

Противорѣчiе моимъ взглядамъ меня не оскорбляетъ и не отталкиваетъ; оно только возбуждаетъ и подстрекаетъ меня. Мы избѣгаемъ исправленiя, поэтому слѣдуетъ схватиться за это исправленiе, разъ оно происходитъ въ формѣ разговора, а не поученiя. Обыкновенно же при возраженiи не смотрятъ на то, справедливо ли оно, а лишь на то, какъ его отразить (правильно или неправильно—все равно). Въмѣсто того, чтобы протягивать руки, требуя возраженiй, мы противопоставляемъ ему когти.

Часть III, гл. 8.

Ложная и истинная ученость.

Кто не станетъ съ недоувѣрiемъ относиться къ учености и кого не возьметъ сомнѣнiе относительно того, можно ли извлечь изъ нея какую-нибудь серьезную пользу для жизни, если обратить вниманiе на то употребленiе, которое мы въ настоящее время изъ нея дѣлаемъ, nihil sonantibus litteris (изъ не приносящей пользы учености)? Кто почерпнулъ здравый смыслъ изъ логики? гдѣ ея прекрасныя обѣщанiя? *pec ad melius vivendum*, *pec ad commodius disserendum* (ни для того, чтобы лучше жить, ни для того, чтобы правильнѣе рассуждать). Больше ли путаницы въ бессмысленной болтовнѣ торговыхъ селедками, нежели въ публичныхъ диспутахъ лицъ, выбравшихъ логику своей профессiей? Для меня было бы прiятнѣе, чтобы мой сынъ выучился говорить въ трактирахъ, чѣмъ въ школахъ краснорѣчiя. Поговорите-ка съ профессоромъ свободныхъ искусствъ. Почему онъ не даетъ намъ почувствовать превосходство своего искусства? почему онъ не приводитъ въ восхищенiе женщинъ и подобныхъ намъ неучей солидностью своихъ разсужденiй и ихъ прекрасной стройностью? почему онъ не покоряетъ и не убѣждаетъ насъ по своему желанiю? почему

человѣкъ, имѣющій такія преимущества и въ отношеніи къ матеріалу, и по отношенію къ распоряженію имъ, примѣшиваетъ къ своему ратоборству брань, оскорбленія и гнѣвъ? Пусть онъ оставитъ въ такомъ случаѣ и свою шапочку, и платье, и латынь; пусть онъ не поражаетъ нашъ слухъ сырýmъ матеріаломъ, взятымъ изъ Аристотеля: въ такомъ случаѣ вы примите его за обыкновеннаго смертнаго, если не хуже. Мнѣ кажется, что эти противорѣчія и запутанная рѣчь, съ которыми онъ наступаетъ на насъ, то же самое, что плутни фокусника: быстрота поражаетъ наши чувства, но не колеблетъ нашей вѣры; исключая этихъ пустяковъ, они не дѣлаютъ ничего такого, что не было бы вульгарно и дурно. Изъ-за того, что они стали болѣе учеными, они не сдѣлались менѣе глупыми. Я люблю и уважаю знаніе, какъ и тѣхъ, которые имъ обладаютъ, и, правильно примѣнимое, оно есть самое благородное и могущественное приобрѣтеніе людей; но въ тѣхъ людяхъ (а ихъ безчисленное множество), которые основываютъ лишь на немъ свое значеніе и силу, которые свой разумъ основываютъ на памяти, *sub aliena umbra latentes* (которые прячутся въ тѣни другихъ) и которые ничего не умѣютъ безъ книги,—ученость въ такихъ людяхъ, если смѣю такъ выразиться, я ненавижу больше глупости. Въ моей странѣ и въ мое время ученость очень полезна для кошельковъ, а не для улучшенія душъ: если она встрѣчаетъ вялыя души, она отягчаетъ и губитъ ихъ, какъ грубую и неудобоваримую массу; если же она находитъ ихъ ловкими, то охотно очищаетъ ихъ, просвѣтвляетъ и утончаетъ до полного ихъ истощенія. Слѣдовательно, ученость есть вещь почти безразличная: придатокъ очень полезный для хорошо одаренной души, вредный и пагубный для другого сорта душъ. Или, лучше сказать, вещь очень драгоценная, но не дешево достающаяся: въ однихъ рукахъ—это скипетръ, въ другихъ—погремушка шута.

Часть III, гл. 12.

О физиономіи.

Удивительно, что Сократъ такъ умѣлъ направить простыя дѣтскія представленія, не измѣняя ихъ, что получалъ превосходныя мысли, на которыя только способенъ нашъ умъ. Сократъ не требуетъ отъ ума, чтобъ онъ былъ возвышенъ или богато одаренъ, а чтобъ онъ былъ здоровъ, но здоровъ бодримъ и полнымъ здоровьемъ. Самыми обыкновенными и естественными средствами, при помощи самыхъ обыкновенныхъ общихъ мыслей, не возбуждаясь, не сердясь, онъ установилъ не только самыя правильныя, но самыя возвышенныя, крѣпкія вѣрованія, поступки и нравы.

Это онъ, парящій въ небѣ, свелъ съ него на землю человѣческую мудрость, чтобы дать ее человѣку, для котораго она составляетъ самую правильную и самую многотрудную потребность. Посмотрите на его защиту передъ судьями, посмотрите, какими разсужденіями онъ возбуждаетъ мужество по отношенію къ случайностямъ войны, какія доказательства укрѣпляютъ его терпѣніе по отношенію къ клеветѣ, тиранніи, смерти, а также по отношенію къ брани своей жены; во всемъ этомъ нѣтъ ничего заимствованнаго у искусства и науки; самыя простые люди узнаютъ, что все это въ ихъ средствахъ и подходитъ къ ихъ силамъ, — невозможно итти дальше въ простотѣ. Онъ оказалъ большую услугу человѣческой природѣ, показавъ ей, сколько она можетъ почерпнуть въ самой себѣ.

Мы всѣ богаче, нежели сами думаемъ, но насъ приучаютъ къ займу и милостынѣ; насъ приучаютъ пользоваться больше другими, чѣмъ самими собой. Ни въ какомъ отношеніи человѣкъ не умѣетъ удержаться въ предѣлахъ своихъ потребностей: ни въ страсти, ни въ богатствѣ, ни въ могуществѣ, — онъ схватываетъ больше, чѣмъ можетъ быть для него необходимо; его жадность не знаетъ умѣренности. Я нахожу, что то же самое происходитъ и по отношенію къ жаждѣ знаній: человѣкъ отмѣриваетъ себѣ больше, чѣмъ можетъ преодолѣть и сдѣлать, и предполагаетъ, что польза знанія прекращается тамъ, гдѣ из-

сякаетъ самый матеріалъ для знанія: *ut omnium rerum, sic litterarum quoque, intemperantia laboramus* (мы также мало имѣемъ умѣренности въ наукѣ, какъ и во всемъ остальномъ). Тацитъ вполне основательно хвалилъ мать Агриколы, которая сумѣла обуздать въ сынѣ слишкомъ жгучую потребность знанія.

Если смотрѣть правильно, то знаніе въ сущности есть такое благо, которое, подобно всякому другому человѣческому благу, заключаетъ въ себѣ много естественной суетности и слабости и дорого обходится. Приобрѣтеніе его болѣе рискованно, нежели прибрѣтеніе всякой другой пищи и питья, такъ какъ все купленное нами мы можемъ отнести домой въ какомъ-нибудь сосудѣ и тамъ мы можемъ его рассмотреть и обдумать, когда и сколько мы можемъ за него получить, но знанія мы не можемъ положить въ иной сосудъ, исключая нашей души; мы проглатываемъ его еще во время покупки и уходимъ съ рынка или зараженными, или исправленными; нѣкоторыя знанія насъ только обременяютъ и мѣшаютъ намъ, вмѣсто того, чтобы питать, а есть еще и такія, которыя вмѣсто того, чтобы излѣчивать, только заражаютъ. Мы очень пріятно видѣть, какъ иногда люди изъ благочестія даютъ обѣтъ незнанія, какъ другіе даютъ обѣтъ чистоты, бѣдности и покаянія; умерщвляя въ себѣ желаніе, подстрекающее насъ къ изученію книгъ, мы обуздываемъ въ себѣ беспорядочныя стремленія и уничтожаемъ въ душѣ то страстное желаніе, которое подъ именемъ науки насъ волнуетъ. Мы въ совершенствѣ исполнимъ обѣтъ нищеты, если мы прибавимъ къ этому нищету духовную.

Для того, чтобы жить хорошо, намъ не нужно слишкомъ много знанія, и Сократъ учитъ насъ, во-первыхъ, тому, что оно въ насъ самихъ, а во-вторыхъ, тому, какъ можно его отыскать и пользоваться имъ. Всякая наша способность, превышающая обыкновенную, почти излишня; она скорѣе обременяетъ и волнуетъ насъ, нежели приноситъ пользу: *paucis opus est litteris ad mentem bonam* (не надо знать очень много, чтобы обладать хорошимъ умомъ); эти лихорадочныя проявленія нашего ума—орудіе безпокойное. Сосредоточьтесь—и вы най-

дете въ себѣ самихъ естественное утѣшеніе въ смерти,—утѣшеніе, которое лучше всего можетъ вамъ служить въ нуждѣ; это и есть то самое утѣшеніе, которое дозволяетъ мужику и цѣлымъ поколѣніямъ умирать съ такою же стойкостью, съ какою умираютъ философы.

Часть III, гл. 13.

Объ опытности.

Какъ природа снабдила насъ ногами, чтобы мы могли ходить, такъ она снабдила насъ благоразуміемъ, чтобы оно руководило нашею жизнью,—благоразуміемъ, конечно, не такимъ замысловатымъ, крѣпкимъ и пышнымъ, какое выдумали философы, но болѣе легкимъ, спокойнымъ и благотворнымъ, которое прекрасно осуществляетъ то, о чемъ кто говоритъ, если только умѣть примѣнять его просто и правильно, т.-е. естественно. Слѣдовать природѣ самымъ простымъ образомъ,—значитъ слѣдовать ей самымъ благоразумнымъ образомъ. Незнаніе и нелюбознательность — какое это пріятное, мягкое и полезное изголовье для умной головы! Лучше я буду стараться познать самого себя, чѣмъ Цицерона. Еслибъ я былъ хорошимъ ученикомъ, то въ познаніи самого себя я нашелъ бы достаточно средствъ для того, чтобы сдѣлаться мудрымъ. Тотъ, кто вспомнить приступъ гнѣва, бывший у него, тѣ послѣдствія, къ которымъ привелъ его этотъ гнѣвъ, тотъ увидитъ гнусность этого порока лучше, нежели изучая Аристотеля, и вѣрнѣе получитъ къ нему отвращеніе; тотъ, кто вспомнитъ несчастія, которымъ онъ подвергнулся и которыя ему угрожали, вспомнитъ мельчайшія обстоятельства, измѣнявшія его положеніе,—тотъ тѣмъ самымъ приготовится къ будущимъ переменамъ и къ правильному знакомству съ своимъ положеніемъ. Жизнь Цезаря не дастъ намъ столько примѣровъ, сколько наша собственная.

ИЗЪ ТОЙ ЖЕ ГЛАВЫ.

Въ дѣтствѣ меня наказывали главнымъ образомъ за то, что я отказывался отъ вещей вообще очень любимыхъ въ этомъ возрастѣ: отъ сластей, варенья и сладкихъ пирожковъ. Мой наставникъ побѣждалъ во мнѣ нелюбовь къ лакомствамъ, какъ извѣстнаго сорта изнѣженность, да и на самомъ дѣлѣ это есть не что иное, какъ прихотливость моего вкуса, въ чемъ бы она ни проявлялась. Тотъ, кто отучаетъ ребенка отъ особеннаго и упорнаго пристрастія къ черному хлѣбу, салу, чесноку, тотъ отучаетъ его отъ сластолюбія. Сущность этого порока заключается въ чрезмѣрной заботѣ о своемъ питаніи. Лучше, конечно, пріучить себя къ такимъ вещамъ, которыя легче достать, но все-таки скверно привыкать настолько, чтобы испытывать лишеніе, когда ихъ нѣтъ. Я называлъ когда-то привередникомъ одного изъ нашихъ родственниковъ, который разучился на галерахъ спать на нашихъ кроватяхъ и раздѣваться на ночь. Еслибъ у меня были сыновья, я бы отъ души пожелалъ имъ своей судьбы: добрый отецъ, котораго мнѣ далъ Богъ и къ которому я чувствую искреннюю признательность за доброту, отправилъ меня прямо изъ колыбели въ бѣдную деревеньку, ему принадлежавшую, и я пробылъ тамъ все время, пока питался грудью, и даже больше, пріучаясь къ самой простой жизни: *magna pars libertatis est bene moratus venter* (это уже извѣстная доля свободы умѣть обуздывать свой желудокъ).

Никогда не берите на себя заботы о питаніи вашихъ дѣтей, тѣмъ болѣе не предоставляйте этого женщинамъ. Предоставьте дѣтямъ развиваться при условіяхъ общихъ и естественныхъ, предоставьте привычкѣ развить въ нихъ умѣренность и воздержаніе, — пусть они лучше будутъ знакомы съ суровыми условіями жизни, чѣмъ принуждены будутъ къ нимъ привыкать. Намѣреніе моего отца имѣло еще другую цѣль: сблизить меня съ народомъ и съ тѣмъ классомъ людей, который нуждается въ насъ; онъ желалъ, чтобъ я скорѣе стремился къ тому, кто протягиваетъ къ намъ руки, чѣмъ къ тому, кто поворачивается къ намъ спиной; поэтому же онъ выбралъ мнѣ

въ воспріемники людей низшаго сословія, чтобъ обязать меня и привязать къ нимъ. Его планъ удался: я всегда принимаю живое участіе въ низшихъ.

Часть II, глава 8.

О родительской любви.

Если существуетъ дѣйствительно естественный законъ, т.-е. нѣкотораго рода инстинктъ, который всюду и всегда прирожденъ животнымъ и намъ (что не совѣмъ безспорно), то, по моему мнѣнію, послѣ чувства самосохраненія, присущаго всякому животному, и стремленія избѣгать всего вреднаго, любовь родителей къ своему порожденью занимаетъ второе мѣсто. И такъ какъ, повидимому, природа указала это съ цѣлью увеличенія числа существъ, являющихся въ результатѣ ея воздѣйствія, и усовершенствованія ихъ, то неудивительно, если, наоборотъ, любовь ребенка къ родителямъ не такъ велика. Съ этимъ согласенъ взглядъ Аристотеля, что всякій, сдѣлавшій добро другому, больше любитъ этого послѣдняго, чѣмъ послѣдній — его, и кредиторъ любитъ больше своего должника, чѣмъ наоборотъ; всякій работникъ больше любитъ свое произведеніе, чѣмъ послѣднее любило бы его, еслибъ было одарено чувствомъ... Дѣлающій благодѣяніе совершаетъ дѣло хорошее и достойное уваженія; кто получаетъ это благодѣяніе, совершаетъ только дѣло полезное. Но полезное гораздо менѣе привлекательно, нежели достойное уваженія, такъ какъ дѣло достойное уваженія есть нѣчто устойчивое и постоянное, доставляющее человѣку, его совершившему, продолжительное удовлетвореніе; полезное легко забывается и исчезаетъ и память о немъ не бываетъ ни столь свѣжа, ни столь пріятна. Намъ бываетъ болѣе дорого то, что намъ дороже стоило, а давать всегда дороже, чѣмъ принимать.

Такъ какъ Богу было угодно одарить насъ способностью разумной рѣчи для того, чтобы мы не были принуждены, подобно животнымъ, слѣпо повиноваться общимъ естественнымъ законамъ, а чтобы подчинялись имъ по убѣжденію и

свободно, то мы должны, конечно, нѣсколько уступать простому природному влеченію, но не позволять ему тираннически властвовать надъ нами: одинъ только разумъ долженъ руководить нашими склонностями. Я съ своей стороны вовсе не сочувствую тѣмъ влеченіямъ, которыя появились въ насъ безъ воли и содѣйствія разума.

Я не могу имѣть той странной любви къ ребенку, едва родившемуся на свѣтъ, когда у него еще нѣтъ ни движеній души, ни настоящей формы тѣла, благодаря чему онъ собственно и можетъ намъ нравиться. Я никогда не любилъ, чтобы дѣти были по близости отъ меня. Настоящая правильная любовь къ нимъ должна являться и возрастать по мѣрѣ нашего знакомства съ ними; и если они этого заслуживаютъ, то естественная любовь, возрастая вмѣстѣ съ разумной, заставляетъ насъ относиться къ нимъ съ истинно-отеческой любовью. Мы также должны разсуждать, если дѣти окажутся другого сорта людьми, т. е. всегда слѣдовать разуму, не обращая вниманія на естественное пристрастіе. Но часто происходитъ совсѣмъ обратное. Обыкновенно насъ больше трогаютъ въ нашихъ дѣтяхъ топотъ, игры и глупости, довольно иногда опасныя, чѣмъ въ послѣдствіи осмысленные поступки, какъ будто мы ихъ любимъ какъ забаву, какъ обезьянокъ, а не какъ людей. Нѣкоторые ничего не жалѣютъ на ихъ игрушки, страшно скупясь на расходы, которые необходимы для нихъ въ послѣдствіи. Кажется, ревность къ тому, что мы видимъ ихъ вращающимися и имѣющими успѣхъ въ свѣтѣ, который мы должны уже покинуть, дѣлаетъ насъ жаднѣе и сдержаннѣе въ отношеніи ихъ; намъ досадно, что они идутъ за нами, какъ бы приглашая насъ удалиться. Но если мы страшимся этого, такъ какъ вѣдь это въ порядкѣ вещей, что дѣти не могутъ, по правдѣ сказать, ни существовать, ни жить иначе, какъ на счетъ нашего существованія и жизни, то въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ дѣлаться отцами.

Что касается до меня, то я нахожу жестокимъ и несправедливымъ не позволять дѣтямъ пользоваться нашимъ состояніемъ, не позволять имъ участвовать въ нашихъ дѣлахъ, когда они уже способны на это, и не ограничивать и не стѣснять себя въ своихъ потребностяхъ съ тѣмъ, чтобы удовлетворять

ихъ потребности, тогда какъ для этого мы и произвели ихъ на свѣтъ. Скверно видѣть стараго, разбитаго, полумертваго отца, который одинъ пользуется своими богатствами, между тѣмъ какъ ихъ было бы достаточно для содержанія и развитія нѣсколькихъ дѣтей, принужденныхъ однако, по неимѣнью средствъ, терять лучшіе годы жизни, не служа обществу и не знакомясь съ людьми. Ихъ доводятъ до отчаянія и желанья какимъ бы то ни было путемъ, хотя бы и непрямимъ, искать средствъ къ жизни: въ мое время я знавалъ многихъ молодыхъ людей хорошихъ фамилій, настолько привыкшихъ къ воровству, что ихъ нельзя было отучить никакими наказаніями.

Мнѣ могутъ возразить на это, какъ однажды и возразилъ одинъ очень умный господинъ: что онъ бережетъ свои богатства не для того, чтобъ извлекать изъ нихъ пользу для себя, но чтобы быть въ уваженіи у своихъ; что такъ какъ возрастъ лишилъ его веѣхъ другихъ средствъ, то у него осталось одно только средство держать въ повиновеніи свою семью, а чрезъ это предохранить себя отъ всеобщаго осмѣянья и презрѣнія. Правда, не одинъ возрастъ, но и всякая слабость, какъ говоритъ Аристотель, возбуждаетъ скупость. Все это такъ; но это есть лѣкарство противъ существующаго зла, между тѣмъ какъ надо противодѣйствовать его возникновенію. Жалокъ тотъ отецъ, котораго дѣти любятъ только потому, что нуждаются въ его помощи, если только это можно назвать любовью. Слѣдуетъ снискивать себѣ уваженіе своею добродѣтелью и умѣlostью, любовь — своею добротою и кротостію своего нрава. Даже прахъ дорогихъ вещей имѣетъ цѣну; мы привыкли относиться съ почтеніемъ и благоговѣніемъ даже къ останкамъ уважаемыхъ людей. Никогда старость человѣка, съ честью прожившаго свой вѣкъ, не можетъ быть настолько слабой и горькой, чтобы не внушать къ себѣ уваженія, въ особенности дѣтямъ, душа которыхъ должна быть направлена на путь долга посредствомъ убѣжденія, а не посредствомъ нужды и принужденія, суровости и насилія:

Et errat longe, mea quidem sententia,
 Qui imperium credat esse gravius, aut stabilius,
 Vi quod fit, quam illud, quod amicitia adjungitur.

(По моему мнѣнію, сильно заблуждается тотъ, кто считаетъ свою власть сильнѣе и прочнѣе. если она основана на силѣ, а не на любви).

Я осуждаю всякое насиліе въ дѣлѣ воспитанія нѣжной души, которую мы готовимъ къ чести и свободѣ. Въ строгости и принужденіи есть что-то рабское, и я утверждаю, что то, чего нельзя достигнуть разумомъ, благоразуміемъ и ловкостью, того никогда не достигнешь силой. Такъ воспитывали меня: мнѣ говорили, что въ дѣтствѣ меня посѣкли только два раза и то слегка. Такъ же я поступалъ и съ своими дѣтьми; у меня дѣти умирали въ младенчествѣ и только единственная дочь Леонора избѣгла этого несчастія; она достигла шестилѣтняго возраста (и даже болѣе), но для ея исправленія и для наказанія ея за ея ребяческіе проступки не употреблялось ничего, исключая словъ, притомъ очень мягкихъ; противъ этого ничего не имѣла даже нѣжная материнская любовь. И еслибъ мое желаніе исправить ее и не принесло желаемыхъ результатовъ, то это зависѣло бы отъ многихъ другихъ причинъ, а не отъ моего способа воспитанія, который я нахожу правильнымъ и естественнымъ. Въ отношеніи сыновей я бы поступилъ еще осмотрительнѣе, потому что имъ предназначена большая свобода, чѣмъ дѣвочкамъ; я бы старался наполнить ихъ сердца искренностью и прямотушіемъ. Розги, по моему, дѣлаютъ души или подлыми, или злобно настойчивыми.

Хотимъ мы пользоваться любовью дѣтей? Хотимъ мы отнять у нихъ поводъ желать нашей смерти (хотя никакой поводъ къ столь ужасному желанію не можетъ быть признанъ достаточнымъ и не можетъ быть оправданъ, *nullum scelus rationem habet*),—для этого сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее для того, чтобы разумнымъ образомъ облегчить имъ жизнь. Для этого не слѣдуетъ слишкомъ рано вступать въ бракъ, чтобъ ихъ возрасты и нащи не были, такъ сказать, близки; это неудобство влечетъ за собою для насъ много затрудненій; я говорю преимущественно о дворянствѣ, ведущемъ праздный образъ жизни и живущемъ, какъ говорятъ, исключительно своими доходами; потому что, гдѣ ведутъ трудовую жизнь, тамъ большое количество дѣтей есть подспорье въ хозяйствѣ, и тамъ сколько

дѣтей, столько новыхъ орудій и средствъ къ обогащенью. Я женился 33 лѣтъ отъ роду, и стою за тридцатипятилѣтнѣй возрастъ, за который стоитъ и Аристотель.

Платонъ выражаетъ желаніе, чтобы не вступали въ бракъ ранѣе 30 лѣтъ; но онъ правъ, насмѣхаясь надъ тѣми, которые вступаютъ въ бракъ послѣ 55 лѣтъ, и считая ихъ дѣтей недостойными питанья жизни. Фалесъ поставилъ опредѣленные границы браку; будучи молодымъ, онъ отвѣчалъ матери, побуждавшей его жениться: «еще рано», а когда состарѣлся, то отвѣчалъ: «уже поздно».

Дворянинъ сорока пяти лѣтъ отъ роду еще не можетъ уступить своего мѣста своему двадцатилѣтнему сыну: онъ самъ еще можетъ принимать участіе въ походахъ и быть при дворѣ принца; ему самому нужны деньги; безъ сомнѣнья, онъ долженъ удѣлить часть ихъ, но не столько, чтобъ обидѣть себя изъ-за другого. И подобный человѣкъ совершенно основательно можетъ отвѣтить такъ, какъ обыкновенно отвѣчаютъ отцы: «я не стану раздѣваться прежде, чѣмъ пойду спать».

Но отецъ, который согнулся подъ тяжестью лѣтъ и болѣзней, который, благодаря своей слабости и недостатку здоровья, лишень обычнаго общества, такой отецъ несправедливо поступаетъ въ отношеніи себя и своихъ, бесполезно сберегая большія богатства. Если онъ уменъ, то онъ самъ пожелаетъ раздѣться, чтобъ итти въ постель, — конечно, раздѣться не до рубашки, а до теплаго ночного костюма; все остальное пышное платье, которое ему ни на что не нужно, онъ съ удовольствіемъ предоставитъ тѣмъ, кому оно должно принадлежать по естественному порядку вещей. Онъ предоставитъ дѣтямъ пользоваться этимъ платьемъ, потому что природа лишила его возможности самому имъ пользоваться, — въ этомъ случаѣ безъ сомнѣнья можно предполагать въ немъ злобу и зависть.

Самый прекрасный поступокъ императора Карла V состоялъ въ томъ, что онъ, по примѣру нѣкоторыхъ того же сорта людей древности, умѣлъ понять, что нашъ разумъ приказываетъ намъ раздѣться, когда одежда стѣсняетъ насъ и обременяетъ, и лечь, когда подкашиваются ноги; онъ отказался отъ своего богатства, сана и власти въ пользу сына, когда почувствовалъ,

что у него исчезаютъ и крѣпость и сила, необходимыя для веденія дѣлъ со славою, имъ уже пріобрѣтенною.

*Solve senescentem mature sanus equum, ne
Pescet ad extremum ridendus, et ilia ducat.*

(Если ты разуменъ, своевременно освободи отъ работы дряхлѣющаго коня, чтобы онъ въ концѣ-концовъ, на потѣху всѣхъ, не палъ отъ утомленія.)

Это неумѣнье своевременно распознать и почувствовать безсиліе и перемѣну и въ тѣлѣ и въ душѣ, естественно производимую отъ старости (что, по моему мнѣнію, все равно, если бы души убыло наполовину), погубило славу большинства великихъ людей. Я видѣлъ на своемъ вѣку и хорошо зналъ высокопоставленныхъ людей, у которыхъ легко было замѣтить упадокъ прежнихъ способностей, о которыхъ я могъ судить по пріобрѣтенной ими въ лучшіе свои годы славы: для ихъ же чести, я бы отъ души пожелалъ имъ удалиться на покой и оставить занятіе общественными и военными дѣлами, которыя больше имъ не по силамъ. Когда-то я былъ свой человѣкъ въ домѣ одного вдоваго и очень стараго дворянина, но все-таки очень свѣжаго; у него было нѣсколько взрослыхъ дочерей и одинъ сынъ въ такомъ возрастѣ, что могъ уже бывать въ свѣтѣ; это вызывало большія издержки и посѣщенія со стороны постороннихъ. Все это мало доставляло ему удовольствія не только по причинѣ его бережливости, но болѣе потому, что вслѣдствіе своей старости, онъ велъ жизнь совершенно не похожую на нашу. Я однажды сказалъ ему нѣсколько смѣло, какъ я привыкъ говорить, не лучше ли ему уступить молодымъ мѣсто, предоставить главный домъ сыну (только этотъ домъ былъ въ хорошемъ состояніи и убранъ), а самому удалиться въ свое сосѣднее имѣніе, гдѣ никто не нарушитъ его покоя,—иначе онъ не могъ бы избѣгать всѣхъ неудобствъ въ виду положенія своихъ дѣтей. Онъ послушалъ меня и чувствовалъ себя прекрасно.

Это значить, что по отношенію къ дѣтямъ слѣдуетъ до такой степени себя связать, чтобы не быть болѣе въ стояніи освободиться отъ своихъ обязательствъ. Я, которому слѣдуетъ подумать о томъ, какъ бы приняться за эту роль, предоста-

виль бы имъ пользоваться моимъ домомъ и имуществомъ, но съ правомъ все отнять, если бы они подали къ этому поводъ. Я бы предоставилъ имъ это пользованіе, потому что мнѣ самому было бы это удобнѣе; что же касается до распоряженія въ крупныхъ дѣлахъ, то я бы удержалъ за собою это право, насколько хотѣлъ бы. Я всегда думалъ, что для старика-отца должно быть большимъ удовольствіемъ самому руководить своими дѣтьми въ управленіи дѣлами и имѣть возможность при жизни контролировать ихъ поступки, давая имъ наставленія и совѣты, почерпнутые изъ собственнаго опыта; для него пріятно видѣть старинную честь и порядокъ дома въ рукахъ своихъ наслѣдниковъ и такимъ образомъ себѣ приписывать тѣ надежды, которыя онъ можетъ питать по отношенію къ ихъ будущимъ поступкамъ. Въ виду этого я вовсе не хотѣлъ бы избѣгать ихъ общества, я хотѣлъ бы постоянно руководить ими и, сообразно съ своимъ возрастомъ, принимать участіе въ ихъ радостяхъ и въ ихъ торжествахъ. Еслибъ я не жилъ среди нихъ (что я не могъ бы сдѣлать, не разстраивая ихъ общества своимъ страдальческимъ видомъ и болѣзненностью, и не принуждая себя мѣнять свои привычки и обычный образъ жизни), я бы хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, жить около нихъ, въ какой-нибудь части моего дома, не въ самой парадной, а въ самой удобной... Я бы старался поддерживать въ дѣтяхъ пріятною бесѣдой живую дружбу и искреннюю любовь къ себѣ. Этого легко добиться отъ хорошихъ людей. Если же это будутъ дикіе звѣри, какихъ множество расплодилось въ наше время, то ихъ слѣдуетъ ненавидѣть и избѣгать.

Мнѣ не нравится обычай запрещать дѣтямъ называть своего родителя отцомъ, а пріучать ихъ къ чуждому наименованію, какъ болѣе почетному. Какъ будто природа не достаточно позаботилась объ отцовскомъ авторитетѣ! Мы называемъ отцомъ Всемогущаго Бога и не хотимъ, чтобы наши дѣти такъ называли насъ: въ своей семьѣ я уничтожилъ это заблужденіе.

Такъ же несправедливо и глупо лишать взрослыхъ дѣтей короткости съ родителями при помощи презрительнаго и мрачнаго вида: этимъ думаютъ держать дѣтей въ страхъ и повиновеніи. Но это совершенно бесполезно, потому что эта ма-

нера дѣлаетъ родителей скучными и—что еще хуже, —смѣшными въ глазахъ дѣтей. На ихъ сторонѣ молодость и сила, равно какъ успѣхъ и расположеніе общества; имъ смѣшны эти гордыя и деспотичныя мины человѣка, у котораго нѣтъ уже крови ни въ сердцѣ, ни въ жилахъ, который похожъ на огородное пугало. Еслибъ я и могъ заставить себя бояться, мнѣ было бы пріятнѣе заставить себя любить. Въ старости бываетъ столько недостатковъ, столько безсилія, ей такъ легко подвергнуться презрѣнію, что самое лучшее было бы для нея приобрести себѣ расположенье и любовь своихъ. Командирскій тонъ и страхъ—не ея оружіе...

Когда покойный маршалъ Монлюкъ потерялъ своего сына, который умеръ на островѣ Мадейрѣ и былъ, дѣйствительно способный, подававшій большія надежды человѣкъ, то я особенно цѣнилъ его печаль и сердечное сожалѣнье относительно того, что онъ никогда не обращался съ нимъ сердечно; изъ-за каприза всегда показывать суровую отцовскую мину онъ потерялъ удвольствіе хоршенько познакомиться съ своимъ сыномъ, выразить ему сильную любовь, которую онъ къ нему питалъ, и высокое мнѣніе, которое онъ составилъ себѣ о его хорошихъ качествахъ. «И этотъ бѣдный мальчикъ,—говорилъ онъ, ничего не видалъ отъ меня, кромѣ отталкивающаго и презрительнаго обращенія, и такимъ образомъ унесъ съ собою убѣжденье, что я не умѣю ни любить, ни цѣнить его, какъ бы онъ этого заслуживалъ. Для кого я берегъ ту сильную любовь, которую питалъ къ нему въ душѣ? Развѣ не онъ долженъ былъ испытать удовольствіе этой любви и заплатить за это лишь благодарностью? Я принуждалъ и мучилъ себя, заставляя себя носить эту безмысленную маску; я лишился удовольствія разговаривать съ нимъ, я потерялъ мало-по-малу его расположенье, которое не могло быть сильнымъ, такъ какъ онъ ничего не получалъ отъ меня, кромѣ суровости, и ничего не испытывалъ, кромѣ деспотическаго обращенія». Я нахожу эту жалобу совершенно справедливой и разумной. Я знаю по опыту, что нѣтъ иного сладостнаго утѣшенья при потерѣ друзей, кромѣ того, которое приносится намъ сознаниемъ, что мы вполне высказались по отношенію къ нимъ, и что мы посто-

янно находились съ ними въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ. О мой другъ! лучше ли я сталъ оттого, что испыталъ это удовольствіе, или хуже? Конечно, лучше; скорбь о другѣ утѣшаетъ и возвышаетъ меня: развѣ это не благочестивая и не пріятная обязанность въ моей жизни — вѣчно помнить о его смерти? развѣ это не доставляетъ удовольствіе, которое уравниваетъ эту потерю?

Я по возможности открываюсь своимъ и охотно выражаю имъ свою склонность и свое чувство къ нимъ, какъ и къ каждому другому: я стараюсь высказаться и представить себя такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ, потому что я не желаю, чтобы насчетъ меня обманывались въ какомъ бы то ни было отношеніи. Между прочими обычаями, которые были, по свидѣтельству Цезаря, у нашихъ предковъ, Галловъ, былъ слѣдующій: дѣти показывались отцамъ и публично были вмѣстѣ съ съ ними не ранѣе того, какъ начинали носить оружіе; какъ будто этимъ они хотѣли сказать, что только тогда наступало время, чтобъ отцы удостоивали ихъ своимъ сообществомъ и дружбой.

Я замѣчалъ еще другого сорта несправедливость въ современныхъ отцахъ: не довольствуясь тѣмъ, что въ продолженіе своей жизни они лишали дѣтей пользованья своимъ имуществомъ, имъ слѣдующаго, они еще и послѣ своей смерти предоставляли женѣ то же право распоряжаться всѣмъ имуществомъ по произволу. Я зналъ одного дворянина, одного изъ высшихъ сановниковъ, который имѣлъ въ виду получить въ будущемъ болѣе 50.000 экю дохода, но умеръ въ нуждѣ, въ долгахъ, имѣя болѣе 50 лѣтъ отъ роду, тогда какъ его мать на основаніи распоряженія отца, который самъ прожилъ почти 80 лѣтъ, пользовалась, несмотря на всю свою дряхлость, всѣмъ своимъ имуществомъ. Я нахожу это неразумнымъ...

Вполнѣ разумно предоставлять управленіе дѣлами матерямъ во время малолѣтства дѣтей, согласно съ законами; но очевидно, что отецъ плохо воспиталъ своихъ дѣтей, если нельзя надѣяться, что въ зрѣломъ возрастѣ у нихъ будетъ болѣе ума и ловкости, нежели у его жены (если принять въ расчетъ естественную слабость пола). Было бы, конечно, еще болѣе

противоестественно ставить матерей въ зависимость отъ дѣтскаго произвола. Слѣдуетъ дать имъ вполне достаточно, чтобы они могли жить сообразно съ положеніемъ дома и съ возрастомъ. Имъ гораздо тяжелѣе и больнѣе перенесеніе нужды и бѣдности, чѣмъ мужчинамъ: лучше обременить этимъ дѣтей чѣмъ мать.

Различныя мысли о педагогикѣ.

Дѣтскія игры не игра. О нихъ слѣдуетъ судить такъ, какъ будто дѣло идетъ о самомъ ихъ серьезномъ дѣйствіи.

1, 22.

Нѣтъ такого несчастнаго и низко стоящаго человѣка, у котораго нельзя было бы разглядѣть какой-нибудь особенной способности; нѣтъ такой мертвенной души, которая гдѣ-нибудь не проявила себя. И какъ это возможно, чтобы человѣкъ, повидимому, слабый и умершій ко всему остальному, былъ живымъ и одушевленнымъ въ какомъ-нибудь одномъ отношеніи, объ этомъ слѣдуетъ спросить у учителей. Но того только можно назвать богато одареннымъ умомъ, котораго все привлекаетъ, который всему доступенъ и ко всему воспріимчивъ.

Если онъ не все изучилъ, то можетъ все-таки изучить.

2, 17.

Хорошая память удивительно полезное орудіе. Безъ нея разумъ лишь съ трудомъ можетъ удовлетворять своему назначенію
ibid.

Книги служили имъ не столько для того, чтобы задавать работу памяти, сколько для того, чтобы задавать работу мышленію.

3, 3.

Выдающимися людьми можно назвать тѣхъ, которые въ высокой степени обладаютъ разнообразіемъ и гибкостью.

ibid.

Умъ большинства людей нуждается въ находящемся внѣ ихъ матеріалѣ, чтобы добиться гибкости и ловкости; мой умъ нуждается въ этомъ скорѣе для того, чтобы отдохнуть, такъ какъ самое трудное и главное его занятіе есть изученіе самого себя.

ibid.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩЕ ВЫПУСКИ

ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ,

издаваемой К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ.

Вып. I. **Избранныя педагогическія сочиненія Коменскаго.** Часть I. Великая дидактика. Переводъ съ латинскаго А. Адольфа и С. Любомудрова. Съ портретомъ Коменскаго, очеркомъ его жизни и дѣятельности и объяснительными примѣчаніями. Москва, 1893 г. XXVI+308 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Вып. II. **Избранныя педагогическія сочиненія Коменскаго.** Часть II. Мелкія сочиненія, примыкающія къ „Великой дидактикѣ“. Переводъ съ нѣмецкаго А. Адольфа и С. Любомудрова. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Москва, 1893 г. VIII+270 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Вып. III. **Избранныя педагогическія сочиненія Песталоцци.** Томъ I. Лингардъ и Гертруда. Части I и II. Переводъ В. Смирнова. Съ портретомъ Песталоцци и очеркомъ его жизни и дѣятельности. Москва, 1893 г. LI+436 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Вып. IV. **Избранныя педагогическія сочиненія Песталоцци.** Томъ II. Лингардъ и Гертруда. Части III и IV. Переводъ В. Смирнова. Москва, 1894 г. 558 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Вып. V. **Избранныя педагогическія сочиненія Песталоцци.** Томъ III. Мелкія сочиненія. Переводъ В. Смирнова. Москва. 1896 г., 560 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Вып. VI. **Л. Келльнеръ. Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи.** Переводъ съ нѣмецкаго О. Масловой, подъ редакціей Н. Горбова. Съ портретомъ Келльнера, очеркомъ его жизни и примѣчаніями. Москва, 1895 г. XIX+260+IV стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Вып. VII. **Иммануиль Кантъ. О педагогикѣ.** Переводъ съ нѣмецкаго С. Любомудрова. Съ портретомъ и біографіей Канта. Москва. 1896. VIII+96 стр. Цѣна 75 к.

Вып. VIII. **Руссо. Эмилъ.** Въ переводѣ съ французскаго П. Перова. Съ портретомъ и біографіей Руссо. Москва. 1896, I+656 стр. Цѣна 3 р. 50 к.

Вып. IX. **Локкъ. Мысли о воспитаніи.** Въ переводѣ съ англійскаго А. Басистова. Съ портретомъ и очеркомъ жизни Локка. Москва. 1896, XVI+240 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Вып. X. **Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ.** Въ переводѣ съ французскаго В. Недачина. Съ портретомъ и біографіей Фенелона. Москва. 1896. XVI+96 стр. Цѣна 75 к.

Вып. XI. **Рабле и Монтэнь. Мысли о воспитаніи и обученіи дѣтей.** Избранныя мѣста изъ сочиненія Рабле „Гаргантюа и Пантагрюэль“ и Монтэня „Опытовъ“. Въ переводѣ съ французскаго В. Смирнова. Москва. 1896. 140 стр. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. выпуски I и VI рекомендованы для фонд. библ. среднихъ учеб. завед., мужскихъ и женскихъ, и для учительскихъ институтовъ, а вып. II одобрены для фундамент. библ. средн. учебн. заведеній.

Особымъ отдѣломъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. выпуски I и II одобрена для учит. библ. низшихъ училищъ и ученическихъ библ. учит. семинарій; выпуски III и IV одобрены для учит. библиотекъ низш. учил., а также учит. семинарій и институтовъ.

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ вып. I и II одобрены для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ и епархіальныхъ женскихъ училищахъ, въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи дидактики; вып. III и IV допущены къ приобрѣтенію въ фонд. библ. духовныхъ семинарій.

**Въ дальнѣйшихъ выпускахъ „Педагогической
Библіотеки“ будутъ изданы:**

Избранныя педагогическія сочиненія Гербарта. Въ одномъ томѣ.
Въ переводѣ А. Адольфа Съ портретомъ и біографіей Гербарта
(печатается и выйдетъ осенью 1896 года).

Ролленъ, избранныя мѣста изъ его *Traité des études.*

Избранныя педагогическія сочиненія Дистервега.

Избранныя педагогическія сочиненія Фребеля.

Жакъ Поль Рихтеръ, Левана.

Вильманъ, Дидактика. Два тома.

Русская педагогическая хрестоматія М. Демкова.

**Складъ „Педагогической Библіотеки“ въ Москвѣ, на Кузнецкомъ Мосту
при книжномъ магазинѣ К. И. ТИХОМИРОВА.**

НЕ ПНУС

7285